

9(51)
K21.

172275

ПРОФ. Г. С. КАРА-МУРЗА

太平天國

ТАЙПИНЫ

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

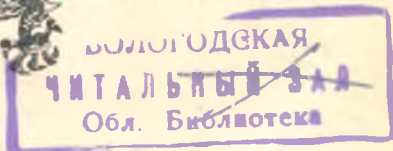
ПРОФ. Г. С. КАРА-МУРЗА

ТАЙПИНЫ

ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
И ТАЙПИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО
В КИТАЕ

1850-1864

5/222/1

1941

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва

Книга проф. Г. С. Кара-Мурза „Тайпины“ освещает причины, ход и итоги великой крестьянской войны в Китае в 1850—1864 гг., известной под названием „Восстание тайпинов“.

ФЕОДАЛЬНЫЙ КИТАЙ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

I

В середине XIX в., когда в европейских странах уже установился капиталистический строй, Китай еще оставался отсталой феодальной страной. Многомиллионный китайский народ, составляющий четверть всего человечества, изнывал под тяжелым гнетом феодалов, так же беспощадно эксплуатировавших народ, как и 500 и 1000 лет назад.

Верховным феодалом Китая был император. Центральная власть в Китае была захвачена в XVII в. племенем манчжуров. С этого времени на китайском престоле сидел чужеземец. Манчжурская аристократия была господствующей кликой в Китае.

Император назывался в Китае «сыном неба» и считался божественной особой, посланцем неба на земле. В его руках находилась вся полнота власти и законодательной, и административной, и судебной. Он был и верховным первосвященником. Власть императора не ограничивалась никем и ничем, он отвечал за свои поступки только перед небом. В знак уподобления солнцу император одевался во все желтое. Кроме него и его ближайших родственников, никто не смел носить одежды желтого цвета. В его присутствии надо было стоять на коленях; разговаривая с ним, надо было делать земные поклоны; проезжая мимо императорского дворца, нужно было сойти с лошади или выйти из повозки и пройти пешком. Даже личным вещам императора — его одежде, его портретам — необходимо было оказывать такое же внимание. Пожалуй, не было на свете другого такого человека, которому оказывались бы подобные почести.

Императора окружало многочисленное дворянство, так называемые «принцы крови», члены царствующего дома, близкие

и дальние родственники императора, а также родственники всех предшествовавших императоров манчжурской династии. К середине XIX в., т. е. за 200 лет господства манчжуров в Китае, это паразитическое сословие выросло до огромных размеров, ибо к нему принадлежал каждый из дальних родственников всех императоров этой династии.

Принцы крови — родственники царствующего императора — в зависимости от близости родства подразделялись на 12 степеней. В соответствии со степенью принцу определялись от императора размеры содержания, придворного штата, натурального довольствия в виде шелков на одежды, съестных припасов и т. д. Принцы имели и внешние знаки отличия: пурпуровый шарик на головном уборе, павлинье перо, нагрудники с драконами (дракон — императорский герб). Знаки отличия имелись и на жилищах принцев, на их лошадях и т. п.

Дворцы принцев разных степеней отличались друг от друга высотой своего фундамента, резьбой и раскраской ворот, цветом крыши, количеством когтей у дракона, изображенного на воротах. Соответственно степеням воздавались принцам и почести: перед принцем первой степени следовало дважды припадать на колени, каждый раз с троекратным поклоном в землю, перед принцем третьей степени достаточно было упасть на колени один раз. У принцев каждого ранга были свои, установленные законом, костюмы для каждого времени года, для каждого торжественного случая. Одни носили зимой соболью шубу, летом — парчевый красный халат, другие — зимой рысью шубу с собольей каймой, летом — синий парчевый халат; князья низших степеней носили бобровые, рысьи, барсовые, волчьи, лисьи шубы; летом принцы носили штофные — разных цветов — халаты. Одежды, ширмы, покрывала желтого цвета были разрешены только императору и принцам первой степени. Кроме них, никому не разрешалось даже иметь желтую нитку в одежде. В уставах и законоположениях о степенях и рангах было записано все — вплоть до того, кому и какие пуговицы надлежит иметь на халате.

Принцы занимали важнейшие государственные посты в столице, будучи председателями палат, приказов, управлений, составляя императорский совет и великий секретариат, а также военное руководство империи. Они зачастую назначались и наместниками провинций.

К манчжурской знати принадлежали и так называемые железношлемные князья — потомки активно участвовавших

Парад императорских войск у Пекинского дворца.

в завоевании Китая сподвижников первых манчжурских императоров. Кроме потомственного дворянства, созданного манчжурами, в Китае издавна существовала система награждения дворянскими титулами и званиями, становившимися наследственными. Эту систему сохранила и манчжурская династия, щедро раздавая дворянские титулы как манчжурам, так и покорившимся китайцам. Наследственные дворянские титулы подразделялись на 9 классов. Манчжуры ввели еще почетные звания, обладатели которых приобщались к господствующему сословию.

За особые заслуги император жаловал также почетные награды — курму с собольим мехом, пурпуровые повода, павлиньи перья и др., что соответствовало орденам в европейских странах.

Привилегированное положение занимала и манчжурская армия. Она называлась «армией восьми знамен» (знамя — корпус). Эта армия была скомплектована из манчжуров, из помогавших им при завоевании Китая монголов и из китайцев — выходцев из Манчжурии. Таким образом, те, кто создавал новую царскую династию, и стали привилегированным сословием. Все манчжурские князья состояли в знаменных войсках, куда с раннего возраста записывались и их дети. Все они получали пожизненное жалованье, размеры

которого зависели от места, занимаемого в военной иерархии. Получали жалование и их жены и дочери.

Манчжурские принцы, князья, военачальники представляли собой крупнейших эксплуататоров. В их руках было всё — чины, почести, богатство, сила. Пользуясь своей властью, принцы крови и князья безжалостно грабили крестьянство и сосредоточили в своих руках огромные земельные поместья. Они взимали с крестьян многочисленные налоги, поборы, принуждали их к натуральным повинностям. Среди манчжуров имелись обладатели сказочных богатств. Так, член императорского дома, манчжур Хэ Шень (конец XVIII в.), устроил во всех городах меняльные лавки, наполненные медной монетой. Он заставил пекинских купцов, выезжавших по торговым делам в провинции, оставлять ему все серебро, взамен чего выдавал чеки на свои меняльные лавки, где купцы получали соответствующую сумму медью. К Хэ Шеню привозили серебро со всех концов империи и в виде взяток, приношений. Будучи министром, он принимал послов. Те, зная об его алчности, приезжали к нему с дарами, привозя серебро в больших глиняных корчагах, будто бы наполненных вином. В подвалах его дворца скопились такие груды серебра, что это привело к нехватке и вздорожанию серебра во всем Китае. У Хэ Шеня были несметные сокровища и в виде золота и драгоценных камней. Так, например, Хэ Шень выстроил дворец, представлявший собой точную копию императорского. Виноградник в дворцовом саду был сделан искуснейшими мастерами-ювелирами из чистого серебра, золота и драгоценных камней. Стволы и ветви были из серебра и золота, а ягоды — из бриллиантов, жемчуга, изумрудов, сапфиров, кораллов. Многочисленный штат Хэ Шеня, состоявший из нескольких тысяч человек — чиновников, евнухов, слуг, придворной челяди, наложниц, был подстать своему хозяину. Даже у дворецкого было несколько миллионов лан¹ серебра, не считая других сокровищ. Общее состояние Хэ Шеня оценивалось свыше чем в 1 млрд. лан.

До завоевания Китая манчжурами господствующую роль в стране играли китайские феодалы. При господстве манчжуров они заняли подчиненное место и должны были отдать власть чужеземцам. Но манчжуры сохранили многие старые привилегии китайского дворянства и этим подкупили его, примирив со своей властью. Китайское дворянство форми-

¹ Лан в то время стоил больше 2 русских рублей.

Группа солдат и офицеров манчжурской армии.

ровалось своеобразным путем. Чтобы стать дворянином, надо было сдать экзамен и получить ученую степень. Образование было цензом, дававшим право войти в привилегированное сословие. Экзамены были трудные и требовали длительной подготовки, которую могли себе позволить лишь люди, обладавшие значительным богатством. Такой ценз был утонченнее, чем в других феодальных странах, например в Англии, где дворянином становился всякий, купивший поместье. Англичане называли таких дворян «джентри», и это слово вошло в нашу литературу и в применении к китайским дворянам.

Формально экзамен могли сдать и крестьянин, и ремесленник, и купец. Но на деле этим правом пользовались лишь самые крупные помещики, богатые купцы и ростовщики. Кроме сдачи экзамена, надо было дать взятку экзаминатору, иметь личные связи. А часто богачи и не сдавали экзамена, попросту покупая звание джентри. Оно стоило не дешево: например, один купец купил своим сыновьям звание джентри за 136 000 лан.

Из среды джентри манчжуры вербовали и управителей городов, судей, казначеев, представлявших собой как бы служилое дворянство. Европейцы прозвали их «мандарина-

ми» — от слова «мандар» (управлять, повелевать). Мандаринов было всего несколько тысяч. В уездном городе был один мандарин, в окружных и областных городах их было больше, в провинциальных столицах еще больше. Очень много мандаринов было в Пекине¹, тогдашней столице Китая.

Мандарины, как и потомственные дворяне, подразделялись на ранги. Этих рангов было девять. Принадлежность к тому или иному рангу отмечалась внешними отличиями. Первым из отличий была нашивка на грудь и на спину в виде большого четырехугольного куска сукна с вышитыми на нем изображениями птицы (на нашивке для гражданских мандаринов) и зверя (на нашивке военных мандаринов). Манчжуры целиком сохранили эти отличия и в дополнение к ним еще в XVII в. ввели новый знак отличия — небольшие шарики на головном уборе, различавшиеся по цветам в зависимости от ранга мандарина. Как и у князей, жилища, одежда, быт мандаринов строго регламентировались. Так, дом мандарина первого или второго ранга мог иметь фундамент, возвышающийся на пол-аршина от земли, ворота зеленого цвета, залы определенной величины, значительно меньше по площади, чем у князей. У мандаринов третьей, четвертой и пятой степеней залы были еще меньше, ворота окрашивались в черный цвет. Даже кольца на воротах домов должны были различаться в зависимости от ранга (медные, оловянные, железные и т. д.). Типы одежды, зонтики, пологи, занавесы, посуда, полагающиеся мандарину, были строго расписаны в уставах и положениях о рангах.

За малейшее нарушение этих уставов мандарина ожидало серьезное наказание вплоть до разжалования и ссылки.

С народом мандарины обращались, как со скотом. Выезд мандарина на улицу обставлялся чрезвычайно торжественно. Когда мандарин выходил из своего дома, все служащие его «ямыня» (присутственного места) шли в порядке по обеим сторонам улицы. Одни били в медный таз и кричали, чтобы народ воздавал мандарину должные почести, другие держали длинные бичи или палки с приделанными к ним железными цепочками: ими били народ направо и налево — кого за ротозейство, кого за недостаточную почтительность.

Мандарины, как и манчжурские князья, накапливали несметные богатства путем взяточничества, расхищения казны и

---

¹ Теперь город называется Бэйпин.

ограбления народных масс. Крупный мандарин имел десятки и сотни тысяч лан ежегодного дохода, не говоря уже о средствах, добывавшихся путем прямого воровства и разбоя. Многие мандарины были связаны с шайками разбойников, покрывая их деятельность и получая с них за это довольно высокий процент. Государственной казной мандарины распоряжались почти как собственной. Был случай, что император ассигновал 200 000 лан для помощи голодающим провинции Шаньдун, пострадавшей от наводнения. Казначей — первый, кто притронулся к этим деньгам, — украл из них 40 000 лан, его помощник — 20 000 лан и т. д. Пока деньги «дошли» до Шаньдуна, их осталось уже всего 40 000 лан. Да и этот остаток попал в руки чиновников, и пострадавшим от наводнения не досталось ни одного лана.

Крупные мандарины, управлявшие провинциями, являлись феодальными сатрапами, полновластными хозяевами своих вотчин. Они чинили суд и расправу, издавали указы, имели свои войска. Их обязанности перед императором ограничивались лишь присылкой в столицу установленного для их областей налога. Конечно, номинальная ставка налога далеко не соответствовала тому, что действительно платило население, ибо всё сверх той суммы, которую мандарин должен был отправлять в центр, он мог оставлять себе. И мандарин грабил население, как и сколько только мог. В неурожайные годы отдельные области освобождались центральной властью от налогов, но местные управители все равно собирали налоги. Разница заключалась в том, что они в этих случаях присваивали себе все налоговые поступления, не отсылая ни одного лана в столицу.

Каждая из 18 провинций Китая была по своей площади не меньше любого европейского государства. Этими провинциями управляли губернаторы. Аппарат управления составляли вице-губернаторы, казначей, главный уголовный судья, контролер пошлин на соль, сборщик налогов и пр.

В области — следующей административной единице после провинции — сидел областной начальник, бывший таким же «отцом», хозяином своей области, как губернатор в провинции. Он тоже имел свой, хотя и не такой большой, аппарат власти. В округах сидели окружные правители. И, наконец, на нижней ступени этой феодальной лестницы находился уездный управитель.

В уездах господствовала следующая система управления: 10 домов составляли десятки и имели выборного десятника;

10 десятков составляли сотню и имели своего сотника; 10 сотен составляли волость, имевшую своего старшину. Это была низшая власть, выбиравшаяся населением из представителей наиболее знатных и богатых семей.

Должности чиновников, даже высших, можно было купить. В Китае издавна господствовала система продажи государственных должностей и звания мандарина. Денежные поступления от продажи должностей составляли большую статью дохода императорской казны. Так, например, в 1836 г. в Китае было продано должностей на 10 млн. лан.

Сам мандарин зачастую не имел никакого представления ни о законах, ни о способах управления, ни о своих функциях. Все это было ему и не нужно: работали за мандарина другие, а он лишь получал доходы и представлял в своем лице власть, направо и налево раздавая палочные удары, а то и отрубая головы непокорным.

Манчжурские принцы, князья, мандарины, джентри — эти потомственные и личные дворяне Манчжурской империи — составляли господствующий класс, привилегированное сословие Китая.

Дворяне были освобождены от налогов и повинностей. Они имели право распоряжаться жизнью и смертью «простолюдина». Закон охранял жизнь дворянина от покушений со стороны ниже его стоящего, но не было законов, где говорилось бы о защите простолюдина от дворянина.

Дворяне, уличенные в каком-либо преступлении, не подвергались тем издевательствам, которые испытывали на себе трудящиеся массы. Дворяне не должны были становиться на колени перед судьей, были освобождены от телесных наказаний. Они наказывались меньше и мягче, а в ряде случаев наказание заменялось им или снижением чина, или штрафом, или разжалованием в «простолюдины». Даже будучи осужден на смертную казнь, дворянин пользовался привилегиями. Так, одной из форм проявления высшей милости императора к осужденному на смерть мандарину являлась замена смертной казни через удушение преподношением шелкового шнура, чтобы осужденный мог повеситься сам. Как правило, к осужденным на смерть дворянам не применялись такие виды казни, как разрубание тела на части и отсечение головы.

Сословные привилегии дворян сохранялись даже после их смерти. Они имели право на большего размера могилу, чем полагалось простолюдину, на лучший гроб, на лучшее одеяние, на мраморные памятники на могилах. Этого права про-

столюдины были лишены. Похороны были так же строго регламентированы, как весь быт феодального Китая, и нарушить эту регламентацию никто не смел.

Сословные различия пронизывали собой весь быт. Одежда, жилище, пища были столь различны у дворян и простолюдинов, что китайского крестьянина скорей можно было сравнить в его быту с русским крестьянином, чем с китайским мандарином.

Быт и нравы господствующих классов феодального Китая характеризовались кутежами, развратом, многоженством, насилием над женщиной. Считалось обычным, в порядке вещей, когда мандарин приказывал захватить любую понравившуюся ему девушку. Китайская женщина влачила жалкое, приниженное существование. Как и на всем Востоке, она не считалась человеком, равным мужчине, играла роль рабыни, не имела права ни войти, ни сесть в присутствии мужчины, не могла даже показаться на улице. Еще с эпохи средневековья в Китае сохранился варварский обычай бинтования ног у женщины, превращавший ее в урод, приносящий неисчислимые мучения, особенно трудящимся женщинам. У девочек с детства подгибали ступни и в течение многих лет бинтовали их, препятствуя их росту и превращая ноги в уродливые култышки. Богатая женщина могла пользоваться паланкином и другими средствами передвижения, а трудящиеся, прозядающие свою жизнь в движении, в тяжелой работе, ежедневно ощущали последствия этого варварского обычая. В дополнение к этому девушке с юности бинтовали грудь.

Огромные гаремы были признаком богатства и знатности, и каждый мандарин, каждый богач, уже не говоря о князьях и принцах, содержал десятки, а то и сотни наложниц. Браки в Китае заключались без ведома и согласия девушки, когда она была еще ребенком. Она уже с детства отдавалась в дом будущего мужа, где фактически превращалась в прислугу у свекрови.

Участь большинства женщин из бедных семей была заранее predetermined — стать рабыней, наложницей или проституткой.

Замужество было сопряжено с большим приданым, что было не под силу многим трудящимся семьям. В бедных семьях рождение девочки было несчастьем. Девочка являлась лишь обузой в семье, а дальше ей предстояла мучительная жизнь. Поэтому в Китае среди бедняков было распространено подкидывание девочек или даже их убийство вскоре же после рождения.

II.

У феодалов скоплялись несметные богатства, трудящиеся же массы жили в неслыханной нищете. Тогда как богачи буквально утопали в роскоши, у крестьянина не было даже зерна для посева. Крестьянство влачило нечеловеческое существование. Большая часть крестьян не имела своей земли и была вынуждена арендовать ее у помещика. Помещики же, как правило, не вели своего хозяйства. Они жили в городах и лишь получали с крестьян арендную плату в виде огромной части урожая. Крестьянину оставалось меньше половины урожая, так как 60—70 процентов его он отдавал помещику. Часто помещики требовали внесения арендной платы серебром. Это еще больше ухудшало положение крестьянина: он попадал в кабалу к купцу, которому продавал свой рис или пшено, ячмень, бобы, хлопок или чай, и к ростовщику-меняле, у которого выменивал полученную от купца медь на серебро.

Среди помещиков были не только дворяне, наделенные землей в связи с военной службой или получившие землю от императора, — землю имели также богатые купцы и ростовщики, скупившие или получившие землю за долги. Среди помещиков были крупнейшие богачи, владевшие десятками и сотнями тысяч му¹, а некоторые имели и по несколько миллионов му земли. Так, например, чилийский губернатор Ци Шань имел свыше 2,5 млн. му.

По закону в Китае не было крепостной зависимости; крестьяне были «свободны» и могли даже стать мандаринами. Но эта «свобода» была лишь лицемерным прикрытием невиданного произвола, гнета, издевательства, которому подвергались крестьяне со стороны господствующих классов. Фактически крестьянин в Китае был крепостным каждого мандарина, князя, джентри, которые были властны над его жизнью и смертью, над его трудом и собственностью. Мандарин мог в любое время заставить крестьянина работать на него в порядке барщины, забрать у него столько рису, сколько ему потребовалось сверх всех, законом установленных, налогов и податей. По китайским законам земледелие считалось государственной обязанностью крестьянина. «Нерадивый крестьянин, — гласил императорский указ, — оставивший необработанной землю, наказывается ударами бам-

¹ Му — мера земли, в разных районах Китая различная. В среднем принято считать му равным $\frac{1}{16}$ га.

бука, причем число ударов определяется количеством му необработанной земли». Крестьянин не мог уйти из своей деревни, не мог оставить поле необработанным. В гражданском списке он мог числиться только по месту рождения, в списки заносились лишь те, кто проживал 20 лет в одном месте и имел родовое кладбище. А раз крестьянин не мог уйти из деревни, то он не мог уйти и от своего помещика. Крестьянин привязывался к земле не только законодательством, но также обычаями и религией.

Крестьяне из поколения в поколение жили в одной и той же деревне, обрабатывая один и тот же кусок земли. Собственники земли менялись, но арендаторы оставались неизменными. Закон запрещал сгонять арендатора с земли, если он исправно уплачивал арендную плату. Тысячи крестьянских семейств имели общих предков, поселившихся в деревне много веков назад. Они молились их духам и имели общее родовое кладбище и общую родовую кумирню. Деревни были заселены крестьянами, носившими одну общую фамилию. Однофамильцы чтили старейшего из своей среды, который был жрецом, приносившим жертвы общему предку.

Наряду с земледелием крестьяне занимались домашней промышленностью: они пряли, ткали не только для личных нужд, но и для продажи. Дешевая, прочная ткань скупалась купцами.

Техника сельского хозяйства была очень примитивной. Крестьяне обрабатывали землю допотопными орудиями. Скота было мало, и часто крестьяне сами впрягались в плуги. В некоторых областях решающим условием земледелия было искусственное орошение. Плотины, дамбы, каналы строило государство — этим занималось специальное министерство.

Помимо арендной платы, крестьяне еще должны были платить за помещика налог. Кроме того, крестьян, как скот, сгоняли на всякие повинности — на перевозку казенных грузов, на постройку городов, на горные разработки, на соляные прииски. Об этих повинностях рассказывает англичанин Маккартней, бывший в Китае в конце XVIII в. «По приказанию мандарина, — описывает он один из эпизодов, которому сам был свидетелем, — очень много народу собрано было для того, чтобы тащить яхту; но так как плата, которую правительство им положило, была весьма не сообразна с трудом, то многие из рабочих убежали, как скоро имели к тому случай. Часто случалось, что в течение ночи их переменили для того, чтобы легче обмануть тех, коих хотели принудить работать. Обыкновенно следует за ними предводитель,

подобный надсмотрщику у негров на Антильских островах: он плетью понуждает их итти вперед и смотрит за ними, чтобы не убежали».

Кроме мандаринов и помещиков, крестьян эксплуатировали и ростовщики, присосавшиеся к китайской деревне, как паразиты.

Крупные и мелкие ростовщики, пользуясь нуждой своих соседей, давали деньги в ссуду под большой процент. По закону не разрешалось взимать по долгам более 3 процентов в месяц, но закон этот не выполнялся, ибо часто крестьянин шел на всякие условия, лишь бы получить необходимую ссуду. Закон запрещал также взимать проценты тогда, когда сумма, составляющаяся из выплачиваемых по ссуде процентов, сравнивалась с долгом. Но и в этом случае закон обходился: старая долговая расписка уничтожалась, писалась новая, и всё шло сначала. В связи с этим росло долговое рабство. Крестьянин отдавал себя или своего сына или дочь в кабалу к ростовщику или продавал детей.

В результате эксплуатации со стороны мандаринов, помещиков и ростовщиков, а также вследствие бесчисленных налогов и тяжелых повинностей, китайская деревня из года в год разорялась. Неурожаи, стихийные бедствия, голод были в деревне частым гостем. Не было года, чтобы в какой-либо области не случался недород. Помощи ждать было неоткуда. Голодные крестьяне бросали деревни в поисках пищи, питались падалью, листьями, корой, продавали детей в рабство. Сотни тысяч обездоленных вечно заполняли проезжие дороги, так как в другие деревни и города их не пускали, как незаконно покинувших свои деревни. Они пополняли шайки разбойников, так называемых «туфеев», насчитывавшихся миллионами.

Мандарины и джентри, манчжурские принцы и военачальники, богатые купцы и ростовщики жили в городах, а деревня кормила этих бесчисленных паразитов. Первым среди городов был Пекин, столица Китайской империи. Его население исчислялось в несколько миллионов человек. В столичных городах провинций население исчислялось сотнями тысяч, а в иных — и миллионами. Каждый город был окружен высокой каменной стеной. В город можно было войти только через ворота, находившиеся в разных концах стены. Стена была внешним отличием городов от селений, хотя бы в иных из городов и было меньше населения, чем в больших селах. Резиденция управителя и городская стена — таковы внешние признаки китайского города.

Китайский суд (с китайского рисунка).

В городах были «ямыни» (присутственные места), тюрьмы, суд, воинские гарнизоны. Сильно развиты были ремесла и мануфактуры. Многочисленные торговые заведения, лавки, ссудные конторы и ломбарды, театры, публичные дома, притоны с азартными играми обслуживали феодальную знать, помещиков и крупных купцов. В китайских городах жило огромное число ремесленников. В большинстве случаев они же были и мелкими торговцами, торгуя в своих лавках предметами собственного производства.

подавляющее большинство населения всех городов составляла беднота. Ее количество было огромно. В одном только Пекине насчитывалось около 100 тыс. семей бедняков, в Кантоне — 50—80 тыс. С этой городской бедноты даже не взимались налоги. Условия ее существования были ужасны. Бедняки ходили в жалком рубище, питались мясом дохлых собак, кошек и крыс. Ютились они в убогих хижинах на городских окраинах, представлявших необычайный контраст с великолепными дворцами богачей в центре городов. В прибрежных городах (Кантон, Учан и др.) беднота ютилась в лодках, на море и на реках, проводя жизнь — с рождения до смерти — в убогой конуре, выстроенной на лодке. Грузчиков и носильщиков называли «кули», что значит «горький труд». За нищенскую плату, подгоняемые надсмотрщиками, кули перетаскивали на себе огромные тяжести. Десятки тысяч бедняков зарабатывали на жизнь сбором человеческого кала, который они продавали крестьянам для удобрения полей. Рикши возили тележки, носили паланкины, где восседали феодалы и богачи. Особый слой городского населения составляли нищие. Их были миллионы, в одном Пекине — больше 100 тыс. Они не трудились, не имели даже жилищ, ночуя под мостами. В февральскую морозную ночь 1796 г. в Пекине замерзло 8000 нищих. Калеки, безногие и безрукие, слепые, прокаженные представляли страшное зрелище. Они объединялись в свои корпорации, имели старшин. Купцы боялись их и откупались от них большими суммами.

Трудящихся города и деревни аристократия называла «простолюдинами». Простолюдинами считались и купцы, несмотря ни на какие богатства. Они не находились под защитой закона. Мелких купцов грабили мелкие мандарины, а крупных не брезговал грабить и император. Купцы не имели права носить такую одежду, какую носили дворяне. Как бы богаты ни были купцы, они должны были иметь простые дома без фундамента, возвышающегося над землей, без украшений. Простолюдины не смели носить платье, вышитое

Манчжурский министр и начальник знамени.

золотом, серебром и шелками и даже просто разноцветное. Если жена купца желала надеть жемчуг — признак дворянства, то украшение немедленно конфисковывалось, а виновница присуждалась к наказанию. Не смели употреблять простолюдины золотую и серебряную посуду. Простолюдину летом полагалось носить простую одноцветную соломенную шляпу, а зимой — войлочную.

Но богатые купцы могли купить дворянское звание, титул, даже должность мандаринов. Они широко пользовались этим правом. Среди купцов имелись богатейшие люди страны, разбогатевшие на бедствиях народа. Такими были, например, соляные откупщики, монопольно торговавшие солью. Чтобы получить откуп, купцы подкупали управителей городов и получали патент, становясь монополистами. Они имели свою

стражу и могли зайти с обыском в любой дом, чтобы по
смотреть, не скрываются ли в нем соляные контрабандисты.
Торговые монополии были широко распространены в Китае.
Они распространялись также на торговлю скотом и рисом.

Купцам не уступали в богатстве ростовщики. Во всех го
родах были ссудные банки, ломбарды, меняльные лавки, да
вавшие ссуду под большие проценты.

Дворян и простолюдинов закон признавал гражданами. Они
вносились в гражданские списки империи. Кроме этих дву:
сословий, было еще так называемое «внесословное» насе
ление, не входящее в состав граждан и называвшееся «подлым
людом». «Подлый люд» даже и формально не имел права на
государственные чины, на сдачу экзаменов. На девушках и
«подлого люда» нельзя было жениться даже простолюдину.
В этот «подлый люд» входили, например, актеры и музы
канты. Театральное искусство и музыка считались «под
лым» занятием, не достойным граждан Небесной империи.
К разряду «подлых людей» относились еще цирюльники и
оружейники, чьи профессии считались унижительными. В со
словие джентри и мандаринов не допускались не только
они сами, но и их потомки до третьего колена. Служители
«ямыней» (присутственных мест), суда, тюрем и т. д. и
чернорабочие на императорских кораблях также считались
«подлыми». Первоначально служители ямыней, тюрем и пр
вербовались насильственно, главным образом из числа пре
ступников. Будучи однажды выброшенными из общества
они передавали свою профессию от отца к сыну. Таким
образом, должность служителей в присутственных местах
становилась как бы наследственной профессией этих людей.
Наконец, «подлыми» считались рабы, невольники. Манчжурь
еще при завоевании ими Китая превратили в своих работ
взятых в плен китайцев. Все потомки военнопленных про
должали оставаться рабами. Таким путем рабовладельцами
стали не только манчжурские офицеры, но и многие солдаты.
После закрепления власти манчжуров было установлено, что
бы в рабство к манчжурским офицерам, князьям и воен
начальникам отдавали мятежников, а также китайцев-преступ
ников. Наконец, рабами становились дети, проданные своими
родителями.

Манчжурские и китайские феодалы охраняли свое господ
ство над трудящимися с помощью суровых законов. Зако
нодательство империи насчитывало 2759 преступлений; из
них более тысячи карались смертью. Наиболее тяжкими
считались злоумышление против общественного спокойствия

и царствующего дома и неуважение к власти. За важнейшие преступления наказанию подвергался не только преступник, но и его родственники; всем родным по мужской линии отрубали головы. Самыми легкими наказаниями считались удары бамбуковой палкой и «канга» — тяжелая деревянная доска, надевавшаяся на шею. Преступников также отдавали в рабство, клеймили, ссылали в дальние области. Но от этих наказаний дворяне освобождались, а богачи могли откупаться. Существовал даже тщательно разработанный тариф расценки: от 10 ударов бамбуком можно было откупиться за 2 золотника серебра и 5 четвериков пшена; год ссылки и принудительных работ заменялся уплатой 10 лан серебра и большой меры пшена. Можно было нанять вместо себя другого для отбытия легких наказаний. Этим кормились тысячи бедняков, за ничтожную плату подставлявших свои спины под удары бамбуковых палок.

Господство феодалов охраняла и армия. Гарнизоны манчжурской армии восьми знамен располагались в Пекине, в Манчжурии и Монголии, на западных границах и в провинциальных столицах. Военачальники были изнежены и распутны, как и вся манчжурская знать. Рядовые подражали начальникам.

Вооружение рядовых состояло из луков и стрел, секир, копей, сабель, рогаток, допотопных мушкетов и пищалей, осадных лестниц. Солдаты имели шлемы, латы, стеганные на вате, плетеные из бамбука щиты. Кроме армии восьми знамен, в каждой провинции были еще так называемые «армии зеленого знамени», состоявшие из наемников-китайцев.

Армия жестоко подавляла малейшую попытку трудящихся масс к восстанию, всякое выступление против феодальных порядков.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

I.

Толчком к Великой крестьянской войне, охватившей Китай в середине XIX в., явилось поражение, понесенное Китаем в его первой войне с Англией в 1839—1842 гг.

Английские капиталисты уже давно зарились на богатства Китая. В течение многих предшествующих лет англичане выкачивали из Китая серебро в обмен на опиум, курить который они приучили китайский народ. Они хотели сбывать в Китай и свои товары, но император не разрешал им торговать ни в одном городе, кроме Кантона. Выкачка серебра и отравление народа опиумом заставили центральную власть запретить англичанам также и ввоз опиума. Все это и привело Китай к войне с Англией. В 1839 г., придравшись к уничтожению кантонским мандарином контрабандного опиума, англичане послали в Китай свои войска и в ряде боев нанесли манчжурской армии тяжелые поражения. Кантон, Шанхай и другие города были взяты англичанами. В августе 1842 г., когда англичане подошли к стенам крупнейшего города Нанкина, император подписал с ними позорный мир: англичане согласились очистить занятые города, но заставили уплатить им крупную контрибуцию и разрешить им свободную торговлю и свободное поселение в городах Кантоне, Шанхае, Амоэ, Нинбо, Фучжоу. Отныне англичане, а следом за ними и другие европейцы, стали жить в этих городах (так называемых «открытых портах»), не подчиняясь китайским законам и наживая огромные барыши. Кроме того, Китай вынужден был передать англичанам в вечное владение остров Гонконг, который с тех пор стал базой для дальнейшего проникновения Англии в Китай.

«Каковы бы ни были социальные причины, вызвавшие хронические восстания, продолжающиеся уже около 10 лет в Китае и теперь слившиеся в одной могучей революции, — писал Маркс в 1853 г., — и какую бы религиозную, династическую или национальную форму они ни приняли, — самый

этот взрыв был несомненно вызван английскими пушками, при помощи которых Англия заставила Китай ввозить к себе снотворное средство, называемое опиумом. Перед британским оружием престиж манчжурской династии пал безвозвратно, исчезли суеверные мечты о вечности Небесной империи, нарушена была варварская и герметическая изоляция от цивилизованного мира, и положено было начало тем сношениям, которые с тех пор так быстро развивались...»¹

После войны начался рост английской торговли с Китаем. Ввоз иностранных товаров пагубно отразился на старинном китайском ремесле, мануфактуре и домашней промышленности. Сотни тысяч ткачей потеряли работу. Китайцы «...стали покупать более дешевые английские товары и обрекли на гибель своих собственных рабских в мануфактуре»,—писал Энгельс. Тяжелая контрибуция, наложенная на Китай, и непрекращающаяся выкачка серебра в обмен за опиум привели к крайнему обесценению китайских денег. В 1830 г. 1 лан китайского серебра стоил 1000 медяков, в 1848 г.—2000, а в 1851 г.—уже 4700 медяков. Колоссальный рост цен на серебро ложился огромной тяжестью на китайское крестьянство, ибо налог, а во многих случаях и арендная плата за землю уплачивались серебром или медью по курсу серебра. Богдыхан и мандарины, пытаясь переложить трудности на плечи трудящихся, ввели сотни новых налогов; повышалась арендная плата за землю. Система искусственного орошения, каналы, плотины, дамбы приходили в упадок. Разливы рек, наводнения, а в ряде районов засухи приводили к обнищанию огромных масс крестьянства, к массовому голоду. Нищие, голодные крестьяне бросали деревни, пополняя шайки «туфеев» (бандитов) и морских пиратов. Поля оставались незасеянными. Обнищание крестьянства суживало внутренний рынок; торговля и ремесла приходили в упадок; мелкие купцы и ремесленники разорялись. Мандарины наживались на народных бедствиях и накапливали в своих руках все новые богатства и огромные земельные поместья. Так, например, у мандарина Ци Шаня бриллианты исчислялись фунтами, золото — сотнями пудов, серебро — десятками миллионов лан.

Народная ненависть к угнетателям все чаще выливалась в бунты, восстания, в убийства мандаринов. Престиж манчжурской династии, и без того ненавистной широким массам китайского населения, окончательно пал после англо-китайской войны. Ответственность за все обрушившиеся на него

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 311—312.

беды народ возлагал на мандаринов и манчжуров. Оживилась деятельность тайных братств, ставивших своей целью свержение манчжурской династии.

Уже на завтра после войны по Китаю прокатились первые волны революционных вспышек. Движение началось на юге Китая, где население в первую очередь испытало на себе последствия вторжения иностранного капитала.

Районами, где вспыхнули первые революционные волнения, были, главным образом, провинции Гуандун и Гуанси. Провинция Гуандун первая испытала на себе гнет иностранного капитала и раньше других подверглась английской бомбардировке. Здесь всего острее давала себя чувствовать и феодальная эксплуатация. Богатые полезными ископаемыми, эти провинции стали объектом новых грабежей со стороны феодалов. На приисках сосредоточивалась обездоленная беднота. В этих провинциях, где жили значительные массы не-китайских племен — *тай*, *ицзя*, *яо* и др. — была сильна и национальная рознь. Здесь особо острыми были противоречия между «бэньди» и «хакка» — коренными жителями края и пришельцами. Эти отдаленные от центра провинции были к тому же местами ссылки. Здесь скопилось огромное количество ссыльных, что тоже оказывало влияние на подъем народного движения. Прибрежные районы Гуандуна были пристанищами сотен тысяч пиратов. Наконец, в 1848—1849 гг. Гуандун и Гуанси посетил извечный враг крестьян — голод. И это было последним толчком, поднявшим на борьбу миллионные массы крестьянства.

В городах и прибрежных районах развертывалась борьба против иностранцев. Уже во время англо-китайской войны стали организовываться первые партизанские отряды. После поражения Китая и заключения Нанкинского договора эти отряды продолжали везде, где только можно, наносить удары ненавистным поработителям. Отмечались массовые случаи убийства иностранных купцов, матросов и миссионеров, разгрома торговых факторий и торговых судов. Выпускались листовки и прокламации, направленные против иностранцев.

С борьбы против иностранцев движение начинало переключаться на борьбу с внутренними врагами, с манчжурскими властями и мандаринами. Народ почувствовал, что он сам должен искать выхода из свалившихся на него бедствий.

И основное направление удара шло именно в сторону правительства ненавистной манчжурской династии и ее ап-

Китайские гудаксы.

парата на местах. В деревне непосредственное влияние иностранцев еще и вовсе не чувствовалось, они еще не проникли в глубь Китая, их даже не видели еще во многих деревнях. Поэтому основная борьба крестьянства направлялась против маньчжурской династии, против феодального господства.

В Гуандуне и Гуанси вспыхивали десятки восстаний. Мандарины жестоко их подавляли, но революционное движение не прекращалось. Оно охватывало все более широкие массы, все новые и новые районы.

II.

В то время, когда крестьянство Южного Китая поднялось на борьбу с мандаринами, в Гуанси возникла маленькая религиозная секта христиан. Христианское учение было совсем недавно занесено в Китай европейцами. Организатором этой секты был сельский учитель Хун Сю-цюань¹.

Хун Сю-цюань родился в 1813 г. в провинции Гуандун, в 30 милях от Кантона. Отец его был крестьянином и погонщиком скота, жил в большой бедности. Семья обрабатывала небольшой участок земли, разводила свиней, кур. Сю-цюань был третьим сыном и четвертым ребенком в этой бедной крестьянской семье.

Род Хуна насчитывал до 20 000 человек, расселившихся по близлежащим деревням. В родной деревне Хуна было около 600 человек, принадлежавших к роду, и отец Хуна считался их патриархом. Будучи переселенцами с севера, предки Хун Сю-цюаня стали в Гуандуне «хакка» — чужаками.

Старшие братья Сю-цюаня (сыновья его отца от первой жены), Жэнь-фа и Жэнь-да, работали в поле, помогая отцу, а маленького Сю-цюаня, уже с детства выделявшегося своими способностями, отдали учиться, видя в нем будущего джентри, мандарина, надежду семьи.

Шестнадцатилетним юношей Хун Сю-цюань впервые попытал свое счастье на уездных экзаменах. Но никакой степени он не получил, так как был бедняком и не мог дать взятку мандарину. Хун бросил учение и снова стал работать в поле вместе с отцом и братьями. Но родственники Сю-цюаня все еще надеялись видеть его ученым дворянином. Сначала ему устроили место сельского учителя в родной

¹ В китайских именах первый слог означает фамилию, два другие — личное имя. Но бывают и односложные имена, например *Чжу Дэ*, фамилия которого *Чжу*, а личное имя — *Дэ*.

деревне, а вскоре он вторично попытал свое счастье. Но второй, а также и третий экзамен не принесли ему дворянского звания: как и в первый раз, он имел лишь знания, но не деньги, нужные для подкупа экзаминаторов.

Будучи в Кантоне, Хун Сю-цюань случайно познакомился с одной христианской брошюрой, произведшей на него чрезвычайно сильное впечатление. Брошюра говорила о боге, который послал своего сына Иисуса в мир, чтобы победить демонов. Это и стало исходным пунктом христианства Хун Сю-цюаня. Он стал читать христианские книги, в частности прочел библию и вскоре написал свою первую оду «К раскаянию», в которой осуждал свою прошлую жизнь. Он бросил вызов китайской религии, и за это его изгнали из школы.

Так начался новый период жизни Хун Сю-цюаня. Он стал проповедником христианства. Первыми были обращены им в христианство его двоюродный брат Хун Жэнь-гань и его друг крестьянин Фын Юнь-шань. В 1839 г. все трое ушли из своей деревни в странствование. Питаясь по дороге подаянием, три проповедника новой религии пришли в горные районы Гуанси, к угнетенным народам мяо. Они изучили язык горцев и основали здесь христианскую общину. Хун Жэнь-гань остался среди вновь обращенных, а Сю-цюань и Фын Юнь-шань пошли дальше.

Летом 1847 г. Хун Сю-цюань вторично пришел в Гуанси, где открыто выступил со своей проповедью. Вскоре число последователей новой религии в Гуанси уже возросло до 2000 человек.

В Гуанси одним из первых поклонников нового учения был Ян Сю-цин. Сын угольщика, он с детства зарабатывал себе на хлеб поденной работой, был грузчиком, занимался изготовлением извести. Он жил в уезде Гуйпин. Ян Сю-цин еще раньше вместе с крестьянином Сяо Чао-гуем организовал крестьянский отряд для борьбы с угнетателями. В это время в Гуанси свирепствовали пираты, которые, будучи разбиты на море, рассеялись по деревням.

Приход пиратских шаек в Гуанси был таким же бедствием для крестьянства, как произвол мандаринов, и одной из задач Ян Сю-цина была борьба с пиратами и бандитами, грабившими деревни. Примкнув к секте, Ян Сю-цин вскоре же стал одним из ее вождей.

В числе первых, кто примкнул к секте, был и Вэй Чан-хой, крупный земельный собственник, монопольно торговавший в своем районе солью и маслом. Вэй Чан-хой был к тому

же и джентри. Он купил дворянское звание, не сдавая экзамена.

Вэй Чан-хой привел в секту весь свой род (около 1000 человек) и вскоре тоже стал одним из ее вождей. Это сразу подняло авторитет секты, и в нее стали входить и другие влиятельные джентри, богатые купцы, землевладельцы. Вступил в организацию и купец Ши Да-кай, впоследствии сыгравший весьма видную роль в движении. «Люди с большим влиянием, имевшие первую и вторую ученые степени, с большим числом членов своих кланов, входили в эту организацию», — писал потом один из участников секты.

Новая секта, хотя она и называлась «христианской», в действительности имела мало общего с европейским христианством.

Китайские крестьяне по-своему поняли новое учение и слепо шли за Хун Сю-цюанем, который называл себя «братом Иисуса Христа». Крестьяне ждали от него спасения от своей тяжелой жизни, ждали осуществления всеобщего равенства. Ян Юнь-цзяо, жена Сяо Чао-гуя, уверяла, что еще в 1837 г., во время болезни, ей послышался голос, предсказывавший: «Через 10 лет придет с востока человек и будет учить молиться богу. Исполни его желание». Приход Хун Сю-цюаня был истолкован как осуществление предсказания. Это в огромной степени увеличило авторитет организаторов секты, а Ян Юнь-цзяо стала одной из выдающихся представительниц нового учения.

Вскоре в Гуанси переселилась и семья Хун Сю-цюаня также принявшая христианство,—его мать, жена с ребенком братья со своими семьями, родственники. Отец Хуна умер раньше, приняв перед смертью христианство и завещав своему роду итти за Хун Сю-цюанем, что также еще больше увеличило авторитет Хуна.

Последователи Хуна восприняли очень многое от старых китайских тайных братств — строгую конспирацию, религиозные обряды, воспитание членов секты в аскетическом духе. Они запретили курить опиум, пить вино, играть в карты и кости, вели строгий образ жизни. Авторитет их рос с каждым днем. Ян Сю-цин предложил создать общину, в которую должны были войти все члены секты. Все имущество членов общины должно было быть сдано в общую кассу, а недвижимое имущество члены общины должны были уничтожить и таким образом полностью отречься от всего, что связывало их с прошлой жизнью. Семьи членов общины — стариков, детей и жен — Ян Сю-цин предполагал поме

стить в специальные лагери, дав им легкую работу. Община должна была заботиться о всех своих членах, об их питании, одежде, для чего строились общественные склады и амбары.

В годы, когда распространялось новое учение, Гуандун и Гуанси, как и многие другие провинции, были охвачены непрекращающимися волнениями и восстаниями.

По мере роста революционного брожения в Гуанси революционизировалась и секта Хуна. В 1849 г. произошел ряд крестьянских восстаний в уездах, где действовала секта, и волна этих восстаний вывела на революционный путь и сектантов.

В 1850 г. власти отдали приказ об аресте Фын Юнь-шаня и Хун Сю-цюаня как «инициаторов и организаторов общества, которое не только вмешивается в религиозные дела других лиц, но вместе с тем научает бездельников и тайно развивает мятежные замыслы против правительства». Но арестовать вождей секты оказалось не так легко: прибывший для этого отряд был встречен вооруженным сопротивлением, которое организовал Ян Сю-цин. Отряд солдат был разбит, и Ян Сю-цин с тех пор сделался главным военным вождем повстанцев.

Хун Сю-цюань.

III.

Это первое столкновение с войсками стало началом революционной борьбы сектантов против правительства. Ее возглавил Ян Сю-цин. Отныне секта стала мятежной, и ее дальнейшее существование было возможно лишь при вооруженной защите ею своих прав.

Вскоре сектанты выдвинули и политический лозунг движения: «Долой манчжурскую династию!»

В знак протеста против господства манчжуров сектанты срезали косы, перестали брить макушку и стали носить длинные волосы, ибо косы — символ подчинения китайцев манчжурам, которые, завоевав Китай, заставили его жителей носить косы. Последователи Хуна ходили с длинными, распущенными волосами. Из-за этого их называли «длинно-волосыми».

Хун Сю-цюань стал религиозным главой движения, новым посланцем неба, братом Христа. Ян Сю-цин стал политическим и военным вождем движения. Именно он придал секте боевой революционный характер.

Христианское учение, проповедуемое Хун Сю-цюанем, таким образом стало идеологической оболочкой, под которой скрывался протест китайского крестьянства против феодального гнета. Оно возвещало второе пришествие, обещало лучшую жизнь, «царство небесное», и именно эта его сторона была воспринята народными массами Китая, выступившими на борьбу с вековыми угнетателями. Отсталым массам трудящихся не показалось странным, что явился новый живой бог, обещавший крестьянству новую жизнь. Этот новый бог был воспринят как долгожданное спасение, и массы слепили за ним. Не христианство как определенная религия стало их религиозным знаменем, а новый живой бог, который повел народ на борьбу за «царство небесное» на земле.

Хун Сю-цюань написал оду. Она стала гимном революции, с пением которого повстанцы шли на борьбу против врагов: «Мы знаем, что небеса поднимут толпы храбрых, чтобы освободить угнетенных и спасти нашу родину. Китай был некогда поработан, но этому больше не бывать».

Секта Хун Сю-цюаня и Ян Сю-цина вскоре превратилась в центр революционного движения в Гуанси. Она охватывала своим влиянием деревню за деревней, уезд за уездом, организуя здесь свою власть. Под знамя Хуна и Яна стекались значительные массы повстанцев, разбитые в других уездах. По мере укрепления боевой мощи секты и ее власти в нее вливались все новые повстанческие отряды. Они приходили со своим вооружением и значительно усилили первый вооруженный отряд, организованный Ян Сю-цином. В частности, несколько тысяч вооруженных партизан привели к Ян Сю-цину две женщины, возглавлявшие повстанцев в Гуанси, — Цю Эр и Сы Сань.

После того как Хун и Ян начали вооруженную борьбу против правительственных войск, в ряды повстанцев стали вливаться и некоторые бандитские шайки и пираты, разбитые

на море в 1849 г. и рассеявшиеся в Гуандуне и Гуанси. Принимая их, сектанты поставили им твердое условие — совершенно прекратить разбой. К секте примкнуло 8 шаек. Не все они сумели подчиниться суровой дисциплине, строгому уставу, требовавшему сдачи всего имущества и денег в общественную кассу. Вскоре один из вождей бандитов, примкнувших к секте, был казнен за нарушение дисциплины. Испугавшись столь суровых порядков, почти все примкнувшие к секте бандиты покинули ее, перешли на сторону императорских войск и стали бороться с восставшими. С Хуном и Яном остался лишь один из всех бандитских главарей — Ло Да-ган, впоследствии сыгравший выдающуюся роль в движении. Это был уже пожилой человек, около 50 лет отроду.

Движение чрезвычайно быстро распространялось среди широких масс гуансийского крестьянства. Сам Хун был «хакка», т. е. чужак. Хакка стали верными приверженцами новой секты. В то время как Хун еще только переходил на революционный путь, в Гуанси разгорелась вооруженная борьба между «хакка» — пришельцами — и «бэньди» — коренным населением края. Правительственные войска пришли на помощь бэньди. В этой борьбе сторонники Хуна поддержали хакка, чем привлекли к себе новые тысячи последователей из их среды.

Наряду с хакка к сектантам в Гуанси примкнули и угнетенные народности *ицзя*, *тай* и др. По мере того как деятельность секты революционизировалась, к ней примыкали все более многочисленные массы этих угнетенных народов, которые надеялись, что с победой восстания прекратится гнет, который они терпели от мандаринов.

В 1850 г. повстанцы, объединенные вокруг Хуна и Яна, фактически стали хозяевами провинции Гуанси (за исключением некоторых крупных городов — Гуйлинь, Юн'ань и др.) и нанесли ряд поражений генералу Сян Жуна.

Против повстанцев был послан во главе армии У Лань-тай, командующий манчжурским гарнизоном в Кантоне. Он вступил в Гуанси в мае 1850 г., но и его войска были разбиты столь же быстро, как и местные гуансийские части Сян Жуна.

Хотя манчжурские войска были вооружены лучше, они были гораздо менее боеспособны, чем повстанческая армия. В августе 1850 г. сведения о гуансийском восстании впервые появились на страницах «Столичного вестника» и с каждым днем стали занимать в нем все больше места. Восстание Хуна и Яна стало в центре внимания всего Китая.

Конец 1850 и начало 1851 г. принесли повстанцам ряд новых побед в борьбе с правительственными войсками. У Лань-тай после серьезных поражений был разжалован за неспособность и затем снова восстановлен в прежней должности, но восстание не только не утихло, но разгоралось с новой силой.

К началу 1851 г. в Гуанси уже была сосредоточена внушительная правительственная армия из соседних провинций — Хунань, Гуандун и Гуйчжоу. Наряду с этим стали формироваться местные реакционные отряды. Осенью 1851 г. командующим всеми силами, действующими против гуансийских повстанцев, был назначен первый министр империи — Сай Шан-а, срочно командированный из Пекина для «умиротворения» провинции Гуанси.

Назначение Сай Шан-а показывало всю серьезность положения. Оно было признанием полного краха местной власти и свидетельствовало о том, что движение в Гуанси приобрело всекитайское значение.

Местные военные силы — гуансийский генерал Сян Жун и У Лань-тай — оказались не в состоянии справиться с повстанцами, а Сюй Гуан-цин, наместник Гуанси и Гуандуна, в самом начале восстания пытался увильнуть от ответственности и скрыться из Гуандуна. В феврале 1850 г. умер император Даогуан. Наместник воспользовался этим, чтобы обратиться с просьбой к новому императору Сяньфыну о дозволении съездить в столицу поклониться праху умершего. Но в Пекине уже знали о неблагоприятном положении в Южном Китае. Сюй Гуан-цину велели остаться на месте. Наместнику пришлось ввязываться в драку с повстанцами, а этого ему очень не хотелось. Он прекрасно понимал, что он, как и генералы Сян Жун и У Лань-тай, не в силах справиться с восстанием. А это должно было повлечь за собой разжалование, отдачу под суд, быть может — казнь и, во всяком случае, конфискацию имущества. В этих условиях высшие провинциальные мандарины видели свою задачу не в том, чтобы победить повстанцев, а в том, чтобы доложить о победе императору. «Методы» борьбы Сюй Гуан-цина с повстанцами показывают всю гнилость и разложение манчжурской армии. Они показывают, почему здоровая и полнокровная крестьянская армия могла так быстро и легко разгромить врага. «Чтобы порисоваться перед собственным правительством, — читаем мы об этом наместнике, — он предварительно обнародовал прокламацию, будто бы от имени повстанцев, где угрожал самому себе за приверженность к манчжурскому дому и

оценил собственную голову в 10 000 пиастров»¹. Такими «хитростями», преследовавшими цель выслужиться перед династией, полна вся история «борьбы» местных властей с повстанцами. Местные власти изо всех сил старались убедить двор, что они «борются», даже побеждают, а главное, нуждаются в деньгах. В погоне за наградами и повышениями они посылали в Пекин победные реляции, в частности не раз сообщали о «поймке» повстанческих вождей.

Расчет здесь был на то, чтобы показать, что «борьба» идет, «меры принимаются» и, главное, что врагов необходимо подкупать, а следовательно, нужны деньги и еще раз деньги.

Повстанцы прекрасно сознавали свое превосходство над врагом. Сознал это и весь народ. Генеральские реляции о победах над повстанцами никем не принимались всерьез. Не верили и в успех объявлений о наградах за головы вождей повстанцев, ибо население единодушно поддерживало главарей движения. В начале 1852 г. среди населения столицы шли разговоры, что повстанцы тоже объявили «награды» за головы врагов в ответ на одно из объявлений о наградах за головы вождей восстания. Но шкала наград была у повстанцев совершенно иной, чем у мандаринов: говорили, что за голову местного генерала Сян Жуна было обещано 5000 лан, за голову кантонского генерала У Лань-тая — 500 лан, за голову первого министра империи Сай Шан-а — 50 лан, а за голову императора Сяньфына всего 5 лан!

Между тем, повстанцы организовали из разрозненных партизанских отрядов крепкую, сплоченную армию. Ею командовал Ян Сю-цин; его ближайшим помощником стал Ло Даган. Повстанцы вели организованную войну по правилам военной стратегии и тактики, заимствованным из древних китайских книг о военном искусстве.

Военная теория китайцев ведет свое начало с глубокой древности. Китайские книги о военном искусстве, переведенные на европейские языки, были высоко оценены и использованы Фридрихом II; их читал Наполеон. Гуансийские полководцы хорошо использовали эту теорию военного искусства, о которой даже и не слышали манчжурские военачальники, рассматривавшие свою должность лишь как доходное место. Сам Хун Сю-цюань, христианский проповедник, стал изучать военное дело, беря уроки стратегии и тактики у одного из знатоков старинного военного искусства.

¹ Пиастр — испанская монета, имевшая хождение в Китае наряду с китайскими деньгами.

В апреле 1851 г. гуансийский губернатор в своем письме к губернатору провинции Хубэй следующим образом характеризовал повстанческую армию: «Хун Сю-цюань — человек опасного характера и сведущий в старинном китайском военном искусстве. Он всегда скрывает свои силы, когда убежден в их сравнительной малочисленности, но энергично нападает, когда чувствует свое превосходство. Он постоянно платит нам двумя поражениями за одну неудачу. Однажды мне удалось получить книжку, объясняющую организацию его армии: это есть сочинение Сыма, времен династии Чжоу¹. Каждая дивизия имеет генерала, каждый полк — полковника. В армии состоит 13 270 человек. Силы повстанцев разделены на 9 корпусов. Повстанцы умножаются все более, и наши войска, чем больше дерутся с ними, тем больше начинают страшиться их. Они могущественны, свирепы и не могут быть никакими способами приведены в порядок; их уставы и правила определены и строги».

К концу 1851 г. повстанческая армия в Гуанси уже насчитывала в своих рядах более 30 000 бойцов.

Эта армия представляла собой большую военную общину. «Во всех лагерях и легионах, — гласило одно из повстанческих правил, — обнаруживать общественный дух и не быть себялюбивым, а быть общего мнения... Если вы убиваете дьяволов (манчжуров) и берете их города, — все золото и серебро, шелковые и атласные материи с драгоценными вещами... вы не должны утаивать для собственного употребления, но должны все приносить в святую казну». О том же говорили во всех речах и вожди движения: «Вы должны делать добро и благородно вести себя, — говорил повстанцам Хун, — вы не должны ходить по деревням и забирать народное добро. Когда вы идете в рядах, чтобы воевать, вы не должны отступать. Когда вы имеете деньги, вы должны сделать их общими, а не смотреть на них, как на принадлежащие одному или другому».

В августе 1851 г. повстанцы повели наступление на крупный город Юн'ань в центре провинции Гуанси. Наступление велось несколькими сухопутными отрядами и речным флотом, который был создан к этому времени.

Сухопутными силами повстанцев командовали Ло Да-ган, Вэй Чан-хой и Сяо Чао-гуй, флотом — Ян Сю-цин. 27 августа 1851 г. после кровопролитного боя повстанцы заняли г. Юн'ань. Все мандарины в городе были убиты, вся казна, амбары и склады были конфискованы.

---

¹ Династия Чжоу царствовала в Китае с 1122 по 256 г. до н. э.

Обосновавшись в Юн'ане и создав здесь свою базу, повстанцы совершали систематические набеги на отряды правительственных войск, разбивали их поодиночке и разоружали, вооружая за их счет свою армию. Так у повстанцев появились пушки, порох, ружья.

Юн'ань стал настоящей столицей провинции Гуанси в противовес городу Гуйлинь, который фактически был изолирован от провинции, захваченной повстанцами. «Все идут за ними, кроме женщин и стариков, которых они не обижают», — констатировал современник тайпинов.

IV.

Взяв Юн'ань, повстанцы объявили низвергнутой власть манчжурской династии. Свою власть они назвали «царством небесным» (тяньго), провозглашая начало новой эры, эры счастливой жизни, которая должна установиться на земле после прихода в мир нового спасителя, брата Иисуса Христа. Следуя китайской традиции, по которой государство в Китае имеет свое название (например, Танская империя, Минская, Цинская и т. п.), они назвали свою власть «Тайпинским» государством, что означает «великое благоденствие». Таким образом, полное наименование новой власти было: Тайпин Тяньго — «Царство небесное великого благоденствия». Отсюда и все движение получило название «тайпинского», а повстанцы стали называться «тайпинами».

Во главе нового государства стали вожди секты. Верховная власть состояла из 6 царей — «ванов» (это название тайпины заимствовали из времен династии Чжоу, когда во главе государства стояли цари-ваны в отличие от позднейших императоров — хуанди). Хун Сю-цюань получил титул «царя небесного» («тянь-ван»), Ян Сю-цин — «царя востока» («дун-ван»), Сяо Чао-гуй — его ближайший помощник — «царя запада» («си-ван»), Вэй Чан-хой — «царя севера» («бэй-ван»), Фын Юнь-шань — «царя юга» («нань-ван»). Ши Да-кай, шестой вожь, получил титул «царя помощника» («и-ван»). Эта структура верховной власти была оформлена специальным законом, изданным в ноябре 1851 г.

Тот же закон предусматривал организацию ряда министерств. Ян Сю-цин был назначен премьер-министром, главнокомандующим тайпинской армией и военным министром. Ло Да-ган получил титул генерала-лейтенанта. Министром внутренних дел был назначен Ши Да-кай. Среди министров

появились и новые лица, не игравшие раньше видной роли в секте. Так, одним из министров был назначен Цинь Жиган — гуансийский батрак из деревни Байша. Выдвигались и новые командиры тайпинской армии, среди них — Лянь Фын-сян, вскоре ставший одним из выдающихся тайпинских военачальников, Ли Кай-фан, Ху И-гуан и др.

Все вожди тайпинов были молоды, — ни одному из них к моменту провозглашения Тайпин Тяньго еще не было 40 лет. Исключение составлял лишь Ло Да-ган, бывший значительно старше других.

Хун Сю-цюань, провозглашенный «царем небесным» (тянь-ваном), стал религиозным вождем государства, Ян Сю-цин — политическим и военным вождем Тяньго. Он играл решающую роль во всех военных операциях тайпинов, проявляя выдающиеся военные способности. Подобно Хун Сю-цюаню, провозглашенному «царем небесным», Ян Сю-цин также присвоил себе религиозные титулы, именуясь в дальнейшем «духом святым», «утешителем», что в глазах верующих превращало его, как и Хун Сю-цюаня, в божество.

В декабре 1851 г. в провинцию Гуанси вступили новые, собранные в нескольких провинциях, правительственные войска под командованием первого министра империи Сай Шан-а. В его распоряжение поступили также местные силы — войска У Лань-тая и Сюй Гуан-цина. Всего под командой Сай Шан-а было, таким образом, до 30 000 человек. Война с тайпинами вступила в новую фазу. Сай Шан-а отвоевал у повстанцев несколько уездов, подходя все ближе к Юн'аню, местопребыванию тайпинских вождей. Но решающего столкновения между войсками Ян Сю-цина и Сай Шан-а еще не было.

Противник подтягивал свои силы к Юн'аню, рассчитывая сразу нанести решающее поражение центру повстанческого движения. Против Юн'аня было брошено 13 000 солдат под командой У Лань-тая, шедшего к городу из юго-восточной части провинции, со стороны провинции Гуандун, откуда он получил новое подкрепление. Но тайпины не стали дожидаться, пока враг начнет осаждать их столицу. В апреле 1852 г. они оставили Юн'ань и вышли навстречу противнику, чтобы принять бой в открытом поле. У Лань-тай развернул силы для атаки с фронта, направив остальные части во фланги. Тайпины сопротивлялись слабо и отступали. У Лань-тай осмелел и стал их преследовать. Тайпины продолжали отступать. У Лань-тай шел за ними по пятам и попал в ловушку. Отступая, тайпины привели части У Лань-

тая к бамбуковой роше, где находилась тайпинская артиллерия. Смертоносный огонь 60 орудий тайпинской армии встретил У Лань-тая в момент, когда генерал уже считал себя победителем. Резервные части тайпинов довершили разгром армии У Лань-тая. Противник в панике бежал; тайпины, преследуя бегущих, уничтожили до 5000 манчжурских солдат и 27 видных командиров. В бою был убит и У Лань-тай.

В Пекин были посланы лживые донесения о полном разгроме тайпинов, «изгнанных» из Юн'аня. Убитому У Лань-таю специальным эдиктом, опубликованным в «Столичном вестнике» в июне 1852 г., были оказаны всяческие посмертные почести за «победу» над мятежниками, семье его были выданы большие награды. Сообщалось также, что Юн'ань был торжественно занят правительственными войсками, но там, по словам современников, «нечего было и стеречь, город был совершенно пуст, не было ни людей, ни крупы, ни денег, только собаки, увечные да старики». Все население ушло с тайпинами.

Жестокое поражение, нанесенное У Лань-таю, открыло новую полосу побед тайпинской армии. Тайпины перешли в наступление. Они без труда разбили части, которыми командовал наместник Гуандуна и Гуанси, Сюй Гуан-цин. Однажды наместник прибегнул к известному еще с глубокой древности военному приему: он приказал согнать из окрестных деревень до 4000 быков, намотать им на хвосты осмоленную солому и затем ночью зажечь солому и пустить на тайпинский лагерь быков, которые, подгоняемые пламенем зажженной соломы, должны были, по мысли Сюя, со страшной силой обрушиться на лагерь врага и, разрушив его, обратить тайпинов в бегство, после чего уже было бы легче их разбить. Но тайпины, узнав от крестьян о плане Сюй Гуан-цина, сами напали на лагерь врага, убив около 2000 манчжурских солдат. «Военные мандарины — лежебоки, гражданские мандарины — взяточники» — такую издевательскую надпись сделали на некоторых своих знаменах тайпины.

В нескольких последующих боях тайпины вывели из строя и новую армию, пришедшую под командой Сай Шан-а. Как ни пытался министр скрыть свое поражение, весть о нем все же дошла до Пекина. Сай Шан-а и Сюй Гуан-цин были разжалованы, лишены чинов и отданы под суд. Их приговорили к смертной казни, а имущество конфисковали (приговор не был приведен в исполнение, и генералы не были казнены).

Разложение правительственных войск, потерпевших ряд крупных поражений, привело к тому, что отряды тайпинов стали теперь пополняться и за счет перебежчиков из правительственной армии.

После победы над У Лань-таем и Сюй Гуан-цином Ян Сю-цин разработал план большого военного похода. Сначала тайпины предполагали идти в Гуандун, затем они решили выбрать северный маршрут. После неудачного штурма Гуй-линя — столицы Гуанси (в мае 1852 г.) тайпины взяли город Цюань и вступили на землю провинции Хунань. Так начался знаменитый военный поход тайпинов.

ПОХОДЫ ТАЙПИНСКОЙ АРМИИ

I.

В 1850—1853 гг., когда повстанческая армия в Гуанси одерживала первые победы над манчжурскими войсками, когда было создано Тайпинское государство и начался военный поход тайпинов в Хунань, другие провинции Китая переживали не менее замечательное время. Это были годы необычайно мощного размаха крестьянского движения почти во всех провинциях Китая и ряда восстаний в крупнейших городах Южного Китая.

Повсюду оживлялась деятельность тайных братств. В Сычуани действовали так называемые «гуафэй», т. е. «бандиты Гуа», как их называли в официальных донесениях. В Шаньдуне подымались «няньфэй», на долгие годы превратившие Шаньдун в очаг непрекращающейся крестьянской войны. В Хэнани восстали «чжайфэй». В апреле 1852 г. они захватили город Чжэнчжоу, разрушили областное управление и тюрьму, выпустили арестованных, избили чиновников. Возникали и новые организации, например так называемые «зеленые» («цинцзяо») в Сычуани и др. Борьба шла против феодального гнета, против помещиков, за снижение арендной платы, против мандаринов, за снижение налогов. Крестьяне громили мандаринов и помещиков. Разгром мандаринских ямыней и истребление мандаринов стали в эти годы заурядным явлением.

В провинциях Гуандун, Хунань, Гуйчжоу, граничащих с Гуанси, на островах Хайнань и Формоза восстания происходили под непосредственным влиянием тайпинов. Уже первые победы тайпинской армии над У Лань-таем и Сюй Гуан-цином послужили толчком к повсеместным вспышкам.

Разгром Сай Шан-а имел еще большее значение для подъема крестьянского движения в соседних провинциях. Переброска в Гуанси войск из Хубэя, Хунани и других провинций ослабила сопротивление властей крестьянскому движению в этих провинциях.

Китайский народ после вековой спячки поднялся во весь рост на борьбу с угнетателями. Еще один решительный натиск, и пошатнувшаяся гнилая манчжурская монархия должна была пасть.

В этих условиях тайпинская армия одерживала все новые и новые победы. Выйдя из Гуанси в районе Цюаньчжоу, тайпины вошли в Хунань.

В июне 1852 г. в руках тайпинов уже был город Даочжоу. Вскоре же был взят соседний Цзянхуа, на юг от Даочжоу. Началось победоносное шествие тайпинской армии по провинции Хунань.

Укрепившись в Даочжоу и Цзянхуа, усилив свою армию за счет новых пополнений из среды хунаньского крестьянства, тайпины начали поход в глубь Хунани. 12—15 августа они заняли один за другим уездный город Цзяхэ, областной город Гуйян и уездный Чжэнь. В течение трех недель они оставались в пределах этих трех городов и окрестных сел.

11 сентября тайпины покинули Чжэнь и продолжали продвижение на север Хунани. Один за другим в их руки перешли города: Юнсин, Аньжэнь, Чалин, Юсянь и Лилин. 18 сентября они подошли к стенам Чанша, столицы провинции Хунань.

На всей территории, по которой проходили тайпины, крестьянство единодушно приходило им на помощь, вливалось в их армию, которая росла с каждым днем. В Даочжоу к тайпинам присоединилось около 20 тыс. новых бойцов, в Цзянхуа, Юнсине — 25—30 тыс. человек. Многие тысячи новых бойцов влились в крестьянскую армию в уездах Чжэнь, Чалин, Лилин и в других. Хунаньские реакционеры в тревоге сообщали в Пекин, что «повсюду формируются новые шайки», что «молодежь и безденежные старики идут к тайпинам добровольно». Отмечались и массовые перебежки к тайпинам солдат правительственных армий.

Завоевание областных и уездных городов проходило сравнительно легко, так как местные гарнизоны не в состоянии были противостоять натиску тайпинской армии. Но на подступах к Чанша тайпины встретили уже более серьезное сопротивление. Сюда властями были стянуты большие силы: до 10 тыс. местных войск и 8 тыс. бойцов из других провинций.

Войска реакции понесли большой урон. Больших жертв стоили бои за Чанша и тайпинам. В этих боях был убит один из выдающихся вождей тайпинов, «царь запада» Сяо Чао-гуй. Осада Чанша продолжалась около 80 дней.

Тайпины пробивали бреши в высокой городской стене, подводили мины, но взять Чанша им все же не удалось.

30 ноября тайпины сняли осаду и направились к озеру Дунтин. В декабре они взяли крупный город Иочжоу, эвакуированный властями еще до их прихода. Так тайпины вступили на Янцзы — великую реку Центрального Китая.

С выходом тайпинов на Янцзы открылась новая страница в истории Крестьянской войны. В течение ближайших трех месяцев в руки повстанцев перешли все крупнейшие города на Янцзы, и тайпины стали хозяевами всего бассейна великой реки. 23 декабря 1852 г. тайпины уже взяли Ханьян — крупнейший город провинции Хубэй. Предстояла борьба за столицу провинции — город Учан, находящийся по другую сторону Янцзы. Атакам тайпинов на Учан предшествовала тщательная подготовка. На помощь учанскому гарнизону правительством были мобилизованы войска не только из соседних провинций, но и из дальней Шаньси, из Ганьсу, даже из Гирина и других наиболее отдаленных от Хубэя провинций Манчжурии. Манчжуры бросили на защиту Учана свои лучшие силы, и все же они не могли его отстоять. 12 января 1853 г. Учан был взят повстанческой армией.

Но не только военными победами ознаменовался поход тайпинов. Тайпинский поход был триумфальным шествием победоносного крестьянского восстания. Это шла могучая крестьянская армия, сокрушающая на пути своих классовых врагов: манчжурских феодалов, ненавистных народу мандаринов, помещиков, ростовщиков. Именно поэтому сравнительно легко доставались тайпинам победы, именно поэтому к тайпинам присоединялись все местные крестьянские организации и тайные общества, действовавшие на территории, по которой шли повстанцы. Мощным потоком направлялись они к самому сердцу Китая.

В качестве основного политического лозунга тайпины выставляли лозунг ликвидации манчжурского гнета.

«В Китае был свой китайский облик, — писал в одной из прокламаций Ян Сю-цин, — а теперь манчжуры всем приказали брить волосы, отпуская длинную косу сзади, и этим заставили китайцев превратиться в животных. В Китае была своя китайская одежда и шапки, теперь же манчжуры установили варварские одежды и обезьяньи шапки. В Китае были свои китайские отношения между людьми... В Китае были свои китайские формы брака, теперь же манчжурские демоны выбирают себе прекраснейших женщин Китая и делают из них своих рабынь и наложниц... Молвишь это, и глубокая

Разгром манчжурской конницы тайпинами в сражении под Учаною.

скорбь поражает сердце, заговоришь об этом и обесчестишь свой язык... В Китае был свой китайский порядок, теперь же манчжуры создали свой свод законов... В Китае была своя китайская речь, а ныне манчжуры создали пекинское произношение, подменили китайские звуки... В своем помыкании Китаем и презрении к нему они во всем достигли крайнего предела».

Китайцы в своей собственной стране были порабощены чужеземными завоевателями — манчжурами. Национальный гнет в разной степени чувствовал на себе каждый китаец, будь то крестьянин, купец или джентри. В Китае всецело господствовала манчжурская аристократия — принцы манчжурской крови, князья, начальники восьмизнаменных войск были самыми беспощадными угнетателями китайского народа.

Манчжуров ненавидели все китайцы, кроме кучки мандаринов-предателей, продавшихся манчжурам за предоставленные им в виде подачки доходные места. Ненависть к манчжурам была всеобщей, и она сплывала на первых этапах борьбы не только народные массы, но и многих китайских дворян-джентри. И тайпины ярко отражали эту народную ненависть к угнетателям, формулируя задачи борьбы с манчжурами.

Заняв город, тайпины уничтожали всех манчжуров вместе с их семьями. Так они поступали в мелких уездных городах,

это же они делали в областных центрах и в столицах провинций. При приближении тайпинской армии манчжуры, не сомневаясь в ожидающей их участи, спешили покинуть город, спасаясь от тайпинов бегством в Пекин, Нанкин, Шанхай и другие, пока еще безопасные, пункты.

Но, борясь с манчжурами, тайпины видели в них не только чужеземцев. Народным массам манчжуры были ненавистны как эксплуататоры, т. е. и как классовые враги. Манчжуры стояли у власти и угнетали народ. Они в глазах тайпинов отождествлялись с взяточничеством феодального чиновничества, с произволом мандаринов, поскольку именно манчжуры были князьями, военачальниками и мандаринами. «Манчжуры, — писал Ян Сю-цин, — позволили алчным и продажным мандаринам распространить свою власть по всей стране...» «Уничтожайте всех грабителей-мандаринов, чтобы спасти народ от неслыханных бедствий!» — призывала прокламация, распространявшаяся под Чанша в 1852 г.

Тайпины расклеивали лозунги с призывом к истреблению цинской армии. Однако тайпины выделяли из манчжурской армии рядовых, восьмизнаменных и зеленознаменных солдат, обращаясь к ним не как к врагам, а как к заблудшим братьям: «Вы, храбрецы из отрядов манчжурского правительства! Поверните свои лица против своих врагов! Принявшие заблуждение от демона-искусителя, вы не думаете о том, что вы были бы добрыми солдатами Китая, что вы в сущности принадлежите к честному народу...» — так говорил, обращаясь к солдатам манчжурской армии, Ян Сю-цин.

Тайпины истребляли мандаринов: «Семьи мандаринов, — рассказывал очевидец, — подвергались грабежу и избиению, а их имущество и дома сжигались. Преследованию подвергались и те, на чье попечение были оставлены хозяйства [мандаринов]; если же у кого находили форменную одежду или документы, людей избивали, говоря, что это — спрятанный дьявол. Поэтому в тех местах, где побывали тайпины, не осталось ни одного человека из семей мандаринов. Последние жили в лесах и разрушенных храмах, а мандаринское одеяние бросалось или уничтожалось ими. Позднее, когда манчжурская армия занимала города, вновь назначенные мандарины, не находя форменных головных уборов, лишены были возможности представляться своему начальству». Тайпины вычищали феодальную рухлядь, чтобы не осталось от нее и следа!

Тайпины создали специальные отряды, которые, приходя в какой-либо город, прежде всего созывали городскую бедноту.

Учан, башня „Желтого журавля“.

указывавшую мандаринов и их приспешников. И вместе с городской беднотой тайпины шли в дома мандаринов с обысками, забирая серебро, драгоценности, шелка и другое имущество.

Все конфискованное поступало в тайпинскую казну или же уничтожалось на месте.

«Когда отряды тайпинов останавливались в богатых домах, — рассказывает очевидец, — они вытаскивали и сжигали, как дрова, столы красного дерева. На вопрос, почему они это делают, ответ был такой: «Этими вещами богатые люди гордились перед другими людьми, и поэтому мы их уничтожаем, чтобы уничтожить тем самым то, что отличает бедных от богатых». Этот ответ показывает всю глубину классовой ненависти задавленного феодалами крестьянства. Тайпины уничтожали все, что отличало бедного от богатей. «Случалось им, — продолжает свой рассказ очевидец, — в доме какого-нибудь мандарина находить бесчисленное количество жемчуга. Весь жемчуг отправлялся в ступки и его толкли в порошок. Эту массу они заливали кипятком и проглатывали, заявляя: «Мы не ищем наживы. Если мы представим этот жемчуг начальству, то этим откроем путь к гордости и роскоши. Если же присвоим жемчуг себе, то совершим грех. Направляя же эти вещи в желудок, мы ду-

маем, что это угодно отцу небесному». Это было стихийное стремление угнетенного феодалами крестьянства к равенству.

Тайпины хотели осуществить всеобщее равенство, стремились к полному уничтожению феодальной собственности. Именно борьба против феодальной собственности, борьба за равенство лежала в основе Крестьянской войны.

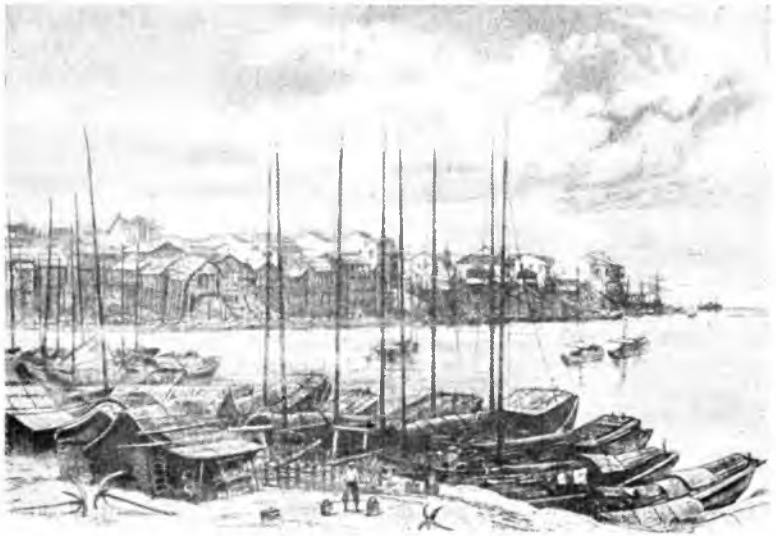
Ян Сю-цин провозгласил, что «...бедные должны отдать революции свои силы, а богатые — свое богатство». На всех богачей тайпины накладывали дань. Ян Сю-цин в одной из своих прокламаций писал: «Мы считаем необходимым, чтобы богатые имели наготове запасы продовольствия для наших войск. Пусть каждый точно сообщит количество его взноса». Занимая города, тайпины расклеивали плакаты с требованиями нести к ним дань. Многие богачи сами наперебой несли тайпинам все необходимое, боясь худшей участи. Кое-где они даже становились в очереди, чтобы скорей сдать свои богатства тайпинам! Взамен они получали квитанции, чтобы не подвергаться снова конфискации со стороны других отрядов тайпинов. Эти квитанции богачи прибывали к дверям своего дома.

В деревнях тайпины захватывали помещичьи земли и распределяли их среди деревенской бедноты. Они конфисковали и всю монастырскую собственность — и земли, и другое имущество, распределяя их среди крестьянской бедноты.

Крестьяне с большой радостью встречали тайпинов и охотно снабжали их армию всем необходимым. «Крестьяне превозносили тайпинов, — писал очевидец. — После покорения Учана и Ханькоу и окружающих городов по течению Янцзы обоз армии вырос колоссально — нехватало судов для его погрузки. Десять тысяч дань¹ риса и бобов были сданы в склады, и особо назначенным лицам была поручена охрана этих запасов. В провинциях Хунань и Хубэй население с нетерпением ждало появления тайпинов, и, когда они пришли, их горячо встретили».

Борьба против мандаринов была тесно связана с борьбой против налогов. Здесь тайпины отражали и интересы купечества. Так, например, в воззвании при взятии Ханьяна, в котором было много мелких купцов, тайпины говорили, что «...правительство установило по реке таможенные заставы, которые берут пошлины и грабят торговцев». Тайпины уничтожили эти внутренние таможенные заставы. В другой прокламации тайпины писали: «Стоит только посмотреть, что

¹ Дань — мера веса, равная приблизительно 60 кг.

Ханькоу при слиянии реки Хань с Янцзы.

происходит с налогами; они все время растут; народ обеднел и истрадался». Занимая города, тайпины расклеивали прокламации, в которых обещали на три года освободить народ от всяческих налогов.

II.

Взятием Учана заканчивается первый период тайпинского похода. Тайпины находились в самом центре Китая. Теперь предстоял выбор дальнейшего пути. Из Учана можно было идти на север — на столицу манчжуров Пекин; можно было идти на восток по Янцзы, к Нанкину, к морскому побережью. В связи с этим начались разногласия между вождями. В конце концов решено было идти по Янцзы к древней столице Минской империи Нанкину. Там Хун Сю-цюань хотел создать столицу нового государства, подчеркивая его национальный китайский характер, ибо Пекин, где на китайском престоле сидела чужеземная династия манчжуров, был символом порабощения китайцев. Так был избран нанкинский маршрут, и это было, как будет видно из дальнейшего, стратегической ошибкой вождей тайпинов.

Выйдя на реку Янцзы и взяв Учан, тайпины создали сильный военный флот. Лодочники Янцзы, среди которых

революционное движение развивалось самостоятельно еще до прихода тайпинов, стали матросами повстанческой армии тайпинов. Весь купеческий флот, а также правительственные суда были мобилизованы повстанцами для продолжения военного похода по Янцзы. Тысячи больших и малых судов составили мощную тайпинскую флотилию, на которой тайпины и двинулись вниз по реке. 18 февраля тайпины взяли крупный город Цзюцзян (в провинции Цзянси), 25 февраля они стали хозяевами Аньцина, столицы провинции Аньхой. Победа под Аньцином досталась тайпинам легко: увидев подступающего к городу неприятеля, войска манчжуров сразу разбежались, не решаясь вступить в борьбу. Тайпины, не встречая сопротивления, вошли в город. Почти все местные мандарины сбежали вместе с войсками, оставив казначейство, оружие (189 пушек), продовольственные запасы. 4 марта в руки тайпинов перешел торгово-промышленный центр Уху. Так тайпины завоевывали один за другим все города по реке Янцзы.

В этих городах тайпины конфисковали огромные богатства. Государственная казна, магазины и склады шли в общую казну тайпинской армии. В одном Аньцине была конфискована крупная сумма в 300 тыс. лан; много серебра было взято в Уху и других городах. Военная добыча составила тайпинскую государственную казну; ни одна монета не должна была попасть в частные руки.

Но тайпины еще не закреплялись в занятых ими городах и деревнях. Они поднимали на своем пути революционные силы крестьянства. Во многих оставленных тайпинами районах крестьяне становились собственниками земли, создавали свою власть и отстаивали ее в борьбе с правительственными войсками. Но многие крупные города в этой борьбе манчжурам удалось возвратить. Так, Учан уже в конце февраля 1853 г., когда тайпины спускались вниз по Янцзы, был снова под властью манчжуров.

В марте 1853 г. тайпины вступили в провинцию Цзянсу. 8 марта они подошли к стенам Нанкина, столицы провинции Цзянсу и бывшей столицы Минской империи, крупнейшего города, под стенами которого был подписан первый кабальный мир с англичанами. В течение 12 дней тайпины осаждали Нанкин. Они вели подкопы под стены, закладывали мины, бомбардировали Нанкин из пушек, захваченных у правительственных войск по дороге к Нанкину. Наряду с военной подготовкой к взятию Нанкина тайпины и здесь, как и у каждого крупного города, развертывали пропаганду.

У стен Нанкина Ян Сю-цин выпустил прокламацию к населению города, разъяснявшую цель прихода тайпинских войск.

19 марта высокие стены Нанкина были пробиты, и с двух сторон — с суши и с воды — тайпины взяли город штурмом. При взятии Нанкина тайпины разгромили манчжурский гарнизон города.

Нанкин (дословно — «Южная столица») стал снова столицей Китая — революционной столицей в противовес реакционному Пекину. Тайпины переименовали Нанкин в «Тянькин» — «небесная столица».

III.

Тайпинская армия, одержавшая такие замечательные победы над манчжурскими войсками, была построена по типу армии древней эпохи династии Чжоу, считающейся золотым веком китайской истории. Тайпины переняли от эпохи Чжоу не только структуру армии, но и военные наименования, названия воинских единиц; они ввели терминологию эпохи Чжоу и в государственных учреждениях, в наименовании государственных чинов, начиная с своего монарха, которого они именовали «ваном», как называли древних чжоуских царей.

Низовой единицей тайпинской армии был «пяток» — четыре рядовых и один командир; каждый пяток имел свое название — «сильный», «храбрый» и т. п. Пять пятков составляли взвод; четыре взвода, носившие названия «четыре страны света», составляли роту, пять рот составляли полк. В каждом полку было, следовательно, 500 бойцов. Пять полков составляли дивизию, пять дивизий составляли корпус, несколько корпусов составляли армию. На подступах к Нанкину тайпины, по одним данным, имели всего лишь 5 корпусов, т. е. приблизительно 60—70 тыс. солдат. Другие очевидцы считали, что в 1853 г. количество всех бойцов тайпинской армии, расположенных и сражавшихся в Нанкине, Учане, Чжэньцзяне и других городах по нижнему течению Янцзы, достигало 100—120 тыс.

Тайпины имели также и свой флот, который составил из джонок на Янцзы и на других реках. Экипаж флота насчитывал, по некоторым источникам, более 100 тыс. человек, разделенных на 9 корпусов. В тайпинской армии были и технические части — корпуса саперов, кузнецов, плотников и др. В каждой воинской единице были барабанщики, трубачи,

музыканты с дудками, рожками, гонгами. С их помощью передавалась команда и осуществлялась сигнализация.

Тайпинская армия состояла первоначально из крестьян, но с выходом тайпинов на Янцзы классовый состав армии стал меняться. Промышленного пролетариата еще не было в тот период в Китае, но те кадры лодочников, кули, полукрепостных горнорабочих, а также ремесленников, которые имелись в большом количестве в феодальном Китае, начинали играть все более важную роль в тайпинском движении. Тысячи ремесленников Учана, Ханьяна, лилинские горнорабочие, янцзыцзянские кули и лодочники стали передовым отрядом повстанческой армии. Они шли в ряды тайпинской армии и помогали ей всем, чем могли: ковали оружие и мечи, отливали пушки и снаряды; при приближении тайпинов к городу они поднимали восстания, открывали ворота городов изнутри. Многие из них играли руководящую роль в движении, будучи офицерами тайпинской армии. Но как самостоятельная политическая сила предпролетариат еще не выступал.

После занятия Нанкина формирование воинских частей происходило по принципу землячества: в части входили участники движения, пришедшие в армию тайпинов из одной и той же провинции. Наибольшим почетом были окружены части гуансийцев — инициаторов тайпинского движения, за ними шли гуандунцы, хунаньцы и т. д. Вскоре после занятия Нанкина в нанкинском гарнизоне насчитывались следующие части, объединенные по признаку землячества: гуансийцы — 1,5 тыс. человек, гуандунцы — 2,5 тыс., хунаньцы — около 10 тыс., хубэйцы — около 30 тыс., анхойцы — 3 тыс. Представителей других провинций числилось до 2 тыс. Эти данные показывают, что наибольшее количество войск влилось в тайпинскую армию в провинции Хубэй, — выходцы из нее составляли больше половины всего нанкинского гарнизона. Малочисленность же гуансийцев объясняется значительными потерями, которые понесли эти первые части тайпинской армии на всем протяжении Северного похода.

Позже, в связи с этим признаком землячества, в тайпинской армии стал играть большую роль стаж пребывания в рядах повстанцев. Стаж имел влияние на повышение в чинах, на размеры обеспечения и т. д. Основу армии составляли гуансийцы, так называемые «старые друзья» — партизаны, прослужившие в армии не менее 6 лет. Это был костяк, в известной мере находившийся в привилегированном

положении: он был лучше вооружен. Вслед за «старыми друзьями» шли так называемые «собратья», имевшие 3-го-дичный стаж участия в повстанческом движении, и, наконец, новобранцы, только что призванные в армию.

Большинство всей тайпинской армии составляла молодежь. «Армия повстанцев, — писал один из английских очевидцев, — как нам показалось, в своей большей части состоит из молодежи. Многие из них совсем еще мальчишки».

Каково было вооружение тайпинской армии? После ряда крупных побед, одержанных над манчжурскими войсками, тайпинская армия отбила у правительственной армии большое количество оружия. Поэтому тайпины имели то же оружие, что и восьмизнаменные и зеленознаменные войска. Это оружие было весьма примитивно: луки, стрелы, дротики, алебарды, сабли, длинные копья (8 и 12 футов), мушкеты, кремневые ружья (так называемое «джингало»), пушки, осадные лестницы.

Не ограничиваясь трофеями, захваченными в боях, тайпины, овладев крупными городами, сами изготовляли оружие: ковали мечи, делали ружья, лили пушки на железоделательных и литейных заводах. Тайпины покупали оружие и у иностранцев. Современники рассказывали о том, как сильно спекулировали иностранные купцы в Шанхае, сбывая тайпинам всякую рухлядь по цене, в 5—6 раз превышающей действительную.

Овладев крупными и богатыми городами, тайпины хорошо обмундировали свою армию, использовав одежды мандаринов, военачальников, солдат. В этот период тайпины еще не имели формы — они создали ее позже, — но отличительной чертой тайпина уже тогда был красный тюрбан на голове. Вожди тайпинской армии носили желтые тюрбаны, желтые халаты и желтые брюки. Иностранцы, наблюдавшие движение тайпинской флотилии по Янцзы, были поражены грандиозным зрелищем: «их [тайпинов] отряды, плывшие по реке на плоских судах, казались мне грудями тюльпанов», — писал очевидец.

Позже тайпины ввели в армию военную форму. Солдаты носили короткую куртку и брюки — в каждой армии различного цвета. На голове они носили головной убор, похожий на колпак крестьянина. На куртках солдат вышивались иероглифы, по которым можно было узнать армию, полк и роту, в которой состоял солдат. Высшее командование имело также отличительные знаки — носило красные, желтые и зеленые тюрбаны.

Все, кому приходилось видеть тайпинскую армию, отмечали ее исключительную дисциплину и боеспособность «Революционные войска, — писал один католический миссионер, — кажутся прекрасно дисциплинированными и стоящими гораздо выше в отношении военной тактики, чем правительственные». «Их порядок и дисциплина, — отмечал американец, посетивший Нанкин, — не менее замечательны, чем их энергия».

Тайпины разработали своеобразную военную стратегию и тактику. Иностранцы, бывшие тогда в Нанкине, вывезли оттуда ряд тайпинских книг и брошюр, среди которых были «Книга военных законов», «Основы военной тактики», «Стратегия», «Устройство тайпинской армии», «Правила военных лагерей», «Правила для бивуаков» и др.

Основные правила солдата тайпины сформулировали коротко и ясно по типу христианских заповедей. Эти правила легко усваивались и запоминались даже неграмотными. Так, «Правила для бивуаков», как и «Правила для лагерей», состояли из 10 заповедей. «Каждый солдат должен сам носить на себе оружие, пищу и посуду, необходимую для приготовления пищи», — гласила, например, первая заповедь «Правил для бивуаков». «Тщательно, наизусть заучи дневные и ночные сигналы гонга, рожка и барабана», «Содержи свое оружие и снаряжение в порядке и готовности к немедленному действию», — говорили «Правила для военных лагерей».

IV.

Взяв Нанкин, тайпины сделали его своей основной базой. После занятия Нанкина военные действия тайпинов носили уже иной характер: тайпины высылали лишь отдельные части своей армии для борьбы за тот или иной район, концентрируя основные силы в Нанкине.

Укрепившись в Нанкине, тайпины 1 апреля 1853 г. послали часть своей флотилии еще ниже по Янцзы и вскоре же взяли Чжэньцзян на Великом канале, а вслед за тем города Гуачжоу и Янчжоу на противоположной стороне Янцзы. Здесь тайпины даже не встретили сопротивления: манчжуры в ужасе разбежались от грозной армии, оставляя тайпинам огромные военные трофеи.

К апрелю 1853 г. тайпины овладели центральной частью Янцзы и пересекли Великий канал, отрезав Пекин от Южного Китая.

Так Китай был разделен на две части. Южные провинции не находились под властью тайпинов, но были отрезаны от Пекина. В них бушевала аграрная революция, поднятая тайпинами. Решающие районы провинций Хубэй, Цзянсу и Аньхой находились в руках тайпинов, занявших столичные города этих провинций и ликвидировавших здесь манчжурскую власть. Вскоре же тайпины овладели и другими городами этих провинций. Тайпин Тяньго, два года назад декларативно провозглашенное в маленьком городке провинции Гуанси, превращалось в реальную действительность.

Но манчжуры продолжали бороться. В апреле 1853 г. они выслали против Нанкина стотысячную армию, стянутую чуть ли не со всех провинций. Началась длительная борьба за Нанкин. Но взять Нанкин манчжурам не удалось, и в течение многих лет он оставался столицей тайпинов.

Кратковременная задержка тайпинов в Нанкине дала возможность правительству оправиться, собраться с новыми силами. В то время как тайпины обосновывались в Нанкине, они потеряли часть прежде занятых ими районов по Янцзы. После укрепления тайпинов в Нанкине Ян Сю-цин весной 1853 г. вынужден был послать новую экспедицию, чтобы отвоевать города, снова попавшие в руки правительственных войск.

Другая армия была послана на завоевание провинции Цзянси, к озеру Поян. Захватив район озера, тайпины начали осаду Наньчана — столицы провинции Цзянси. Это было в конце июня 1853 г. Реакция сконцентрировала большие силы для обороны города, и после трех месяцев борьбы тайпины в сентябре сняли осаду.

Наньчан остался в руках манчжуров. Одновременно с осадой Наньчана другие части тайпинов расширяли территорию Тайпинского государства к востоку и к югу от озера Поян. В начале августа 1853 г. тайпины взяли город Фынчэн и продвинулись еще дальше на юг Цзянси.

К востоку от озера Поян тайпины в сентябре взяли крупный центр Яочжоу и уездный город Лопин. К концу 1853 г. вся северная часть провинции Цзянси, за исключением Наньчана, перешла к тайпинам. Но основные военные действия развертывались не в Цзянси.

Крупной стратегической ошибкой тайпинов был самый поход на Нанкин, а не на Пекин. Если бы из Ханьяна тайпины пошли на север, они сразу же нанесли бы удар в самое сердце манчжурской реакции, и это имело бы решающее значение для дальнейшей судьбы Тайпин Тяньго. Повидимому,

тайпины, хотя и поздно, сами поняли эту ошибку. В мае 1853 г. тайпины послали на Пекин экспедицию в составе нескольких корпусов — около 20 тыс. человек.

Поход тайпинской армии на Пекин был новой блестящей страницей в истории тайпинов. За 5½ месяцев тайпины прошли около 1500 английских миль¹, пересекли 4 провинции и взяли по дороге 26 городов, включая ряд крупных областных центров. Это был новый победный марш крестьянской войны. Руководителем Северного похода был Линь Фын-сян.

Северная экспедиция вышла из Нанкина 12 мая 1853 г. Она перешла Янцзы и уже 15 мая разбила правительственные части под городом Люхэ, взяв этот первый пункт на пути к северу. Не задерживаясь в Люхэ, тайпины прошли в провинцию Аньхой, держа направление на город Фын-ян, областной центр провинции Аньхой. Этот город находится в 990 км от Пекина, если следовать в столицу прямой дорогой. Вечером 28 мая тайпинская армия уже была у стен Фын-яна. Манчжурский гарнизон поспешно покинул город, не оказав сопротивления. Фын-ян был занят тайпинами.

Пройдя северную часть провинции Аньхой, захватив по пути город Почжоу, тайпины в июне 1853 г. вошли в провинцию Хэнань, где вскоре захватили крупный областной центр Гуйдэ. 19 июня тайпины уже осаждали крупнейший город Кайфын, столицу провинции. Город был хорошо защищен, и взять его тайпины не сумели. Они и не особенно стремились к этому, ибо их целью было достигнуть Пекина и они не хотели распылять силы на осуществление более мелких задач. Кайфын был важен как пункт на кратчайшем пути к Пекину.

Не взяв его, тайпины нашли иной путь. Они повернули на запад, прошли по долине Хуанхэ и пересекли ее против города Хуайцин. Здесь они встретили сопротивление, по силе не уступавшее кайфынской обороне, и после долгой безуспешной осады города им пришлось снова сворачивать на запад, делая лишние сотни километров.

1 сентября 1853 г. тайпинская армия сняла осаду Хуайцина и 4 сентября вступила на территорию провинции Шаньси, заняв г. Юаньцзюй, лежащий на берегу Хуанхэ. Идя далее в глубь провинции, тайпины захватили города Цюйво и Фынчэн. 12 сентября тайпины взяли областной центр юга провинции Шаньси — город Циньян. Город был обнесен тремя каменными стенами, из которых внешняя простиралась

¹ Английская миля: морская — 1¾, версты, сухопутная — 1½, версты.

на 7 км в окружности. Но тайпины преодолели все преграды и нанесли правительственным войскам жестокое поражение. Вслед за Циньяном тайпины взяли Хундун.

Чем ближе к северу подходили тайпины, тем более упорное сопротивление они встречали на своем пути. Манчжуры мобилизовали последние силы. В Шаньси тайпинам пришлось выдержать ряд серьезных боев; они находились в окружении правительственных войск. Но, обойдя противника, тайпины повернули круто на восток от Циньяна и Хундуна и вскоре взяли уездные города Туньлю и Лучэн. Отсюда они повернули на северо-восток и, взяв город Личэн, снова вошли в провинцию Хэнань, на этот раз — ее северный угол, зажатый между Шаньси и южной оконечностью столичной провинции. Оба города в этом районе — Шэсянь и Уюань — также перешли в руки тайпинов.

29 сентября 1853 г. тайпины вошли в столичную провинцию Чжили¹, 30 сентября в их руках уже был Шахэ. Кратчайший путь к столице лежал через город Линьцин на Великом канале. Здесь тайпины рассчитывали захватить суда и двигаться дальше уже по каналу. Но этот путь был отрезан манчжурской армией. Пришлось снова идти в обход, делая лишние сотни километров. От Шахэ тайпины были вынуждены повернуть не к Великому каналу, а в сторону от него, на север. Но, несмотря на огромные трудности, окруженные со всех сторон манчжурскими войсками, отрезанные от своей базы и от друзей, лишенные каких бы то ни было подкреплений, в новой, незнакомой им обстановке тайпины не бросали мысль достигнуть столицы, с невиданным упорством преодолевали все преграды на своем пути, брали штурмом укрепленные города, делали труднейшие переходы через горы. Ни разу не повернули они обратно, все время держась основного направления, хотя и были вынуждены делать часто обходы. Командующий северным походом Линь Фын-сян проявил себя как блестящий, неустрашимый полководец.

В течение первых четырех дней октября тайпины, повернув к северу от Шахэ, взяли города Жэнь, Лунпин, Босян и областной центр Шаочжоу. Продвигаясь все далее на север, тайпины заняли также Луанчэн и Гаочэн. Занятие этих пунктов имело большое значение, так как отсюда тайпины свернули, наконец, к Великому каналу. Один за другим перешли в руки тайпинской армии города Цзиньчжоу и Шань-

¹ Сейчас эта провинция называется Хэбей.

чжоу (9 октября). В Шаньчжоу повстанческие части оставались в течение 14 дней, а 22 октября двинулись дальше по направлению к Великому каналу и, заняв 25 октября города Цзяохэ и Сянь, двинулись вверх по Великому каналу, держа путь на Тяньцзинь. 28 октября тайпины уже были на расстоянии 20 английских миль от Тяньцзиня и 100 миль от Пекина. Казалось, теперь уже ничто не могло задержать победоносное шествие тайпинской армии. 30 октября основные силы северной экспедиции взяли Цзинхай, а тайпинский авангард появился уже в окрестностях Тяньцзиня. Предстояли решающие бои. Манчжурская империя находилась накануне своей гибели.

ВОССТАНИЯ „ТРИАДЫ“ И „ФАКЕЛЬЩИКОВ“ РАЗВАЛ МАНЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ

I.

В то время, когда крупнейшие города на Янцзы были взяты тайпинами, когда власть манчжуров в Южном и Центральном Китае потрясалась мощными ударами крестьянской войны, — прибрежные, юго-восточные, провинции Китая стали ареной самостоятельных восстаний против манчжурского гнета. Здесь огромная роль выпала на долю старинного тайного братства «Триада».

Феодальный грабеж и произвол уже давно породили в Китае широкую сеть тайных братств. Это были народные организации «простолюдинов», крестьян, ремесленников, купцов. Все эти разнородные элементы объединяла борьба против гнета мандаринов и чужеземной власти манчжуров. Братство «Триада» («Общество неба, земли и человека») действовало в южных провинциях и было широко разветвленной и влиятельной организацией. В то время существовала поговорка: «Если сойдутся даже три китайца, значит «Триада» среди них». В приморских городах организации «Триады» возглавлялись купцами. Их лозунгом было свержение манчжуров и восстановление китайской династии Мин, правившей Китаем накануне его завоевания манчжурами. Организации «Триады» неоднократно подымали восстания, которые подавлялись с ужасающей жестокостью. Члены «Триады» вели повседневную борьбу с мандаринами и манчжурскими властями.

«Триада», как и все другие тайные братства, имела тщательно разработанный устав. Этот устав предписывал членам братства саботировать законы манчжуров, запрещал им обращаться в суд и даже выступать на суде свидетелями. Прием в братство был связан с выполнением сложного

ритуала. Вступавший давал клятву в верности. Над ним совершался обряд посвящения в братство: возжигались курения, произносились соответствующие заклинания. Вступавшего в «Триаду» одевали в белые одежды, ему распускали волосы, его непоколебимость и мужество испытывали, приставляя к его обнаженной груди остро отточенные мечи. Клятва верности скреплялась кровью. Отступники, изменники карались смертью. Собрания братства происходили в глубокой тайне, по ночам. При встречах члены братства произносили пароль, делали условные знаки.

Основную массу членов «Триады» составляли ремесленники, кули, городская беднота, но первенствующее положение в братстве занимало купечество, также выступавшее против манчжурской династии.

В 50-х годах прошлого века движение «Триады» с особой силой развернулось в провинции Фуцзянь. В начале мая 1853 г., одновременно с тем как тайпины укрепились в Нанкине, провинция Фуцзянь почти целиком была захвачена «Триадой» и другими тайными братствами. Английскому консулу в Амое (порт, открытый для иностранцев по договору 1842 г.) в это время донесли, что тридцатипяти тысячная армия повстанцев уже захватила ряд городов в провинции Фуцзянь и что отряды этой армии приближаются к Амюю. В руках повстанцев уже находились крупнейшие города провинции и среди них областные центры Чжанчжоу и Цюаньчжоу. Чжанчжоу был крупным торговым городом и имел около 500 тыс. населения. Цюаньчжоу имел еще более важное значение: еще в средние века он был известен как один из величайших портов мира. Сюда приезжали арабы, армяне, генуэзцы. Городская стена Цюаньчжоу имела 18 км в окружности.

В Амое деятельность «Триады» была довольно оживленной уже с 1849 г.; число членов братства достигало здесь нескольких тысяч человек. Вождем амойской организации «Триады» был купец Хуан Вэй, весьма энергичный и деятельный человек. В 1853 г. произвол мандаринов дошел до своего предела. Дополнительные расходы, вызванные гражданской войной, дальнейшее разложение бюрократического аппарата, общая деморализация империи — все это привело к тому, что местные мандарины окончательно распоясались и грабили купцов направо. Кто мог, откупаясь взятками, приобретал за деньги чины и, приобщаясь к господствующему сословию, получая государственные чины несколько облегчал свое положение. Но большая часть мел-

Амой.

кого и среднего купечества терпела все большие притеснения от манчжурской династии и ее администрации на местах. О том, какой чудовищной эксплуатации подвергались ремесленники, кули, городская беднота, нет нужды и говорить.

К моменту восстания в Амое к городу, по заранее составленному плану, по суше и по воде подошли вооруженные отряды «Триады» из других районов провинции Фуцзянь. Флот повстанцев (лодки шли под красным флагом) подошел к Амюю 18 мая 1853 г. «Едва первые лодки достигли берега, — рассказывает очевидец-англичанин, — как стало очевидно, что почти все портовые кули, лодочники, рабочие и полицейские Амоя принадлежат к повстанческой армии... Присутственные места в пригородах были тотчас же разгромлены и разбиты, одно или два из них сожжены». Восставшие разрушили, кроме того, таможни, уничтожили весь мандаринат. «Вся эта работа, — сообщали очевидцы, — была произведена людьми, повидимому, самого низкого социального положения, которые были вооружены ножами, копьями и кремневыми ружьями. Между тем, они тщательно избегали какого-либо ущерба частным домам, показывая, что общество [«Триада»] поддерживает какую-то в высшей степени действительную систему контроля... Улицы внутри и вне стен были запружены повстанцами, но не было

никакого признака нанесения вреда хотя бы одному частному дому».

Хуан Вэй провозгласил манчжурскую династию низвергнутой, а себя назвал полководцем Минской династии, которая должна быть восстановлена во всем Китае.

Правительство послало войска в Амой. В течение всего июня происходила ожесточенная борьба между манчжурскими войсками и небольшим отрядом «Триады». Восстание было подавлено, повстанцы ушли из города в глубь провинции Фуцзянь. Вскоре же поднялось восстание и на острове Формоза (июль 1853 г.).

Амой был занят правительственными войсками, беспощадно расправлявшимися с трудящимся населением. Манчжуры подвергли население полному разграблению, умерщвляли детей и стариков. В течение одного только дня было обезглавлено свыше 2000 человек. Людей привязывали друг к другу веревками и вместе бросали в море.

II.

Не успели манчжуры подавить восстание «Триады», как вскоре (в сентябре 1853 г.) произошло восстание в Шанхае, поднятое тайным братством «Малые мечи», или, иначе «Обществом семи голов» («Ци-Шоу-дан»), считавшимся одним из ответвлений «Триады». Члены этого тайного братства в большинстве своем были выходцами из Гуандуна и Цзянси. Организация насчитывала в Шанхае около 14 тыс членов, действовавших в глубоком подполье. Ее вождем был кантонец Лю Ли-чуань.

Непосредственным поводом к восстанию явился арест восьми членов организации. Увидев возбуждение, вызванное этим арестом, власти были вынуждены освободить арестованных, но брожение зашло уже столь далеко, что это не могло предотвратить восстание. Восставшие арестовали градоначальника, казнили нескольких мандаринов, и город фактически перешел в руки повстанцев. У всех повстанцев были красные платки на головах, и поэтому они получили кличку «красноголовых».

Захватив власть в Шанхае, «красноголовые» немедленно послали делегацию в Нанкин, выражая желание присоединиться к тайпинам и предлагая действовать в дальнейшем сообща.

Но тайпины не решились расплывать свои силы, ибо союз с «красноголовыми» означал посылку в Шанхай тайпинских войск, а в этот момент основные силы тайпинов были дви-

нуты на север и обратное отвоевание района Янцзы. Тайпины поэтому не поддержали Шанхай. А между тем, против «красноголовых» уже открыто выступили иностранцы. Уцелевшие мандарины бежали на иностранный сеттльмент¹, ища защиты под крылышком у иностранцев. Вняв их просьбам, американский консул вмешался в борьбу. Тогда повстанцы обратили оружие против иностранцев. На сторону повстанцев перешли расположенные в Шанхае войска. В это время Англия и Соединенные Штаты Америки имели в Шанхае по одному военному судну; свыше 300 иностранных солдат имелось и на концессии. В Шанхае было объявлено военное положение. Присланные по требованию консульств для подкрепления манчжурские войска, которых иностранцы снабдили оружием, начали ожесточенную борьбу с повстанцами. Шанхай был осажден со всех сторон — и с суши, и с моря. Особенно кровопролитный бой произошел 7 декабря 1853 г. Бомбардировкой была разрушена значительная часть города, но взять Шанхай манчжурам все же не удалось. Трудовое население Шанхая и даже значительная часть купечества горячо поддерживали повстанцев. Все атаки манчжурских войск были отбиты. Повстанцы продолжали оставаться в Шанхае и в 1854 г., не допуская в город правительственные войска, посланные на подавление восстания. Но повстанцы не создали в Шанхае крепкой власти. В городе царил безвластие. Шанхайский градоначальник жил в английском сеттльменте. Этим воспользовались иностранцы, уже давно чувствовавшие себя в Шанхае фактическими хозяевами, а теперь окончательно распоясавшиеся.

В конце 1853 г. Шанхай посетил великий русский писатель Гончаров. В его заметках о Шанхае, вошедших в «Фрегат Палладу», мы находим страницы, посвященные английскому хозяйничанью в Шанхае. «Обращение англичан с китайцами, да и с другими, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот...» Гончаров описал свою прогулку по улицам Шанхая с англичанином Стоксом. «Мы с ним гуляли по улицам, и

¹ *Сеттльмент* — наименование иностранных поселений в Китае (их иногда называют и „концессиями“). Сеттльменты возникли на основе неравноправных договоров, навязанных Китаю буржуазными государствами. Сеттльменты пользуются рядом привилегий (собственная полиция, суд, налоги и т. д.) и экстерриториальностью.

если впереди нас шел китаец и, не замечая нас, долго не сторонился с дороги, Стокс без церемонии брал его за кошу и оттаскивал в сторону. Китаец сначала оторопел, потом с улыбкой подавленного негодования посмотрит вслед...» Наблюдая подобное поведение «культурных» англичан, Гончаров с возмущением заключает, что англичане «на их же [китайцев] счет обогащаются, отравляют их, да еще и презирают свои жертвы!»

В то время, когда тайпинская армия шла по провинции Хэнань и переходила Хуанхэ, на границе провинций Хэнань и Шаньси, в нижнем бассейне Хуанхэ, произошло огромное бедствие. Недаром река Хуанхэ зовется в народе «бедствием Китая». В июле 1853 г. Хуанхэ изменила свое русло, пойдя по старому руслу, которое высохло уже много сот лет назад. На стыке провинций Хэнань и Шаньдун произошло страшной силы наводнение, затопившее тысячи деревень, оставившее без крова миллионы жителей и унесшее десятки тысяч жизней. Хуанхэ потекла не к югу от Шаньдуна, не через Цзянсу, как она текла последние столетия, а к северу, по тому руслу, по которому она течет и сейчас. Трудно передать ужас, охвативший население, трудно рассказать о бедствиях, постигших народные массы. А в районах прежнего русла Хуанхэ произошло из-за ухода реки другое стихийное бедствие — засуха. Миллионы крестьянских полей остались неорошенными, ибо высохли все каналы, которые питались водой Хуанхэ.

Одним из ближайших результатов этих бедствий явились массовые восстания обездоленных крестьян против эксплуататоров, наживавшихся на народном бедствии. С тех пор в течение многих лет район южного Шаньдуна, северо-восточной Хэнани и северной части Цзянсу, а также Аньхой, стал очагом непрекращавшихся восстаний и партизанской борьбы. Крестьянские массы, лишённые земли и крова, организовали многочисленные партизанские отряды, во главе которых стал Чжан Ло-син. Так возникло движение, получившее название «движения факельщиков», потому что повстанцы обычно совершали свои нападения ночью при свете факелов.

III.

Таким образом, конец 1853 г. застал весь Китай в огне восстания. Только Пекин еще оставался оплотом Манчжурской династии, но уже и здесь манчжуры не чувствовали себя прочно.

Паника в Пекине началась уже в самом начале тайпинского восстания. Манчжуры не могли не понимать, что восстания, начавшиеся повсеместно, могут привести в конце концов к свержению династии. Они видели, в каком состоянии находится империя, понимали, что достаточно одной искры, чтобы пламя охватило все ее гнилое здание. Манчжуры правильно усмотрели очаг восстания в Гуанси — недаром они сразу послали туда первого министра империи Сай Шан-а. По мере дальнейшего продвижения тайпинской армии в Хунань и на Янцзы паника в Пекине росла с каждым днем. Манчжуры ждали, что из Учана тайпины пойдут прямым маршем на столицу, — такова была тысячелетняя традиция крестьянских войн в Китае. В Пекине распространялись тревожные слухи о подготовке восстания в самой столице, о том, что 800 «мятежников» тайно прибыли из тайпинского лагеря, чтобы «смущать народ». В апреле 1853 г. в Пекине при аресте слуги одного мандарина была найдена переписка с тайпинами. Готовясь к походу на Пекин, тайпины связались с тайными братствами в самой столице.

Когда в мае 1853 г. тайпины начали поход на Пекин и находились еще на расстоянии 1 000 км от столицы, из Пекина уже началось бегство манчжуров, дворян, мандаринов, всей знати; в Пекине боялись не только прихода тайпинов, которые находились еще далеко от столицы, но и восстания изнутри. Среди знати царило убеждение, что в самом Пекине — тьма революционеров, по большей части из среды мелких торговцев, что в народе все больше растет сочувствие тайпинам. Русский ученый Скачков, живший в то время в Пекине, спросил одного китайца:

«— Могут ли прийти сюда мятежники?»

— Могут, — ответил китаец.

— Вы боитесь?»

— Нет, — последовал ответ, — они колотят только чиновников, а народ не трогают, солдаты же сотнями переходят на их сторону.

— Ну, а если сюда придут, то ведь вы не допустите их в Пекин? Все ваши 12 знамен возьмутся за оружие?»

— Вряд ли, — лукаво ответил китаец, — мы уйдем, а стрелять не будем».

Уже в 1852 г., в самом начале Крестьянской войны, манчжурская аристократия растерялась до крайности. Молодой император Сяньфын, только несколько лет назад отпраздновавший совершеннолетие, показал себя совершенно беспомощным и не способным внушить к себе хоть малейшее уваже-

ние окружавшей его знати. Например, он обратился к ненавидевшему его народу с воззванием, в котором просил дать совет, что делать. Один из мандаринов прислал императору письмо, упрекая его в слабом преследовании взяточников, в беспутном поведении и советовал ему: «Береги деньги, оставь роскошь, ограничь число своих жен, преследуй взятки». Император объявил, что он благодарит за этот совет, раскаивается в своих поступках и обещает написать слова мандарина везде, где только он часто сидит, чтобы эти слова всегда ему напоминали об его обязанностях.

Сяньфын делал глупость за глупостью, ошибку за ошибкой. Бросаясь из одной крайности в другую, он то казнил военачальников, не справлявшихся с повстанцами, то миловал и награждал вчера еще им самим осужденных мандаринов. В результате этого в лагере манчжуров до крайних пределов развились склока, подсиживание, бесконечные интриги. Эдикты о разжалованиях, о судах и новых назначениях занимали все столбцы «Столичного вестника». Были и такие сановники, которых уже по нескольку раз приговаривали к смерти, но затем приговор отменялся, а осужденным давались новые посты. Первый министр Сай Шан-а, приговоренный к смерти за поражения, понесенные им в борьбе с тайпинами в Гуанси, через несколько месяцев был помилован. То же случилось и с Сюй Гуан-цином, заместником Гуандуна и Гуанси, «героем» гуансийских сражений. В такой обстановке даже лучшие люди из окружения императора были лишены возможности проявить себя. Должность главнокомандующего вооруженными силами по борьбе с тайпинской армией стала отпугивать мандаринов, ибо ни один из них не надеялся на победу.

Потеря значительной части территории привела манчжуров к невиданному финансовому кризису. Прекратились поступления налогов из большинства провинций; из приморских портов и портов на Янцзы перестали присылать таможенные доходы, прекратилась также доставка хлеба, металлов и податей из всех южных районов и вассальных стран. А между тем расходы династии в огромной степени увеличились, так как требовались все новые средства для борьбы с тайпинами. Уже в апреле 1853 г. на борьбу с повстанцами было потрачено 27 млн. лан. Об этом с сокрушением говорил император в своем эдикте от 30 апреля 1853 г., откровенно признаваясь, что казна пуста, что нужно изыскать новые источники доходов.

Император призывал мандаринов вносить проекты пополнения пустующей казны. Большинство мандаринов предлагало повысить налоговые ставки. Один предложил разрешить ввоз опиума, обложив его высокой пошлиной, другой советовал перечеканить в монеты всю золотую посуду императорских дворцов. Наконец, император издал воззвание к мандаринам столицы и оставшихся под его властью провинций с просьбой делать денежные пожертвования. Набралась жалкая сумма в несколько десятков тысяч лан. Большинство отказывалось вносить средства в казну, ссылаясь на бедность. Император вторично обратился с тем же призывом, давая понять, что он не просит, а приказывает. Отказавшиеся от взноса пожертвований были лишены чинов, а на их место посажены богачи, внесшие большие суммы.

Богачи припрятавали серебро. Из обращения исчезла даже медь. В народе говорили, что в действительности денег нет потому, что огромное количество серебра император отправил в Жэхэ, предвидя, что настанет необходимость бегства туда. Финансовый кризис привел к тому, что даже мандарины перестали получать свое жалованье.

До огромных размеров выросли налоги, за ними следовали повинности, натуральные поборы, насильственная мобилизация. Все это поднимало на борьбу против Манчжурской династии новые и новые миллионы крестьян, поддерживавших восстаниями подходивших тайпинов и подымавших восстания в тылу правительственных войск. «Нужно признать, — отмечал французский миссионер, — что император Сяньфын и министры совершенно, повидимому, сошли с ума. В тот момент, когда им необходимо употребить все старания для успокоения народа, они дают его налогами, вооружают его против себя назначением разных тяжелых работ. Для снаряжения нескольких правительственных солдат угнетаются сотни семей, у коих отнимаются волы и другое имущество. Предполагаемые защитники отечества — те же разбойники, грабящие мирных жителей в их собственных домах. Повсюду начинается ропот в пользу мятежников, и желание прихода их нигде не скрывают. Мятежники же в контраст правительственным войскам ведут себя примерно. Ни грабительств, ни бесчинств они не производят».

Манчжурская империя никогда не представляла собой единого политического целого с общими государственными интересами. Мандарины на местах считали себя не предста-

вителями центральной власти, а сатрапами, для которых государственная должность — лишь источник крупных доходов. В условиях кризиса, переживаемого империей, мандарины старались спасти себя, а попутно урвать под конец побольше денег, чтобы обеспечить себя на случай бегства. В этих условиях нельзя было ожидать от мандаринов реальной помощи в борьбе с Крестьянской войной. Если один мандарин и вносил средства, то другой, в руки которого они попадали, крал из них половину, если не всю доверенную ему сумму. Если император, против династии которого поднимались массы, отвез в Жэхэ серебро и золото, то чего же было ждать от мандаринов!

Все это предопределяло поражение манчжурской армии в борьбе с крестьянской армией. Местные мандарины в подавляющем большинстве не оказывали повстанцам серьезного сопротивления, стараясь лишь спасти свою жизнь. Так, в одном из докладов императору говорилось, что в районах борьбы с тайпинами мандарины сами бросают города, а в них — казну, рис, оружие. «Они не заботятся о своем долге, — говорилось в докладе, — а думают лишь о себе, и уже при приближении врага заранее увозят свои семьи из города и сами бегут, вместо того чтобы сопротивляться мятежникам». Автор доклада приходил даже к выводу, что мятеж выгоден мандаринам, так как потеря городов, которыми они управляют, дает им самим возможность грабить. Прежде чем бежать, мандарины сами разграбляли казну, ссылаясь потом на то, что она попала в руки тайпинов.

Суровые меры наказания, применяемые время от времени императором к мандаринам и военачальникам, терпящим поражения от повстанцев, отнюдь не улучшали положения дел. Наоборот, они вели к наглому обману, к лживым реляциям о победах, вводившим в заблуждение высшее командование и еще более затруднявшим борьбу.

Обманом и лживыми реляциями о победах над тайпинами заполнялись все страницы «Столичного вестника». «Подобные реляции китайских генералов составляют явление самое обыкновенное, — писал русский наблюдатель. — Если слушать их, то ни одно дело с повстанцами не обходилось без победы императорских войск; их пушки убивали иногда по несколько сот человек с одного выстрела».

Особенно изощрялись мандарины на «поимке» Хун Сюцюаня и Ян Сюцина, от пленения которых зависела, по их мнению, вся судьба восстания. Если перелистать донесения генералов, опубликованные в «Столичном вестнике», то

вождей тайпинов «брали в плен» не менее чем двадцать раз. Однажды даже сообщили, что в Пекин привезли взятого в плен Хун Сю-цюаня. За него выдали одного рядового тайпина, чье имя было сходно с именем Хуна. Все это делалось в предвидении больших наград, и мандарины наперебой старались половчее обмануть императора. Дошло до того, что в сентябре 1852 г. «Столичный вестник» опубликовал известие о полной победе императорских войск и о сдаче всех вождей повстанцев. Тут же была опубликована «исповедь» Хун Сю-цюаня, горько раскаивавшегося в своих грехах.

Конечно мандарины продолжали издавать бесчисленные прокламации, обещающие награду за головы повстанцев. Была разработана целая шкала таких наград, начиная от 100 тыс. лан и ниже. Были обещаны денежные премии и за отдельные успехи в борьбе с тайпинами (за захват ружей, пушек, судов и пр.) и за крупные успехи вплоть до уничтожения всего тайпинского флота, что оценивалось в 100 тыс. лан.

«Мятежники, — сформулировал общую мысль русский наблюдатель Скачков, — дерутся сытые и за дело, а манчжурские войска — голодные и без всякого убеждения в необходимости драться».

Вооружение, предназначенное для манчжурской армии, как правило, расхищалось еще до прибытия к месту назначения и, возможно, даже продавалось тайпинам самими мандаринами. Однажды на место сражения привезли несколько ящиков пороху; когда ящики были раскрыты, то они оказались набитыми сухой землей, а порох был насыпан только сверху. Кавалеристы не имели лошадей, пехотинцы — оружия.

Когда тайпины уже подступали к северу, император Сяньфын решил, наконец, лично устроить смотр своей армии, призванной защищать столицу. Началась паника среди военачальников, ибо, как сообщали очевидцы, «...в складах пекинских не было оружия, всё оно было расхищено и продано мандаринами. На руки же войскам, даже восьмизнаменным, т. е. манчжурским, оружия никакого не выдавалось из опасения вооруженного бунта. Когда с приближением повстанцев к Пекину императору захотелось сделать смотр своим войскам, мандарины оттягивали возможность этого смотра, а когда, наконец, он состоялся, то значительная часть солдат явилась на смотр с саблями из листового железа, наскоро вырезанного из русского материала, купленного

к Калгане. Копья не имели железных остриев, а имели деревянные, окрашенные серою краской под железо. Многие кавалеристы не имели лошадей, хотя казна и отпускала для них постоянно фураж. Значительное число ратников вовсе не явилось на смотр, потому что они и не существовали никогда, хотя значились в списках для получения пайков. Вот что мог противопоставить повстанцам император Сяньфын.

Так обстояло дело в Пекине, на глазах у императора. Легко себе представить, что происходило в провинциях. Манчжурская империя переживала полный развал.

ТАЙПИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

1853-1854 гг.

I.

В центральных провинциях Китая, в долине Янцзы, прочно установилась власть тайпинов. Но манчжуры не оставляли мысли отвоевать Нанкин и другие города и области. Забыв свое вчерашнее унижение, понесенное в войне с англичанами, манчжуры в своей борьбе против тайпинов рассчитывали на помощь Англии.

Уже на завтра после потери Нанкина (16 марта 1853 г.) шанхайский градоначальник с согласия императора Сяньфына обратился к консулам иностранных держав с официальным призывом к интервенции.

В Шанхае со дня на день ожидали вступления тайпинских войск.

Мандарины, богатые компрадоры¹ и ростовщики в ужасе ожидали, что завтра и их постигнет та же судьба, что и нанкинских, аньцзинских и учанских феодалов. Не меньше были напуганы иностранные купцы и резиденты, решившие принять необходимые меры к обороне иностранного сэттлмэнта. В английском консульстве было созвано собрание живущих в Шанхае иностранцев (их было тогда еще не очень много). На этом собрании было единодушно решено обороняться от наступающих тайпинов.

Но открыто вмешиваться в борьбу манчжуров с тайпинами иностранцы не считали нужным. Как ни упрашивал шанхайский градоначальник помочь ему, англичане (консул Алькок) не соглашались. Манчжуры убеждали англичан в том, что тайпины нарушат интересы английской торговли, и просили предоставить в их распоряжение английский флот для борьбы с тайпинами. Но англичане отказались, дав понять, что в данное время они будут соблюдать нейтралитет.

¹ *Компрадор* — туземный купец, посредничающий между иностранным капиталом и местным рынком. В настоящее время компрадоры в Китае являются агентами империализма.

Чем объяснялась такая позиция? Она вытекала из всей политики Англии, шедшей весьма далеко в своих планах закабаления Китая. Обнародованные после победы Великой Октябрьской социалистической революции секретные архивы царских дипломатов показывают весьма важную закулисную сторону политики Англии по отношению к тайпинам. «Англичане непрочь, — писал один французский дипломат русскому, — чтобы на Юге образовалось отдельное государство». Англия имела в виду использовать тайпинов в интересах развития своей торговли. Больше того, она делала ставку на расчленение Китая. Это подтверждается свидетельствами царских дипломатов, знавших о стремлении Англии расчленить Китай. «Англии, — читаем мы в материалах русских дипломатов в Китае, — хотелось бы для водворения своего господства в Китае разделить власть между двумя династиями, оставив одну, манчжурскую, в Пекине, и водворив другую, китайскую, династию в Нанкине. Англичанам казалось, что легко будет подчинить своему влиянию южных китайских инсургентов, а по доступности Нанкина для английской эскадры легче будет держать в руках впоследствии новую китайскую династию, нежели влиять на манчжур, против которых потребовались бы всегда десантные войска, дорого стоящие и затрудняющие англичан».

Англия пыталась использовать тайпинов для расчленения Китая на две части, с тем чтобы подчинить себе Тайпинское государство. С этой целью Англия пыталась завязать сношения с тайпинами. Вскоре после того как тайпины обосновались в Нанкине, англичане послали к тайпинам официальную миссию, что на дипломатическом языке означало признание нового государства де-факто. Миссия отплыла из Шанхая в апреле 1853 г. на военном судне «Гермес». Во главе миссии стоял сэр Джордж Бонхэм, английский губернатор Гонконга, получивший соответствующие полномочия от английского правительства. С Бонхэмом ехал переводчик Мидоус, один из первых и лучших в Англии знатоков китайского языка, впоследствии написавший большую книгу о тайпинах.

Эта первая встреча англичан с тайпинами была неблагоприятна для англичан. Факт обращения манчжуров к Англии за помощью был известен тайпинам, и они были уверены, что им предстоит бороться и с англичанами. Приход к Нанкину (27 апреля) английского военного судна тайпины расценили как начало военных действий против них со стороны Англии и сделали отсюда соответствующие выводы,

встретив «Гермес» орудийным огнем нанкинской батареи. Тайпины бомбардировали англичан с обоих берегов реки, но с «Гермеса» не было произведено ни одного выстрела. В иной обстановке подобное «оскорбление английского флага» вызвало бы невиданный шум. Но англичане проглотили эту пилюлю. Британская миссия вышла на берег в Нанкине, недоразумение выяснилось, и англичане имели дружественную беседу с тайпинскими вождями. Англичане сообщили тайпинам, что они приехали именно для того, чтобы объявить о своем нейтралитете в борьбе тайпинов с манчжурами. Эти заявления были подкреплены официальными документами за подписью Бонхэма. Англичане всеми мерами старались убедить тайпинов в своем расположении к ним, особенно подчеркивая, что они тоже христиане, «братья из-за моря», что они будут дружить с тайпинами, а те пусть только разрешат им торговать. Такова цена «национальной гордости» английских капиталистов. Тайпины были очень довольны тем, что Англия сохранит нейтралитет в их борьбе с манчжурами; они поверили, что «братья из-за моря» сдержат свое слово. Англичане в обмен на свое обещание соблюдать нейтралитет добились у тайпинов свободного выезда и въезда и свободной торговли на территории Тайпинского государства всеми товарами, кроме опиума.

Разрешение свободной торговли англичанам на занятой тайпинами территории было официально оформлено в обращении Ян Сю-цзина к иностранцам, подписанном 1 мая 1853 г. Англия получила от тайпинов то, чего она не имела на территории, находившейся под господством манчжуров. При первой же возможности английская буржуазия поддержала «чернь» против «законного порядка», нарушив все, ею же созданные принципы «невмешательства» в дела дружественных держав. На этом этапе государство «черни» было более выгодно английской буржуазии, и это решало все.

Так тайпины вступили в сношения с другими державами. Переписка Бонхэма с Ло Да-ганом и обращение Ян Сю-цзина являлись официальными документами дипломатических представителей двух государств, заменяющими в данном случае договоры. В сношениях с англичанами тайпины проявили себя не только как хорошие военные стратеги, но и как умные дипломаты. Ло Да-ган вырастал в первостепенного дипломата. «Я был в Кантоне во время войны и знаю, на что вы способны», — сказал Ло Да-ган одному из англичан,

приехавших с Бонхэмом. Эта фраза чрезвычайно характерна: тайпины лучше, чем манчжуры, разбирались в том, что представляли собой англичане, и на этом основании здраво строили свою политику.

Тайпины устанавливали новые сношения с Европой, отношения на основе равенства, без ущемления национального достоинства китайского народа. Конечно, тайпины знали, какие бедствия причинили англичане Китаю, но они считали главным виновником позора своей родины манчжуров, посоривших китайцев с англичанами и приведших китайский народ к унижению в первой англо-китайской войне. Таков смысл писем Ло Да-гана к Бонхэму. «Если бы не манчжуры, — писал он Бонхэму, — мы, китайский народ, жили бы с вами в мире, как будем жить в дальнейшем, когда укрепится наша власть». Вступая в сношения с англичанами, тайпины вовсе не считали себя зависимыми от них. Они выступали, как равные перед равными.

Ло Да-ган стал главным лицом, на которое была возложена внешняя политика Тайпинского государства. Он же принимал второго иностранца, прибывшего к тайпинам в июне 1853 г. (д-р Тэйлер). Он же написал обращение к иностранцам, живущим в Шанхае, разъясняя им политику тайпинов, и принимал других послов.

Вслед за англичанами с тайпинами завязали дипломатические отношения Франция и США. В декабре 1853 г. Нанкин посетило французское судно «Кассини», привезшее французскую миссию во главе с Бурбулоном.

Большой дипломатический аппарат, секретари, переводчики сопровождали Бурбулона, как и Бонхэма. Многие из них впоследствии выпустили работы, посвященные Крестьянской войне в Китае. Тайпины передали французам свои официальные издания, прокламации, религиозные сборники, законы. Все это было привезено в Европу, переведено и опубликовано.

Американцы прибыли в Нанкин позже, в мае 1854 г., на судах «Сусквеганно» и «Конфуций». Во главе миссии стоял Маклан. Американец Бриджман посетил также тайпинские города Уху, Чжэньцзян и др.

II.

Порядки, установленные тайпинами на занятой ими территории, поражали европейцев, побывавших в Тайпин Тяньго. Весь строй жизни в Тайпинском государстве резко

отличался от того, что было в Манчжурской империи. Везде, где устанавливалась власть тайпинов, жизнь ими преобразовывалась до неузнаваемости. Они хотели создать «царство небесное» на земле. Таким раем они считали патриархальную коммуны. В 1853 г., вскоре же после занятия Нанкина, тайпины опубликовали «Закон о земле», ставший как бы конституцией нового государства. Этот закон отражал крестьянскую идею равенства, которой были проникнуты все мероприятия тайпинов. «Вся земля делится по числу едоков, независимо от пола. Большому числу едоков дают больше, меньшему — меньше. Земля дается смешанная по качеству. Если в семье шесть человек, троим дается хорошая земля, а троим плохая». Так гласил тайпинский закон. Все земли подразделялись согласно закону на 9 категорий в зависимости от качества — 3 му наихудшей земли (9-я категория) были равны 1 му наилучшей и т. д. Подросткам давалась половина надела, получаемого взрослыми.

Тайпины хотели создать полную коммуны, коммунистическую общину. Низовая административная ячейка, состоявшая из 25 семей, бывшая вместе с тем и военной единицей, являлась и основной производственной ячейкой. Община, которую стремились ввести тайпины, должна была совместно обрабатывать данную ей землю. В законе говорилось: «Если есть земля, ее обрабатывают совместно... Все поля в Небесной империи обрабатываются всеми».

Эти же земледельческие общины должны были заниматься ремеслом для полного самообслуживания. В законе говорилось: «В 25 семьях горшечниками, кузнецами, плотниками, каменщиками, столярами служат солдаты и начальники стрядов».

Тайпины хотели построить «царство небесное» на земле, идеальную коммуны, исходя из того скудного представления о коммуне, которое они имели. Эта мечта о лучшем будущем неизбежно упиралась у тайпинов в прошлое, которое они идеализировали, что характерно для всякого крестьянского движения. Они хотели вернуться к натуральному хозяйству, к полному самообслуживанию своих общин. «Все заборы, — говорил закон, — обсаживаются тутом, все женщины занимаются разведением шелковичных червей, ткуют и шьют одежду», — так представляли себе тайпины идеальную жизнь.

Тайпины поощряли труд как наградами, так и наказаниями: «В каждые 25 семьях награждаются прилежные и

Тайпины.

наказываются ленивые». Городские ремесленники тоже были организованы в специальные отряды, находившиеся в ведении государства. Существовали батальоны столяров и плотников, ювелиров, ткачей, сапожников, вышивальщиков и т. п. Каждый такой батальон подчинялся командиру; кроме того, в составе администрации отряда имелись заведующие работами. Каждый должен был совершенствоваться в своем деле. Ремесленники получали материал от государства и должны были всю свою продукцию, изготовленную из этого материала, сдавать в государственные склады.

Военные нужды заставляли тайпинов вести и общественные работы, не связанные с профессией работников.

Эти общественные работы выполнялись бесплатно. На их проведение мобилизовались не только рабочие и ремесленники, но поголовно все население. «Леность считается преступлением, — писал очевидец, — так что каждому, даже самому богатому, предписывается работать не менее 5 часов в день. Эта всеобщая трудовая повинность пугала господствующие классы не меньше, чем конфискация имущества. Изнеженных помещиков, дворянских сынков, жен купцов и джентри, раньше считавших ниже своего достоинства даже

пройти по улице пешком, не имевших понятия о том, что такое труд, и гордившихся своим безделием, заставляли таскать лес для джонок или строить казармы для тайпинских воинов. Один из таких представителей изнеженной знати бежал из Нанкина в Пекин и издал в столице пышущую злобой книжонку о тайпинах (1853 г.), в которой с ужасом рассказывал о положении в Нанкине: «Всех будят чуть свет, заставляют работать по ремонту домов, плотин, по переноске риса, по устройству городских стен».

Идеей равенства была проникнута и тайпинская политика распределения. «Если есть земля, — говорил закон, — ее обрабатывают совместно, если есть пища, ее совместно едят, если есть платье, его совместно носят, если есть деньги, их совместно расходуют. Повсюду должно быть равенство, и не должно быть человека, который не был бы сыт и в тепле».

В Нанкине тайпины хотели совершенно уничтожить торговлю и ввести снабжение населения всем необходимым. Они пытались воспроизвести в более широком масштабе те принципы, на которых строилась их община еще в гуансийской деревушке. «Я имею честь сообщить, — докладывал английский чиновник из Нанкина, — что в Нанкине не производится никакой торговли, государственная торговля монополизирована в руках лица, именуемого «небесный компрадор» (тянь май бань»), которому одному только и разрешается торговать в городе. Это же лицо является также главным поставщиком для армии и инспектором общественных складов .

Зерно земледельцев, капиталы купцов, — все принадлежит небесному отцу, все должно быть сдано в казну», — писали тайпины в одной из своих прокламаций. Они национализировали не только землю, но и всю частную собственность, они пытались обобществить даже весь быт. Во время сбора урожая должны были собираться в казну все бобы, пшеница, хлопок и т. д. Об этом специально говорил закон: «В то время как собирается урожай, начальники собирают в казну государства пшеницу, бобы, горох, сладкий картофель, пеньку, хлопок, кур, свиней, а также деньги, за исключением того, что идет в пищу каждому... Все люди не держат лишнего. Когда все идет верховному господину, у него есть способ направить вещи и продукты так, чтобы во вселенной все были сыты и в тепле».

Каждой семье тайпины оставляли для личных потребностей лишь 5 кур и 2 свиньи; остальное же крестьяне должны были сдавать в казну.

В государственных амбарах в Нанкине скапливались миллионы килограммов риса, масла, соли, много шелковых тканей и т. д. В казначействе хранились тысячи пудов золота, серебра, меди, драгоценные камни. «Нанкин, — сообщал англичанин, посетивший тайпинскую столицу в 1854 г., — превратился в большой военный лагерь... Вся собственность, конечно, обращена в общественную казну. Весь народ очень хорошо одет и, несомненно, имеет достаточно рису для еды, хотя снабжение остальными предметами питания быть может не вполне достаточно... Поскольку все стало общественной собственностью, конечно, не стало торговли, не видно лавок».

Провизия выдавалась народу из общественных складов раз в месяц. Количество мужчин и детей, числящихся в списках на снабжение, доходило до 400 тыс. Распределителей, по словам очевидца, сменяли каждые два месяца, чтобы предупредить расхищение общественной собственности.

Другой очевидец сообщал, что в тайпинской столице деньги потеряли всякую ценность. На деньги ничего нельзя было достать, нельзя было найти даже лодку или повозку в случае необходимости куда-либо поехать; нужно было обращаться в соответствующее учреждение...

Сначала на одного взрослого полагался 1 дань¹ хлеба, на одного несовершеннолетнего — 5 доу². Но в условиях затруднений, связанных с боевой обстановкой, норма выдачи постепенно сокращалась. Первоначально глава тайпинов — тянь-ван — получал 10 фунтов мяса в день, другие ваны — немного меньше, низшие начальники — еще меньше и т. д. Из других продуктов каждые 25 человек сначала получали еженедельно 200 фунтов риса, 7 фунтов масла, 7 фунтов соли и т. п.

Впоследствии же норма была сильно уменьшена, и даже крупные чиновники тайпинов стали получать по полфунта мяса в день.

На особые потребности, связанные, например, с праздниками, со свадьбой, рождением и т. п., выдавались дополнительные пайки. Закон специально говорил, что «...свадьбы, праздник по случаю месяца со дня рождения ребенка справляются за счет казны, но с известными ограничениями. Не должно расходовать сверх установленного ни одной монеты».

Все эти мероприятия тайпинов были ярким проявлением крестьянской демократии. Тайпины отражали вековые чаяния

¹ Дань — мера веса, около 60 кг.

² Доу — 1/10 даня.

крестьянства в борьбе с феодализмом, с феодальным неравенством, с гнетом мандаринов, ростовщиков, купцов. Они отражали крестьянскую демократию и крестьянский утопизм, мелкобуржуазный утопический социализм. Ленин писал: «Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобщественного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества...»¹.

Товарищ Сталин о социальных источниках уравниловки говорит: «Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»².

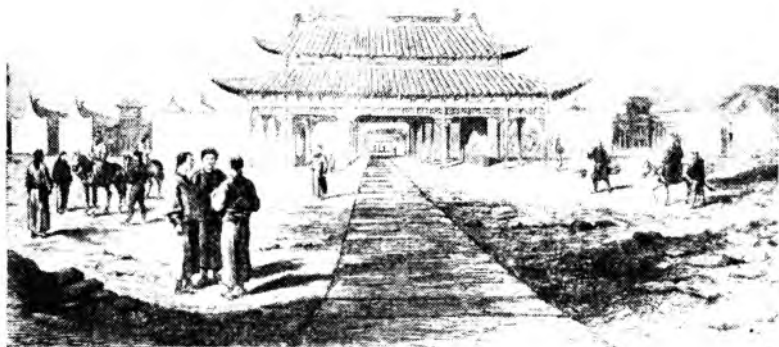
В условиях феодального гнета эта крестьянская борьба за создание равенства имела огромное революционное значение. При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками, — писал Ленин, — самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»³.

III.

На занятой ими территории тайпины истребляли мандаринов, чиновников, военачальников, ликвидировали армию манчжурской династии, старый суд, отменили средневековые пытки, уничтожили такие варварские формы смертной казни, как четвертование и удушение, хотя и оставили смертную казнь как высшую меру наказания, уничтожили рабство и карали смертной казнью тех, кто пытался и впредь использовать рабов. Но что создали тайпины? В условиях феодального Китая крестьяне, не имевшие последовательно демократического, а тем более пролетарского руководства, создали по образцу старой власти монархию. И это понятно и исторически обусловлено. Тайпины создали

¹ Ленин. Соч., т. XI, стр. 187.

² Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Ленин. Соч., т. XI, стр. 188.

Тайпинский дворец в Нанкине.

Тайпин Тяньго — «Царство небесное великого благоденствия». Во главе тайпинов стояли цари и первый среди них — «царь небесный», тьянь-ван. Тайпины отказались от наименования «император» («хуанди»), ибо им была ненавистна династия манчжурских угнетателей, но они возродили старинное китайское понятие «ван» — царь.

Государство тайпинов было построено по принципу военной организации. Премьер-министр — «царь востока» (Ян Сюцин) — был одновременно главнокомандующим; центральное правительство состояло из царей — ванов, ближайших соратников «царя небесного»; они же и командовали армиями.

Командующие корпусами были одновременно управителями областей, командиры дивизий и полков — окружными и уездными управителями. Организации сельской власти были построены следующим образом: 12 500 семей объединялись в одну высшую административную единицу, которая в свою очередь состояла из пяти административных единиц по 2500 семей в каждом и т. д. Низшей ячейкой был «пяток» (пять семей). Из пяти пятков составлялась низшая административная единица, во главе которой стоял «сыма» — низовая власть на селе. По закону тайпинов каждая семья должна была давать одного человека в армию: «В каждой

семье один человек будет рядовым в пятке. В случае тревоги начальник руководит ими, как солдатами, для истребления врагов и для поимки воров. Когда спокойно, под руководством начальников они занимаются обработкой полей как земледельцы».

В строении власти Тайпин Тяньго также отражались демократические стремления крестьянства, в противоположность феодальному произволу и гнету старого манчжурского мандарината.

Начальник был руководителем всей жизни в своей общине и округе, неся также религиозные функции.

В городах, в частности в Нанкине, административный аппарат был создан независимо от армии, ибо нужен был целый штат государственных чиновников для работы в различных органах управления. Иностранцы, посещавшие Нанкин, Чжэньцзян, Аньцин и другие города Тайпин Тяньго, отмечали, что в аппарате тайпинов «...все люди без исключения имеют свое определенное место и свои определенные обязанности...»

Первое место в государстве занимал Ян Сю-цин, «царь востока». Он был фактическим диктатором Тайпин Тяньго, его премьер-министром, главнокомандующим и имел титул «Святого духа», «Утешителя».

Хун Сю-цюань почти с момента создания Тайпин Тяньго отошел от всякого руководства деятельностью тайпинов. В Нанкине он уединялся в своем, специально для него выстроенном, дворце, и о дальнейшей его жизни история не сохранила достоверных данных. Его роль в руководстве тайпинским движением, и раньше бывшая незначительной, сошла на-нет.

«Царь запада», Сяо Чао-гуй, был убит еще в боях под Чанша. Вскоре на фронте гражданской войны погиб и второй вождь тайпинов—Фын Юнь-шань, «царь юга». Вэй Чанхой, «царь севера», после взятия Нанкина был заместителем Ян Сю-цина, командовал армией, возвращавшей города по Янцзы, и остался управителем в провинции Аньхой. Но вскоре он был оттуда отозван Ян Сю-цином за саботаж закона о земле. Ши Да-кай, «царь-помощник», завоевывал Цзянси и был управителем в этой провинции. Ло Да-ган управлял Чжэньцзяном. Важную роль в руководстве государством и армией играли также Ху И-гуан, Линь Фын-сян и Ли Кай-фан, которые (как и Ло Да-ган) занимали должности так называемых «секретарей государства». За большие заслуги перед тайпинским движением Ло Да-ган и

Ху И-гуан получили титул «вана», поднявшись таким образом, в первый ранг тайпинских вождей.

Чиновниками Тайпинского государства стали крестьяне, ремесленники, «простолюдины». Тайпинские чиновники избирались народом. «Выбору их, — сообщал очевидец, — предшествовало опубликование воззваний, в которых предписывалось народу публично избрать командующего дивизией и бригадой...»

Лучшие чиновники выдвигались на высшие должности. Выдвижение происходило по рекомендации соответствующих начальников. Выдвигавший кандидата на занятие определенного поста нес за рекомендуемого серьезную ответственность, и, если тот оказывался плохим работником, наказывали рекомендовавшего, а если тот показывал себя с хорошей стороны, рекомендовавшего награждали. Специальный пункт закона гласил, что «...ежегодно для заполнения вакансий производится выдвижение».

Повышение производилось на основе учета качеств выдвигаемого, его заслуг, его положительных и отрицательных сторон. Так, в специальном указе, опубликованном еще в октябре 1851 г., говорилось: «Повелеваю, чтобы отныне после каждой битвы против манчжуров младшие командиры устанавливали и записывали имена солдат, состоящих под их командой. Фамилии наиболее отличившихся своей исполнительностью и рвением должны быть отмечены кружком для указания их заслуг. Фамилии наиболее неисполнительных и замеченных в дезертирстве с поля битвы должны быть отмечены крестом как знаком их преступления».

Далее этот указ провозглашал, что на основе этих отметок будет происходить повышение и снижение в чинах, степенях и рангах: «малые заслуги будут отмечены малой наградой, а великие подвиги — выдающимся повышением».

Суд в прошлом был одним из ярких проявлений феодального произвола. В суде господствовала система взяток и подкупов. Суд же тайпинов был «...в высшей степени справедливым, — сообщал очевидец. — Истец, свидетели и ответчики имели возможность свободно говорить. Не было никакого застрашивания, взяточничества и т. п. Перед разбором дела судья молча молился небесному отцу и произносил присягу. пытки были отменены и применялись только при разборе дел манчжурских чиновников и военных, а также виновных в нарушении небесных заповедей. Дело решалось на основании того, кто был действительно прав и кто виноват».

Китайские дети.

Но это не значит, что тайпины мягко относились к преступникам. Законы тайпинов были чрезвычайно суровы. Исполнение законов — такова была их первая заповедь. За нарушение закона тайпины карали смертной казнью. Особенно сурово карали тайпины бандитов, грабивших мирное население. Тайпины в своих правилах говорили: «Не разрешается арестовывать жителей без разбора, не разрешается добывать пищу у деревенских жителей, не разрешается грабить частные жилища или обыскивать общественные учреждения, не делайте поджогов, не загрязняйте жилищ народа». Эти правила показывают, что вожди тайпинов стремились установить дисциплину, ибо уже в самом перечне запрещений сказывалось, что тайпины понимали всю необходимость решительного отпора бандитизму и той мути, которая поднимается на поверхность при всех крупных общественных переворотах. И тайпины боролись с бандитами беспощадно, вплоть до смертной казни. «Я слышал, — писал в одной из прокламаций Ян Сю-цин, — что по деревням слоняются банды беззаконных бродяг, которые, предшествуя приходу наших войск, пользуются случаем, чтобы нарушить мирную жизнь деревень, оскверняя жен и дочерей жителей и грабя или

поджигая имущество честных людей». Ян Сю-цин извещал население, что им посланы по деревням специальные уполномоченные с отрядами для борьбы против бандитизма. В другой прокламации населению предлагалось приносить жалобы на всякие бандитские действия, чтобы тайпины могли наказывать виновников. «Грабителям немедленно отрубали головы и вывешивали их для устрашения других», — сообщал очевидец.

Некоторые законы, установленные тайпинами, были крайне жестокими и во многих случаях тянули назад, к старине.

Уж не говоря о военных и гражданских преступлениях, тайпины карали смертью за ряд проступков против морали, главным образом за нарушение закона о безбрачии, о чем гласил эдикт, запрещавший солдатам вступать в брак, входить в связь с женщиной до тех пор, пока «царство небесное» не распространит свою власть на весь Китай. Не надеясь на выдержку тайпинов, вожди приняли предохранительные меры: они отделили женщин от мужчин, создав в Нанкине специальный квартал, в котором были помещены одинокие женщины, вдовы, жены и дочери тех, кто находился в армии. Мужчинам запрещался доступ в этот женский городок. Так, в изданных тайпинами «Правилах для военных лагерей» говорилось: «Соблюдай различие между мужским и женским лагерем. Не позволяется ни мужчинам, ни женщинам приближаться друг к другу, передавать или брать что-либо из рук в руки». Этот пункт правил выполнялся неукоснительно; за нарушение его грозила смертная казнь. «Они, — писал о тайпинах европеец-очевидец, — очень строги ко всякому нарушению морали и разделяют мужчин и женщин, чтобы предотвратить какие-либо непристойности. До их прибытия в Нанкин женщины сражались бок о бок с мужчинами, но по прибытии в Нанкин они согласились разделиться до тех пор, пока не завоюют всю империю, на что они дают себе 12 месяцев... Женщины помещены в особой части Нанкина по специальной инструкции. Эта часть именуется женским кварталом и за вход в него, кроме специальных лиц, которые назначены для руководства женщинами, полагается смерть».

Тайпины повели решительную борьбу с одним из тяжелых наследий старого Китая — проституцией. Проституция запрещалась законом; нарушение этого закона тоже каралось смертной казнью. Были ликвидированы рабство и продажа женщин и девушек в наложницы. Была запрещена старая система брака, при которой невест с детства отдавали в дом

Тайпинский храм.

женехов, где они фактически становились рабынями. Был отменен обычай давать приданое при вступлении девушек в брак: «При свадьбах не говорят о приданом», — гласил закон. Был уничтожен варварский обычай убийства девочек и их подкидывания — это тоже каралось смертью. Было запрещено калечение ног у девочек путем бинтования ступни.

Большое внимание тайпины обращали на воспитание детей. Были созданы народные школы. Воспитание у тайпинов носило религиозный характер: каждую субботу все дети ходили в церковь, где священник учил их христианским заповедям.

Женщина была вовлечена в общественную жизнь, она играла активную роль и в армии. Женщины составляли многотысячный отряд в тайпинской армии, и имена женщин Цю Эр и Сы Нань вошли в историю как имена замечательных китайских революционерок.

В женском гарнизоне все женщины были подразделены на 8 корпусов по той же системе, что и воины-мужчины. Во главе женской армии стояла женщина-командир, за ней следовали начальницы сотен. Женский лагерь, как и мужской, состоял из землячеств, на основе которых строились части. Всего в женской армии насчитывалось в первое время после занятия Нанкина 240—250 тыс. человек. Эти цифры показывают, что с тайпинской армией, прошедшей через Хунань,

Хубэй и другие провинции, шли многие десятки тысяч женщин, игравшие немалую роль в тайпинском движении: в вооруженной борьбе, в мирном труде, во всей огромной вспомогательной работе, которая требовалась в армии.

Характерной чертой тайпинского движения был аскетизм. В тайпинском «царстве небесном» было запрещено не только вступление солдат в брак, но и курение опиума, табака, пьянство и азартные игры. В «Правилах для военных лагерей» было записано: «Чтобы закалить душу и тело, не надо курить табак и пить вино. Будь справедлив и кроток. Не допускай злоупотреблений. Не потворствуй дурным наклонностям».

Тайпины повели решительную борьбу со старыми феодальными религиями Китая. Еще на подступах к Нанкину они в своей прокламации писали: «Мы приглашаем народ быстро изгнать манчжуров отовсюду и ждать нашего утверждения в Нанкине. Что касается этих глупых жрецов Будды и жонглеров даосов¹, то они должны быть все истреблены, а монастыри их уничтожены».

На завоеванной ими территории тайпины уничтожили все буддийские и даосские книги. Старые конфуцианские книги и даже книги по истории подверглись строгой цензуре и публиковались, — как сообщают источники, — «только в измененном виде, переработанном на христианский лад». Сразу же после занятия Нанкина был опубликован ряд книг, написанных Хун Сю-цюанем, Ян Сю-цином и другими вождями. Так, были изданы в виде отдельных сборников все тайпинские прокламации, оды, написанные Хун Сю-цюанем, тайпинские законы, правительственные распоряжения и т. п. Для детей в качестве книг для начального обучения были изданы новое «Троесловие», «Оды для юношества», «Тысячесловие» и др.

Был введен новый календарь по европейскому образцу, установлены новые праздники, в их числе — дни рождения Хун Сю-цюаня и Ян Сю-цина.

Тайпины уделяли много внимания здравоохранению, ввели прививку оспы. В описании одного европейца, посетившего Нанкин и другие города, занятые тайпинами, говорилось: «Громадное количество прокламаций виднелось на стенах Чжэньцзяна, Нанкина и Уху. Распределение пищи, одежды и лекарств, уплата налогов, соблюдение этикета, правила прививки оспы в определенных пунктах были некоторыми из тех

¹ Даосы — служители религиозного культа — даосизма; отличительная черта этого культа — мистика, поклонение духам и т. д.

太平天国壬子年新年刻

Обложка тайпинской книги.

вопросов, которые затрагивались в прокламациях. В Китае прокламации и плакаты заменяли газеты. Постановления, извещения, агитационные листовки вывешивались на стенах в виде плакатов.

Тайпины изменили даже внешний облик китайцев, предложив населению подвластных им провинций срезать косы и отпустить длинные волосы. Любопытно, что многие богатеи, не сочувствовавшие тайпинам, но вынужденные подчиниться закону, придумали следующую уловку: отпуская длинные волосы, как того требовали тайпины, они все же не срезали косу, свертывая ее в пучок и пряча под опущенными волосами: в случае победы манчжуров они могли тотчас же обрить макушку и снова принять вид покорного манчжурского подданного, а не «длинноволосого бандита», как называли тайпинов манчжуры.

ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ ТАЙПИНОВ

ТАЙПИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

в 1854 - 1860 г.г.

I.

Когда тайпины появились в окрестностях Тяньцзиня, манчжуры мобилизовали свои последние силы. Не надеясь на тяньцзинский гарнизон, на восьмизнаменные и зеленознаменные армии, манчжуры вызвали из Монголии своих давних союзников — монголов.

Монгольская конница наводнила район Тяньцзиня, защищая эту последнюю крепость на пути к Пекину. Тайпинская армия засела в Цзинхэе, ожидая подкреплений, так как с имеющимися у него силами Линь Фын-сян не мог овладеть Тяньцзинем. Манчжуры и монголы перешли от обороны к наступлению, осадив Цзинхай. Тайпины испытывали огромные трудности, будучи отрезаны от всего внешнего мира, находясь в чужой, незнакомой обстановке, не понимая даже языка северных китайцев.

Больше двух месяцев длилась осада Цзинхая. Инициатива перешла к манчжурам. В январе 1854 г. тайпины вырвались из осады и покинули Цзинхай, с боями отступая к югу. Линь Фын-сян, героический командир Северного похода, попал в плен, был отвезен в Пекин и здесь казнен. Реакция вздохнула свободнее, непосредственная опасность Пекину миновала. Тайпины отступили. Оставив Цзинхай, они заняли позиции к северу от города Сянь. Однако повстанцы не оставляли мысли достигнуть Пекина с помощью посланного к ним подкрепления. В Сяне тайпины находились до 7 марта 1854 г., после чего, теснимые врагом, они вынуждены были отступить еще южнее. 10 марта они вступили в Фоучэн в южной части провинции Чжили (сейчас Хэбэй), почти на границе с Шаньдуном.

Помощь, которой так и не дождался Линь Фын-сян, была послана тайпинами лишь в ноябре 1853 г. До этого они не могли выделить достаточных сил без ущерба для существования самой столицы Тайпинского государства. В ноябре, когда армия Линь Фын-сяна уже была осаждена манчжурами и монголами в Цзинхае, из Аньцина в Северный поход вышел новый корпус, которым командовал Ли Кай-фан. Для своего похода на Пекин Ли Кай-фан избрал кратчайший маршрут через провинцию Аньхой.

Выйдя из Аньцина, Ли Кай-фан вскоре взял города Тунчэн и Шучан, а 14 января 1854 г. областной город Лучжоу. Тайпины находились в самом центре провинции Аньхой, ставшей базой их дальнейших операций на севере. Завоеванные города надолго остались под властью тайпинов.

Обосновавшись в Лучжоу и окрестных районах, тайпинский корпус продолжал поход на север. Через месяц, 17 февраля был взят Люань, и отсюда повстанцы быстрым маршем направились к городам Иншан и Мынчэн. Войдя в северную оконечность провинции Цзянсу, тайпины 17 марта взяли город Фын близ Великого канала. Не закрепляясь в этих районах, Ли Кай-фан вступил в провинцию Шаньдун. Участники первого Северного похода в это время уже отступили от Цзинхая, находясь около северной границы Шаньдуна. Ли Кай-фан, проходя по 15 английских миль в день, пересек провинцию Шаньдун, беря (как выразился император, ругая местных военачальников) «город за городом». 1 апреля Ли Кай-фан подошел к Линьцину (на границе Шаньдуна и Чжили), расположенному на Великом канале. Здесь и встретились обе армии, шедшие на завоевание Пекина. После кровопролитных боев с манчжурами Линьцин 12 апреля был взят объединенными силами обоих тайпинских корпусов. Но это уже не решило исхода борьбы. За год, прошедший после того как тайпины обосновались в Нанкине, реакция достаточно укрепилась, чтобы отстоять Север. Под давлением превосходящих по численности войск манчжуров, преследуемые монгольской конницей, тайпины были вынуждены отступить к югу через провинцию Шаньдун. В мае 1854 г. тайпины снова вступили в Аньхой.

Северный поход потерпел поражение. Армия тайпинов — остатки войск Линь Фын-сяна и корпус Ли Кай-фана — возвращалась тем же путем, по которому несколько месяцев назад вспомогательный корпус Ли Кай-фана шел на север. Тайпины закрепились в бассейне Янцзы, не пытаясь более завоевать Пекин и изгнать манчжуров из всего Китая.

В чем причины неудачи Северного похода?

Основная причина заключалась в том, что тайпины упустили время, запоздали с походом на Пекин. Задержка в Нанкине дала манчжурам возможность организовать сопротивление. То обстоятельство, что тайпины закреплялись в Нанкине вместо немедленного похода на Пекин из Ханьяна, сыграло свою отрицательную роль еще и в том отношении, что тайпины не могли бросить на Пекин всю свою армию, так как оставили основные части для обороны Нанкина и расплыли свои силы на всем протяжении бассейна Янцзы.

Вспомогательный корпус в помощь Ли Фын-сяну был послан с большой задержкой: приди он раньше, исход борьбы мог бы быть и иным. Но раньше этот корпус выйти не мог, опять-таки потому, что свою базу тайпины строили на Янцзы, где и концентрировались их основные силы. Важная причина неудачи Северного похода заключалась и в том, что в Северном Китае, в частности в провинции Чжили, где происходили решающие бои, не было развернутого крестьянского движения, которое так помогало тайпинам на Юге.

Южные провинции первые испытали на себе результаты проникновения иностранного капитала в Китай. «Открытие» Китая европейскими капиталистами в первую очередь революционизировало население южнокитайских провинций. Тайпины нашли массовую поддержку в южном крестьянстве, но не нашли такой же поддержки в крестьянстве Севера. Здесь сказалось значительное различие аграрных отношений на Севере и Юге Китая; помимо того, для многих северных провинций Тайпинский поход был походом неизвестных им сил. Тайпины, кроме того, не могли даже объясняться с населением, так как обычаи и уклад жизни, даже язык северян и южан значительно отличались друг от друга.

II.

Потерпев неудачу в Северном походе, отказавшись от мысли завоевать Пекин, тайпины стали расширять свою территорию к западу от Нанкина, по среднему течению реки Янцзы. Здесь они прошли по пути из Гуанси в Нанкин, но после взятия Нанкина потеряли большую часть старых районов.

В конце апреля тайпинская армия вторично подошла к Учану, но на этот раз она наступала на него не с запада, а с востока. Отвоевав Учан, манчжуры сильно укрепили город. Тайпины осаждали крепость в течение 80 дней. Их

Тайпинская армия в бою.

упорство увенчалось успехом. В конце июня 1854 г. Учан был взят. Вслед за тем тайпины взяли город Ханьян и Ханькоу по другую сторону Янцзы.

В это же время другие части тайпинов вошли в провинцию Хунань, полностью повторяя свой путь из Гуанси, но в обратном направлении. Вскоре тайпины вторично взяли Иочжоу на озере Дунтин. Вслед за тем в руки тайпинов перешел Сянинь, к югу от Иочжоу. Не решаясь атаковать Чанша — столичный город провинции, который они не смогли взять осенью 1852 г., тайпины на этот раз обошли его с юга, заняв Сянтан (на реке Сян) и Лилин. Не ограничиваясь этим, тайпины расширяли военные операции в Хунани, к западу от озера Дунтин. В этих районах тайпины появились впервые в середине июня 1854 г.; они взяли города Чандэ и Тайюань, расположенные на притоке озера Дунтин, реке Юань. Таким образом, почти весь район озера Дунтин с его основными притоками подпал под власть Тайпинского государства. Большая часть провинции Хунань находилась снова в руках тайпинов, как и большая часть провинции Хубэй. Здесь, к западу от Учана, тайпины пытались взять Цзинчжоу, но это им не удалось. Тогда тайпины обошли Цзинчжоу и заняли Ичан, ставший крайним западным пунктом тайпинской территории.

Так к лету 1854 г. сложилась основная территория тай-

пинов, на которой и разворачивались события в течение последующих лет. Эта территория занимала среднее течение Янцзы и ряд районов к югу и северу от великой реки: она охватывала восточную часть провинции Хубэй, почти всю провинцию Аньхой, северную часть провинций Цзянси, Хунань и западную часть провинции Цзянсу.

На востоке границей Тайпинского государства был Великий канал с городами Чжэньцзян, Гуанчжоу и Янчжоу. На юго-востоке тайпины дошли (в сентябре 1855 г.) до города Хойчжоу (на реке Синьань). Этот поход был организован с целью найти выход к морю, ибо в устье реки Синьань стоит Ханчжоу, крупнейший порт, закрытый для иностранцев. Поэтому тайпины рассчитывали, что занятие этого города не столкнет их с иностранцами. На юге крайними пунктами тайпинской территории были города в районе озера Поян, на юго-востоке — озеро Дунтин (в Хунани) и река Юань с городами Чандэ и Тайюань, на западе — город Ичан в провинции Хубэй, на севере — центральная часть провинции Аньхой с городами Иншан, Лучжоу и др. Так растянулось Тайпинское «царство небесное», занимая центральную часть страны, наиболее плодородные и богатые области с крупнейшими торговыми городами, ремесленными и мануфактурными центрами, многие из которых имели население свыше миллиона человек. Население Тайпин Тяньго исчислялось десятками миллионов, занятая им площадь — сотнями тысяч квадратных километров.

Но эти границы Тайпинского государства не были устойчивы. Гражданская война продолжалась, многие города и уезды переходили из рук в руки по нескольку раз. Так, Учан был снова потерян тайпинами в октябре 1854 г. и опять, в третий раз, взят ими в феврале 1855 г.

III.

Насквозь прогнившая манчжурская династия не могла одержать победу над крестьянским восстанием. Манчжуры могли отогнать тайпинский корпус от Пекина, могли одерживать отдельные случайные победы над тем или иным отрядом тайпинов, но одержать действительную и окончательную победу манчжурская династия была неспособна. Гнилой государственный аппарат, разложившиеся восьмизнаменная и наемная китайские армии, во главе которых стояли военачальники-воры и взяточники, потерпели полное банкротство, столкнувшись лицом к лицу с народом.

Манчжурская династия не смогла защитить интересы господствующих классов Китая.

Недовольство манчжурами в среде эксплуататорских классов существовало давно. Это недовольство даже заставило многих из них примкнуть к тайпинам, чтобы использовать новое знамя и выбросить на свалку манчжурскую верхушку вместе с императором. Но размах тайпинского движения показал, что это — игра с огнем. Восстание уже давно переросло ограниченные рамки борьбы против манчжурской династии и уже громило самые основы феодализма. В этих условиях перед эксплуататорскими классами Китая — крупными землевладельцами, джентри, ростовщиками — стала задача искать пути к спасению. Не возлагая больших надежд на помощь династии, наиболее умные и сильные представители господствующих классов Китая стали на путь самостоятельной борьбы против тайпинов.

На местах формировались реакционные партизанские части, так называемые «добровольческие армии», для борьбы против тайпинов. Успешный опыт первых партизанских отрядов заставил центральную власть санкционировать формирование этих отрядов. В ряде указов император Сяньфын приветствовал инициативу «народа» и призывал бороться с тайпинами. Но нелегко было манчжурам давать согласие на организацию этих отрядов, на создание китайских вооруженных сил. Они понимали, что, хотя эти отряды и помогали бороться с тайпинами, самое их существование ослабляло власть манчжуров. Но другого исхода не было, и приходилось идти на формирование реакционных отрядов из китайцев. Так строилась новая, классовая армия крупных землевладельцев, джентри, ростовщиков, крупного купечества. В отличие от разложившейся манчжурской армии с ее прогнившей командной верхушкой военное руководство этой новой армии имело крепкий в классовом отношении костяк. Это уже были не разложившиеся манчжурские войска, это были армии китайских джентри, крупных купцов и землевладельцев, ростовщиков и компрадоров, защищавших свои кровные, классовые интересы в борьбе против крестьянского восстания. Конечно, основной солдатской массой, пушечным мясом этих армий были те же наемники из люмпенпролетариата и из туфеев, которые могли в определенные периоды поддержать и тайпинов. Кроме наемников, джентрийские «добровольческие армии» вербовали свои силы и из отсталых слоев крестьянства, в особенности используя семейные, земляческие связи.

Одним из первых организаторов «добровольческой армии» стал джентри Цзэн Го-фань. В прошлом он занимал видный пост при дворе, будучи помощником министра церемоний. Но в последние годы он был в отставке и жил у себя на родине, в провинции Хунань. В Хунани и была создана для борьбы с тайпинами первая внушительная армия «добровольцев», так называемых «хунаньских молодцов».

В апреле 1854 г. «хунаньские молодцы» Цзэн Го-фаня в составе 12 тыс. солдат выступили в поход против тайпинских войск в Хунани.

В первом же своем походе эта армия была разгромлена тайпинами.

Преследуя джентрийские войска, тайпины вошли еще дальше в глубь Хунани. Хунаньская армия собрала новые силы. Цзэн Го-фань выстроил флот и в октябре 1854 г. захватил у тайпинов часть территории; ему удалось также взять Учан, а в 1855 г. — вытеснить тайпинов со всей территории Хунани и Хубэя. В октябре 1855 г. Цзэн Го-фань вступил в провинцию Цзянси.

Взятие Учана было первой крупной победой Цзэн Го-фаня. Но Манчжурская династия не была обрадована этой победой. Когда в Пекин пришло известие о взятии Учана, император Сяньфын сказал своему министру: «Не ожидал, чтобы Цзэн Го-фань, простой джентри, и вдруг смог оказать такую редкую услугу». Еще показательнее был ответ министра: «Я боюсь, что это не ко благу империи». Манчжуры понимали, что, победят ли тайпины или победит Цзэн Го-фань, былой власти манчжурам уже не сохранить. Но выхода не было, приходилось мириться с меньшим злом.

Вслед за хунаньской армией такие же «добровольческие армии» были сформированы в провинции Аньхой, а несколько позднее — и на территории Цзянси. Китайская контрреволюция сплотилась и повела борьбу против тайпинов гораздо успешнее, чем это делали манчжурские аристократы и их гнилая восьмизнаменная армия. Цзэн Го-фань стал лидером китайской контрреволюции. «Добровольческие армии», созданные лично им и его выучениками, сыграли большую роль в борьбе с тайпинами.

IV.

В то время как Цзэн Го-фань спланировал силы китайской контрреволюции, среди самих тайпинов происходил раскол, приведший к серьезному ослаблению их власти.

Тайпинское восстание началось как широкое народное движение против манчжурского ига. Против манчжуров поднялись не только крестьяне, ремесленники, не только трудящиеся массы, но и значительные слои китайских эксплуататоров (купцы, джентри, помещики). Они не только прикнули к движению, но дали ему и руководящие кадры в лице Вэй Чан-хой и др. Но восстание быстро переросло рамки борьбы против Манчжурской династии. Конфискация всей помещичьей собственности, раздел земли, запрещение свободной торговли и другие уравнивательные мероприятия тайпинов, отражавшие чаяния крестьянства и интересы трудящихся масс, пришли в столкновение с интересами купеческо-джентрийского крыла тайпинов. Ян Сю-цин, находя поддержку в широких массах крестьянства, ремесленников, городской бедноты, встречал сопротивление со стороны других вождей, в первую очередь — Вэй Чан-хой. Уже при проведении закона о земле Вэй Чан-хой выступил против Ян Сю-цина и саботировал этот закон в Аньхое. Чем дальше, тем больше обострялась борьба среди руководства тайпинов. Это не была личная борьба за власть, — эта борьба отражала классовые противоречия в разнородном по своему составу движении. За Вей Чан-хоем стояли купеческо-джентрийские силы. Купец Вэй Чан-хой должен был стать центром притяжения всех оппозиционных сил, ущемленных диктатурой Ян Сю-цина.

В июне 1856 г. Вэй Чан-хой организовал заговор против Ян Сю-цина. Ян Сю-цин был убит. В Нанкине разгорелась настоящая война. Клика Вэй Чан-хой победила. Вместе с Ян Сю-цином было убито до 20 тыс. его сторонников.

Другой видный вождь тайпинов, Ши Да-кай, в это время был вне Нанкина и, услышав весть о терроре Вэй Чан-хой, поспешил со своими войсками в Нанкин для борьбы с изменником. Но кровавое дело было уже завершено. В отместку Ши Да-каю Вэй Чан-хой убил всю его семью, оставшуюся в Нанкине. Ши Да-кай порвал с Тайпин Тяньго, ушел со своими войсками из-под Нанкина и с тех пор не переступал порога «небесной столицы». Отныне он действовал самостоятельно, организовав партизанскую борьбу в центральных провинциях Китая.

Цепь кровавых событий завершилась еще одним убийством: был убит вдохновитель заговора против славного Ян Сю-цина, изменивший тайпинам «царь севера» — Вэй Чан-хой. Об обстоятельствах, при которых произошло убийство, нам ничего не известно. В литературе о тайпинах имеются

лишь намеки на то, что Вэй Чан-хой был убит Хун Сю-цюанем, вмешавшимся в борьбу. Может быть, это была месть за Ян Сю-цина, может быть, это была новая вспышка борьбы, уже не связанная с прошлыми событиями. Мы не можем даже установить дату этого убийства.

Кровавый раскол среди тайпинов, потеря наиболее выдающегося вождя движения Ян Сю-цина, уход Ши Да-кая, убийство последнего из царей — «царя севера» — все это чрезвычайно ослабило Тайпин Тяньго. Начинаясь разброд в армии. Суживалась занимаемая тайпинами территория. Манчжурские части и «добровольческие армии», пользуясь расколом в лагере тайпинов, шаг за шагом изгоняли их войска из занятых ранее районов. Тайпины в третий раз потеряли Учан. Они сами оставляли ранее завоеванные районы, чтобы стянуть войска на защиту Нанкина, который был на краю гибели, находясь под ударами и внешней, и внутренней контрреволюции. Тайпин Тяньго переживало величайший кризис и было на грани падения. Но манчжуры и китайские контрреволюционеры на этот раз еще не смогли нанести тайпинам последний удар, ибо в 1856 г. началась новая война между Китаем и вторгшимися в его пределы англо-французскими интервентами.

После убийства Ян Сю-цина и Вэй Чан-хоя и ухода Ши Да-кая из Нанкина, к власти в Тайпин Тяньго пришла новая группа. Это были родственники Хун Сю-цюаня — «царя небесного». — его братья Хун Жэнь-гань, Хун Жэнь-да и Хун Жэнь-фа.

Наиболее выдающуюся роль играл Хун Жэнь-гань. Он был одним из первых, кого Хун Сю-цюань обратил в христианство. Вместе с Хун Сю-цюанем и Фын Юнь-шанем Хун Жэнь-гань ходил в Гуанси обращать в христианство горцев. Но дальше пути Хун Жэнь-ганя и Хун Сю-цюаня разошлись. Тогда как Сю-цюань стал на путь революционной борьбы, Жэнь-гань продолжал чисто религиозную деятельность. Его преследовали как родственника «мятежника», и он бежал в Гонконг. В течение пяти лет Хун Жэнь-гань был христианским миссионером в Гонконге, Кантоне, Шанхае, состоя на службе у «Лондонского миссионерского общества». Он был тесно связан с европейцами, будучи их агентурой среди китайцев. Он не был тайпином, не был революционером. Это был новый для Китая тип европеизированного китайца. Но это был не христианин тайпинской складки, а представитель обычного христианства, внесенного в Китай «культуртрегерами».

В конце 1858 г. на борту английского парохода Хун Жэнь-гань прибыл в Нанкин и вскоре благодаря своей близости к Хун Сю-цюаню стал премьер-министром Тайпин Тяньго под именем Гань-вана. Хун Жэнь-да и Хун Жэнь-фа получили княжеские титулы Ань-вана и Фу-вана.

С момента прихода к власти этих новых деятелей Тайпинское государство стало быстро терять отличавшие его прежде черты. В нем происходил процесс перерождения.

Уже вскоре после убийства Ян Сю-цина, в 1857 г., тайпины создали новое феодальное сословие «ванов» — князей. Все начальники городов, губернаторы и другие крупнейшие управители стали ванами. Этот титул стал даваться и всем высшим чиновникам армии в государстве тайпинов. Уже один этот факт вел к восстановлению феодалов, бюрократии, к разложению и взяточничеству, словом — ко всему тому, с чем боролись тайпины в первый период движения. «За взятки все ленивые и ни к чему не годные люди были сделаны князьями и чиновниками», — сообщал очевидец. Покупка чина и звания или получение их давали право на эксплуатацию, на ограбление крестьянства. Тайпинские чиновники все больше превращались в феодалов. Больше того, в новых городах, которые захватывали тайпины, оставались нетронутыми даже старые мандарины.

Происходил процесс перерождения тайпинских военачальников и правителей в помещиков, захвативших земли в том или ином районе на правах феодальных владельцев. Росло налоговое обложение, ибо, отказавшись от осуществления крестьянских требований, тайпины стали рассматривать крестьян лишь как объект обложения, как средство для своего возвышения. «Народные массы, — пишет китайский историк, — потеряли веру в своих вождей и отвернулись от них». Начались крестьянские восстания против тайпинов.

Введение новых налогов било не только по крестьянству, но и по купечеству. Вводились все новые и новые пошлины. Например, в 1860 г., когда Нанкин был осажден правительственными войсками, было введено обложение всех купцов, торговавших хлебом, а пошлина шла в пользу тайпинских ванов.

Вожди тайпинов спекулировали даже на голоде населения, все более превращаясь в феодальную бюрократию.

Наконец, тайпинские руководители отказались и от своего аскетизма. Еще зимой 1855 г. солдаты тайпинской армии, расквартированные в Нанкине, взбунтовались и вопреки правилам решили жениться на вдовах, живших в женском

городке. Они самовольно ворвались туда ночью. Женщины, по словам очевидцев, были охвачены паникой; несколько сот из них покончили жизнь самоубийством. Вскоре Хун Сю-цюань даже разрешил высшим тайпинским военачальникам иметь гаремы. В 1861 г. он издал специальный указ, регулирующий браки подданных Тайпин Тяньго. По этому указу высшие князья могли иметь одиннадцать жен, офицеры высшего ранга — по три, офицеры среднего ранга — по две, а низшие офицеры, как и рядовые граждане, — по одной жене.

Появилась роскошь, раньше столь ненавистная тайпинам. Сам Гань-ван давал тон своим подчиненным. Он одевался в желтое платье, расшитое драконами (в подражание китайскому императору), носил высокую шляпу, позолоченную, с драгоценными камнями в подражание короне минских императоров. При нем всегда была свита в несколько пажей с опахалами.

Совсем иной становилась и тайпинская армия. Вот, например, как характеризовали ее современники тайпинов: «Командующий армией имел право ездить в цветном паланкине, который несли 4 человека. Перед ним несли символы власти (зонты и т. д.) в очень большом количестве, и весь выезд с охраной был очень велик. Даже у администратора самых низших ступеней, как у «сыма», были сопровождающие при выезде. Они могли решать все споры в деревнях. Должности эти все были наследственные; бессовестные и невежественные люди слетались на эти места». «Местное население, — писал другой современник тайпинского движения, — на главном театре военных действий было далеко не на стороне повстанцев... Прежде войска Хун Сю-цюаня не позволяли себе ни малейших беспорядков; они собирали контрибуции, но никогда не пускались на грабежи; но теперь дисциплина в повстанческих отрядах так упала, что жители стали так же бояться их, как императорских войск; опустошения, произведенные ими после осады Нанкина, окончательно уронили их в мнении народных масс».

Все это было неизбежным результатом перерождения Тайпинского государства. В этих условиях было неизбежно и оживление бандитских элементов, которые пристали к тайпинам и которых тайпины на первых этапах борьбы держали крепко в руках.

Все это еще больше дискредитировало тайпинов в глазах населения.

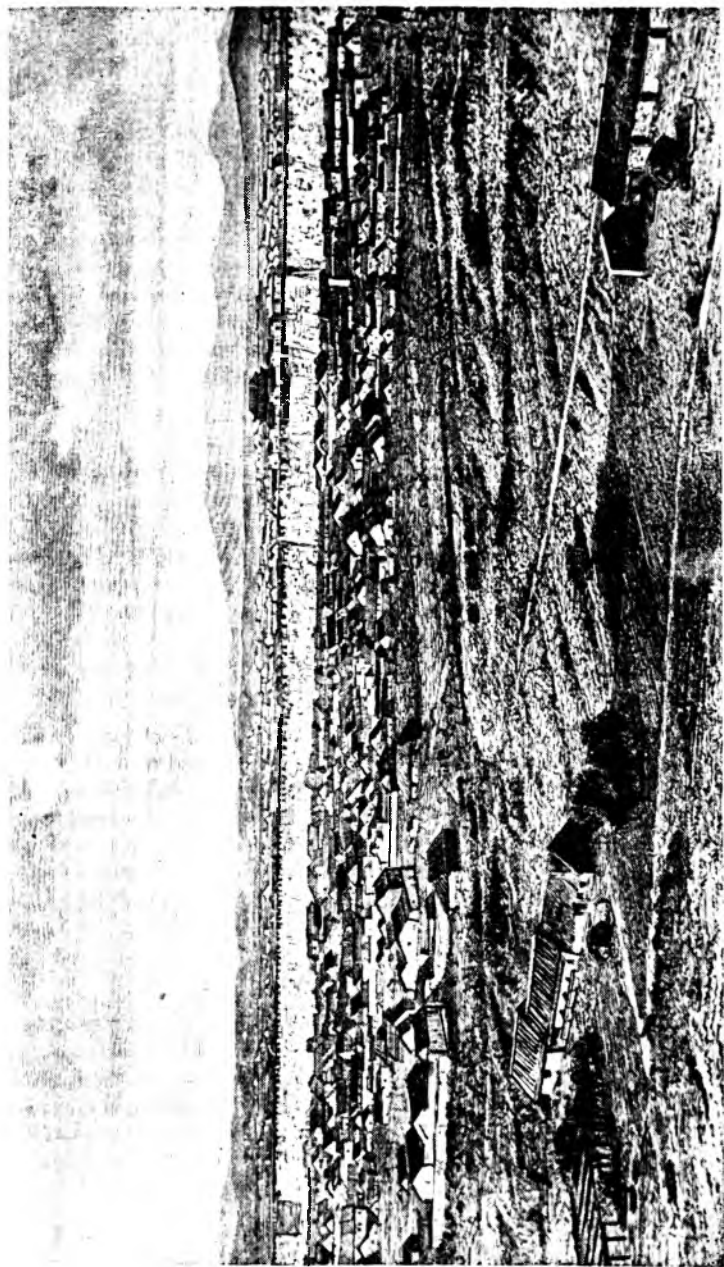
Между тем контрреволюционные войска Цзэн Го-фаня и других организаторов «добровольческих армий» все более усиливались. Они использовали недовольство крестьянства тайпинами и всяческими средствами и мерами старались привлечь крестьян на свою сторону. Вожди реакции широко использовали в борьбе с тайпинами семейные и земляческие связи крестьянства.

Там, где не удавалось привлечь крестьянство, Цзэн Го-фань применял свирепый террор. Он создал знаменитую систему круговой поруки в деревне, так называемую систему «баоцзя»: все население отвечает за каждого односельчанина. «Ловить преступников с помощью населения», — так гласила формула Цзэн Го-фаня. Начались знаменитые «чистки деревень». Эту систему широко использовала китайская реакция и в последующие периоды борьбы с революцией.

Процесс перерождения тайпинской верхушки не мог не повлечь за собой отход крестьянства от Тайпинского государства, а это вызывало ослабление боевой мощи тайпинов и уменьшение тайпинской территории. Не будучи поддержаны крестьянством, тайпины не имели сил, чтобы в нужной мере сопротивляться непрекращающемуся наступлению правительственных войск и «добровольческих армий».

Уже в конце 1856 г., вскоре же после убийства Ян Сю-цина и Вэй Чан-хоя и ухода из Нанкина Ши Да-кая, Тайпин Тяньго вступило в тяжелый кризис. В декабре 1856 г. тайпины в третий и последний раз потеряли Учан, находившийся под их властью в течение 18 месяцев. В 1857 г. тайпины потеряли почти всю ранее занятую ими территорию в провинции Цзянсу, включая и города Чжэньцзян и Янчжоу на Великом канале. Вторая война Китая с капиталистическими государствами Европы несколько ослабила наступление реакции на тайпинов, но вскоре, собравшись с новыми силами и заручившись поддержкой англичан, реакция начала новое наступление на тайпинов.

В 1858 г. против тайпинов действовали с различных сторон четыре вражеских армии. Первая — под командованием прославленного генерала Чжан Гэ-ляна — оперировала к югу от Янцзы, имея задачей отвоевать Нанкин. Вторая — оперировала к северу от Янцзы, имея штаб в городе Янчжоу. Нанкин был окружен. Третья армия Ли Сю-бина действовала в провинции Аньхой, осаждая Аньцин. И, наконец,

Общий вид города Нанника.

армия Цзэн Го-фаня, уже перенесшая после отвоевания Хубэя и Хунани свои действия в Цзянси. Окруженные со всех сторон, тайпины переживали, как казалось, последние дни.

Ши Да-кай действовал самостоятельно в провинциях Цзянси и Чжэцзян и время от времени одерживал победы над отдельными отрядами манчжуров. Но старая основная территория Тайпин Тяньго (район среднего течения Янцзы, находившийся под властью Гань-вана) получала удар за ударом. К концу 1859 г. Гань-вану была подвластна лишь небольшая узкая полоса на Янцзы между Нанкином и Аньцином. «Восстание, — констатировал английский историк, — было зажато в мертвое кольцо, и его силы были на исходе вследствие истощения запасов пищи и военных припасов».

С конца 1859 г. началась решительная борьба за Нанкин. Вокруг столицы Тайпинского государства было сосредоточено почти стотысячное войско, не считая флота, блокировавшего город со стороны реки Янцзы.

Осажденный Нанкин терял последние силы. Но в тот момент, когда участь столицы Тайпин Тяньго была, казалось, предрешена, тайпины обратились к Ши Да-каю, прося его помощи в борьбе против наступающего противника. Ши Да-кай откликнулся на этот призыв и пошел к Нанкину.

Осада Нанкина продолжалась в течение пяти месяцев. И только к маю 1860 г., когда войска Ши Да-кай подошли к стенам города, осаждающие были разбиты, потеряв в этой борьбе 60 тыс. человек убитыми. Разгромом войск реакции под Нанкином открылась новая полоса побед тайпинской армии.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1862-1864 г.г.

I.

Одним из немногих, кто пытался продолжать борьбу против феодального перерождения тайпинов, был славный Ли Сю-чэн. Он родился в 1824 г. в гуансийской деревушке Синьван. Семья его влачила нищенское существование. Ли Сю-чэн с малых лет работал в поле вместе с отцом. Когда тайпины начали свой знаменитый поход из Гуанси и весть об этом дошла до Синьвана, Ли Сю-чэн вступил рядовым в тайпинскую армию. Сам он рассказывал об этом решающем моменте своей жизни так: «Великая нищета нашего дома послужила причиной моего ухода из дома. Наша семья вела жалкое существование, с трудом перебивалась, и я вынужден был помогать отцу и матери добывать средства к жизни». К тайпинам примкнула вся семья Ли Сю-чэна. Старик-отец пошел кашеваром в тайпинскую армию.

Отличаясь исключительными способностями, Ли Сю-чэн много учился и много читал.

Ли Сю-чэн проделал весь исторический путь от Гуанси до Нанкина в качестве рядового тайпинской армии. После занятия Нанкина Ли Сю-чэн выдвинулся на небольшую командную должность. Вместе с армией Вэй Чан-хоя он завоевывал провинцию Аньхой. В 1854 г. после занятия тайпинами Лучжоу Ли Сю-чэн был назначен комендантом этого крупного областного города. С этих пор началось быстрое продвижение этого талантливого полководца. За исключительные заслуги перед тайпинским движением, за верность и преданность народу Ли Сю-чэн получил высокий титул «верного князя» (Чжун-ван).

После убийства Ян Сю-цина и начавшегося перерождения тайпинов Ли Сю-чэн пытался сохранить прежние револю-

циснные традиции тайпинов. Он не побоялся выдвинуть следующие требования: установить строгие наказания чиновников за взяточничество и продажу должностей, провести снижение налогов, сместить не оправдавших себя чиновников, выдвинув вместо них новых. Ли Сю-чэн предложил также, чтобы все тайпинские чиновники, из которых многие накопили большие богатства, отдали свое имущество государству для закупки хлеба.

Но все эти требования Ли Сю-чэна не смогли остановить процесса феодального перерождения Тайпинского государства. «Я не мог удержаться от того, — писал Ли Сю-чэн в своей автобиографии, — чтобы не выступить против того положения, в котором находились дела. Я просил нашего вождя избрать себе в помощники достойных людей, издать закон об облегчении положения народа и обновить... администрацию. Я советовал относиться к народу с большим вниманием и попрежнему Ши Да-каю предпочитать Фу-вану и Ань-вану. Мое представление об этом имело результатом декрет, лишивший меня моего ранга». Ли Сю-чэн получил отставку. Он ушел от тайпинов и продолжал самостоятельную борьбу, опираясь на крестьянство.

Но в 1859 г., когда Нанкин был осажден, Ли Сю-чэн вместе с Ши Да-каем пришел на помощь столице тайпинов. Именно ему и принадлежала, главным образом, честь спасения Нанкина.

Отбросив манчжурские войска от Нанкина, Ли Сю-чэн открыл этим новую полосу блестящих успехов своей армии. В мае 1860 г. он взял штурмом Сучжоу — «китайский Париж», город с миллионным населением. Ли Сю-чэн продолжал преследование противника. Его армия быстро росла. Из деревни в деревню, из города в город проносилась весть о новом крестьянском полководце, побеждающем манчжурских мандаринов и военачальников. В новых районах, куда входил Ли Сю-чэн, он находил широкую поддержку и крестьянства, и городской бедноты. Ли Сю-чэн стал признанным и любимым вождем тайпинской армии.

В августе 1860 г. Ли Сю-чэн начал штурм Шанхая¹. Но он встретил сопротивление не только китайских, но и англо-французских войск. Шанхай отбил нападение тайпинов англо-французскими пушками. За несколько месяцев до этого в Шанхае были сосредоточены англо-французские войска,

¹ Шанхайское восстание „малых мечей“ было подавлено еще в 1855 г., и город к тому времени, когда Ли Сю-чэн подошел со своей армией к его стенам, снова был во власти манчжуров.

начавшие в то время третью войну с Китаем. Наместник Цзянсу, Хэ Гуй-цин, просил командование оставить эти войска для борьбы с тайпинами. Англо-французское командование не удовлетворило просьбу Хэ Гуй-цина, стремясь занять Пекин, но часть войск все же была оставлена в Шанхае на случай необходимости защиты города от тайпинов. Этот случай быстро представился. Иностранные войска обороняли не только иностранный сэттльмэнт, но и китайский город.

Ли Сю-чэн (Чжун-ван).

После неудачного штурма Шанхая 18 августа Ли Сю-чэн через

два дня возобновил штурм, но снова безуспешно. Следующие попытки тоже не принесли успеха, и 23 августа Ли Сю-чэн, раненный гранатой, отступил со своей армией от Шанхая.

В обороне Шанхая активно участвовали шанхайские компрადоры, купцы, ростовщики, которые были на стороне иностранцев и манчжурских войск в их борьбе против Ли Сю-чэна.

Например, один шанхайский банкир дал большие средства на борьбу с Ли Сю-чэном. Здесь же, в Шанхае, был организован первый наемный европейский отряд для борьбы с тайпинами. Этим отрядом командовал американский авантюрист Уард.

Этот отряд состоял из всякого сброда. Беглые солдаты и моряки из англо-французского корпуса, авантюристы, преступники, любители легкой наживы — все это потянулось к Уарду, составив его «гвардию».

Первой победой Уарда было взятие Сунцзяна. Так тайпины впервые непосредственно столкнулись с европейцами.

Еще недавно англичане и французы держали дружественный нейтралитет в отношении тайпинов в их борьбе с

манчжурской династией. Еще недавно англичане посылали в Нанкин свое военное судно «Гермес», чтобы «приветствовать» новое государство, а в сущности — использовать его. Но теперь отношение англичан к тайпинам совершенно изменилось.

Решающую роль в этом сыграл Тяньцзиньский договор 1858 г., заключенный между Англией и Китаем в результате войны 1856—1858 гг. Этот договор обуславливал возможность «открытия» для Англии реки Янцзы изгнанием «мятежников» из ее бассейна. Но Тяньцзиньский договор был утвержден лишь после третьей войны, в октябре 1860 г. До того времени он еще не вошел в силу. Не будучи уверенными в окончательном исходе своей борьбы с манчжурами, англичане не предпринимали и решительных действий против тайпинов, оставляя их «на всякий случай». Даже в период последнего наступления на Пекин в 1860 г. у англичан возникала мысль снова поддержать тайпинов, признав новое государство.

После капитуляции манчжуров англичане окончательно отказались от мысли ориентироваться на тайпинов и вступили с ними в открытую борьбу.

По Тяньцзиньскому договору были открыты для свободной торговли европейцев так называемые «порты захода» на Янцзы: Ханькоу, Цзюцзян, Чжэньцзян. После заключения Пекинского соглашения и утверждения Тяньцзиньского договора Англия приступила к реализации добытых ею по этим договорам прав. В начале 1861 г. из Шанхая отплыла на Янцзы военная эскадра, с которой следовали консулы, назначенные во вновь открытые порты на Янцзы. Часть эскадры осталась в названных пунктах «для защиты интересов Британии». Так англичане создали для себя новые опорные пункты в самом центре Китая, а следовательно, лишили тайпинов возможности держать в своих руках Янцзы. С этих пор борьба тайпинов с манчжурами чрезвычайно затруднялась пребыванием европейцев и их военных сил в ряде решающих городов на Янцзы. Заняв эти города, европейцы начали прямую борьбу против тайпинов.

Прежде всего европейцы стали помогать манчжурской династии тем, что предоставляли свой флаг войскам, боровшимся против тайпинов. Поскольку тайпины считали, что иностранцы соблюдают нейтралитет, они не решались обстреливать суда, проходившие по Янцзы мимо Нанкина под английским флагом, а между тем именно эти суда везли манчжурские войска, а также обмундирование и снаряжение для них в районы, где шли решающие бои.

Это вероломство иностранных захватчиков, которые, договорившись соблюдать нейтралитет, перешли к активным действиям против тайпинов, вызвало резкое возмущение Ли Сю-чэна. Он поставил своей задачей отомстить иностранцам, которых возненавидел. Ли Сю-чэн так объяснял, обращаясь к иностранцам, почему он начал борьбу против них: «Почему? — Потому что иностранцы нарушили данное нам слово. Англичане и американцы условились с нами оставаться нейтральными в нашей войне с манчжурами. Это условие с их стороны соблюдалось так, что они помогали, как только могли, манчжурскому правительству собрать силы для войны, позволяли своим подданным поступать на службу к манчжурам... Это было не все: они на деле со своими собственными войсками вторглись на нашу территорию и нарушили самые священные обычаи войны, позволяя или не препятствуя китайским войскам совершать самые ужасные варварства... пытки, которым были в последнее время подвергнуты некоторые из наших, захваченные в плен, доказывают нам цену вашей нейтральности».

Эта речь Ли Сю-чэна была записана одним из иностранцев и тогда же опубликована в одной из шанхайских газет. Иностранные «культуртрегеры» издевались над «вождем кули», осмелившимся осуждать «цивилизаторскую деятельность» европейцев.

Но эта речь вошла в арсенал наиболее замечательных антииностранных выступлений. Она была насыщена такой революционной силой, такой смелостью, столь исчерпывающе разоблачала подлость и низость колониальных захватчиков, что и сейчас слова Ли Сю-чэна можно бросить в лицо империалистам, грабящим Китай. Ли Сю-чэн говорил, что американцы протитуировали свой флаг, давая его китайским судам, провозившим мимо тайпинов оружие для борьбы с тайпинами. «Не есть ли это, — говорил Ли Сю-чэн, — самое позорное злоупотребление американской национальностью? Не есть ли это подлое торгашество, низкая сделка с достоинством и честью благородного народа? Не покраснеют ли великие иностранные государства при виде унижения их флагов, используемых для частного возвеличения и позорной проституции?»

Ли Сю-чэн разоблачал мошеннические приемы иностранцев, применяемые ими в торговле, разрешенной на территории тайпинов. «С помощью гигантского акта мошенничества, — говорил он, — иностранные консулы дали туземным судам документы и свой национальный флаг просто за плату, грабя таким образом у нас наши доходы. Терпел ли эти

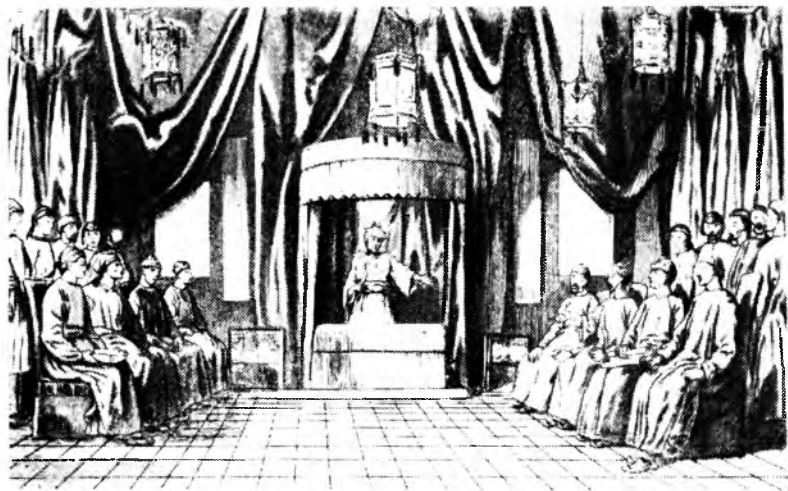

насилия какой-либо другой народ в течение многих лет, как это делали мы, не принимая никаких ответных мер? А мы были обвинены в беспощадном варварстве, в сожжении городов, избиении народа».

Ли Сю-чэн вдруг прозрел, он увидел ту лицемерную политику, которую вели в отношении тайпинов иностранные захватчики в прежние годы. И он во весь голос бросил в лицо иностранцам свои обвинения: «То, что иностранные державы ведут игру, имея в виду свои собственные выгоды в Китае, вполне ясно нам. Когда некоторое время назад мы обратились по этому вопросу к их властям (в открытых портах), наши обращения были возвращены нераспечатанными. Это оскорбительное пренебрежение показало нам, что вы, иностранцы, считаете, что наше дело проиграно, или намерены привести его к этому. И подобно крысам на корабле, вы убегаете не от нас, но от ваших заверений нам».

Это была блестящая речь, достойная подлинного вождя. С исключительной силой и меткостью, с ненавистью к работодателям и полным сознанием своего превосходства клеймил Ли Сю-чэн захватчиков. Он понял смысл отказа захватчиков от переговоров со своими вчерашними «братьями во Христе». Он понял цену словам и обещаниям иностранных захватчиков, понял то, чего не понимали многие, даже лучшие деятели китайского национального движения и через десятки лет после смерти славного Ли Сю-чэна, когда звериный лик империалистов раскрылся во всей своей наготе. «Легко судить, — продолжал Ли Сю-чэн, — чего стоят возвышенные чувства чести, справедливости и равенства, о которых иностранцы заявляют китайскому народу. Сперва они нанесли почти смертельный удар манчжурской власти, затем под предлогом стремления к благу народа они подпирают качающийся призрак и активно ведут операции против нас».

Ли Сю-чэн понял необходимость энергичной борьбы против иностранцев; он был одним из тех немногих тайпинских лидеров, которые стали бороться против иностранных захватчиков. И это принесло ему новые блестящие победы. После неудачи под Шанхаем Ли Сю-чэн перенес военные действия в провинцию Чжэцзян. В стремительном марше он опрокинул на своем пути манчжурские войска и вторгся в богатейшие районы шелководства и чаеводства. В начале сентября 1860 г. Ли Сю-чэн взял Чжапу, а вслед за тем ряд других пунктов. Через несколько месяцев он уже подходил к столице Чжэцзяна, старинному городу Ханчжоу.

Военный совет Чжун-вана.

Это — крупнейший и богатейший город Китая, бывшая столица Сунской империи¹ — тогда один из крупнейших городов мира.

В марте 1861 г. Ли Сю-чэн сделал первую и неудачную попытку захватить Ханчжоу. Следующие три попытки были столь же неудачны. Наконец Ханчжоу был все же взят Ли Сю-чэном. 29 декабря 1861 г. манчжурский гарнизон был разбит наголову. За 20 дней до этого был взят также открытый порт Нинбо.

Две богатейшие провинции Китая — Цзянсу и Чжэцзян — стали новой ареной борьбы тайпинов, во главе которых стоял Ли Сю-чэн. Походы тайпинов из Гуанси к Нанкину и их Северный поход к Пекину были временем славных побед тайпинского оружия. Походы выдающегося полководца Ли Сю-чэна были третьим блестящим периодом побед тайпинской армии. Вся южная часть Цзянсу, за исключением Шанхая, северная часть Чжэцзяна и юго-восточная часть провинции Аньхой подпали под власть Ли Сю-чэна. В его руках находился ряд крупнейших городов Китая.

Шанхай, защищенный иностранными войсками, стал убежищем всех беглецов из взятых Ли Сю-чэном городов и сел. Вся реакция концентрировалась в Шанхае.

¹ Сунская империя существовала с 960 до 1280 г.

В то время как Ли Сю-чэн одерживал в Цзянсу и Чжэцзяне победу за победой, в северной части провинции Аньхой, в Хэнани, Хубэе и Шаньдуне продолжали партизанскую войну «факельщики». Они угрожали даже Пекину, ворвавшись в 1857 г. в область Даминфу. Движение «факельщиков» особенно усилилось во время англо-китайской войны 1860 г., а после поражения Китая и подписания позорного мира к движению «факельщиков» присоединилось значительное число партизанских отрядов, боровшихся против англичан. В октябре 1861 г. четырехтысячный отряд «факельщиков» появился у Чифу, угрожая захватом этого нового порта, «открытого» по договору 1858 г. Но город этот защищали французы под командованием адмирала Протэ.

Движение «факельщиков» и других партизанских отрядов в Северном Китае разрасталось с каждым днем; возникали новые организации повстанцев, не связанные с тайпинами. В одной Хэнани имелось не меньше 100 тыс. вооруженных партизан, скомплектованных, главным образом, из населения с берегов Желтой реки, оставшегося без крова в результате сильного наводнения. Во время операций тайпинов в Аньхое их армии пополнялись большим количеством прикnuвших к ним партизан. В провинции Шаньдун местные повстанцы также представляли собой значительную массу. В Сычуани имелось большое число небольших партизанских отрядов.

II.

Если в тех районах, где вновь подымалась крестьянская борьба, крестьяне одерживали победы, то в тех районах, где тайпины уже давно утвердились, положение было совершенно иное. Здесь уже давно шел процесс перерождения власти, и это имело своим результатом все растущее ослабление Тайпинского «царства небесного» и непрерывное уменьшение его территории. Конечно, имело большое значение и то, что реакция сосредоточивала свой основной удар, свои основные силы против территорий, входивших в состав Тайпинского государства, а этот непрекращающийся натиск, сопровождавшийся одновременно внутренним разложением в Тайпин Тяньго, вел все к новым и новым поражениям тайпинов.

Старая территория Тайпинского государства продолжала суживаться под ударами войск противника. Уже в сентябре

1861 г. тайпины потеряли Аньцин — последний из крупнейших городов, не считая Нанкина, остававшегося под властью Гань-вана. Осада Аньцина длилась много месяцев. Его население было совершенно истощено, люди питались человеческим мясом, продававшимся по две с половиной копейки за фунт. Взяв Аньцин, войска Цзэн Го-цюаня (брата Цзэн Го-фаня) зверски расправились с населением. Озлобленные упорным сопротивлением города, они убивали тысячи мирных жителей. По словам очевидцев, трупы запрудили всю реку, и иностранные суда, крейсировавшие по Янцзы мимо Аньцина, пробивались через трупы, как ледоколы через лед.

Вслед за Аньцином тайпины потеряли и все другие города и районы в центральной части провинции Аньхой, в бассейне Янцзы.

Хунань к 1862 г. уже считалась настолько «умиротворенной», что здесь было разрешено проводить государственные экзамены. Последние бои шли между правительственными войсками и тайпинами также и в провинции Хубэй. Войска Цзэн Го-фаня, освободившиеся после побед в районах западнее Нанкина, были переброшены в Цзянсу и Чжэцзян. Их перевозил мимо Нанкина по реке Янцзы английский флот с разрешения адмирала Хопа.

Иностранцы в борьбе против тайпинов активизировались все больше. Когда в декабре 1861 г. войска Ли Сю-чэна брали Нинбо, иностранцы помогали манчжурам оборонять этот «открытый» порт. С каждым днем англичане проявляли все более открыто враждебное отношение к тайпинам. После установления блока иностранцев с манчжурской династией тайпины имели против себя в качестве врагов не только манчжуров, но и всех европейцев. Даже русское купечество жаждало скорейшего «умиротворения» Китая и свободной торговли.

От оборонительных действий, начатых в Шанхае и Нинбо, европейцы перешли к вооруженному наступлению на тайпинов, в первую очередь на армию Ли Сю-чэна.

Англо-французские войска, разбившие манчжуров на севере, были переброшены в Шанхай и другие порты, открытые для иностранной торговли. Командующий военным флотом Англии в войне 1860 г. адмирал Хоп остался в Китае и вскоре принял на себя командование войсками интервентов. В 1861 г. адмирал Хоп послал тайпинам наглый ультиматум: он предлагал им возместить убытки, понесенные европейцами от грабежей, обеспечить свободное, беспрепят-

ственное плавание иностранного флота по Янцзы, не подходить ближе чем на 100 ли¹ к открытым портам (Шанхай, Цзюцзян, Ханькоу и др.). Эти требования, трактующие тайпинов как бандитов, показывали, что англичане уже чувствовали себя в Китае хозяевами. Они диктовали условия китайцам в их собственной стране, рассматривали Шанхай, Ханькоу и другие города, как принадлежащие им. Тайпины отвергли ультиматум, дав достойный ответ англичанам. Во-первых, они довели до сведения англичан, что тайпины не грабят, и, следовательно, первое требование о возмещении убытков направлено не по адресу. Во-вторых, они заявили, что свободный проезд английских судов по Янцзы не может быть допущен, так как тайпинам известно, что английский флот является зачастую прикрытием для манчжуров, и поэтому тайпины вынуждены обыскивать иностранные суда, проходящие через их территорию. Тайпины решительно отвергли и требование о том, чтобы они не подходили к открытым портам, ответив, что китайские города принадлежат Китаю и тайпины считают своей обязанностью изгнать из них манчжуров и мандаринов — врагов китайского народа. О нейтральной зоне в 100 ли не может быть и речи. Шанхай и другие города, еще находящиеся под властью манчжуров, будут взяты тайпинами.

Получив отказ в своих наглых требованиях, европейцы перешли в наступление. В феврале 1862 г. в Шанхае было созвано совещание англо-французских консулов и военных. На этом совещании решено было перейти к прямым военным действиям против «мятежников».

С февраля 1862 г. началась открытая интервенция держав в Китае.

В этой войне против китайского народа действовали под командованием английского адмирала Хопа и французского адмирала Протэ регулярные войска европейских держав, переброшенные с севера. В состав этого корпуса входило несколько тысяч прекрасно вооруженных европейских солдат.

Наряду с этим корпусом Хопа и Протэ продолжал действовать наемный отряд Уарда. Именно он обеспечил «спокойствие» в районе Шанхая, отвоевав здесь у тайпинов ряд пунктов и вооруженным путем создав вокруг Шанхая «нейтральную» зону, на которой настаивал в своем ультиматуме, обращенном к тайпинам, адмирал Хоп. За эти заслуги Уард был возведен манчжурами в чин бригадного генерала, а его

---

¹ Ли — около $\frac{1}{2}$ км.

отряду специальным императорским указом было присвоено имя «всегда победоносной армии».

Основные военные действия в 1862 г. были сосредоточены в провинциях Чжэцзян и Цзянсу против армии Ли Сю-чэна. Интервенты применяли в этой борьбе варварскую тактику. Они не ограничивались боевыми действиями, но стремились также лишить тайпинов продовольствия и снабжения. Адмирал Хоп систематически уничтожал все запасы продовольствия в захваченных им городах, поджигал склады, амбары, продовольственные транспорты. Так, однажды он уничтожил более 300 судов, везших тайпинам рис, мясо и другие продукты питания.

Первые победы были одержаны интервентами в феврале 1862 г., когда Уард занял ряд городов вокруг Шанхая. В апреле тайпины потеряли Чжапу в провинции Чжэцзян. В мае после кровопролитной борьбы англо-французские интервенты захватили Нинбо.

Операциями под Нинбо командовал английский капитан Дью. После взятия Нинбо Дью был назначен его военным комендантом. Он укрепил город новейшей европейской артиллерией, построил гранитные блокаузы, ввел в манчжурской армии европейских инструкторов. Господство манчжуров в отвоеванных у тайпинов городах превращалось в фикцию, — подлинными хозяевами в них становились европейцы.

Вслед за Нинбо интервенты в мае возвратили под власть манчжуров Цинпу и Наньяо в провинции Цзянсу. Этими операциями командовал французский адмирал Протэ. При осаде Наньяо он был ранен и вскоре умер.

Цинпу несколько раз переходил из рук в руки: в июне он был снова взят тайпинами, в августе — снова Уардом.

В жаркие летние месяцы 1862 г. война несколько утихла, но с осени она возобновилась с новой силой. Интервенты захватили ряд городов в Чжэцзяне вокруг Нинбо. В сентябре был взят Цзыци, во второй половине ноября — Юаньюй. В бою под Цзыци был убит командующий «всегда победоносной армией» Уард. Во главе армии был поставлен американец Бурджевейн. Но этот авантюрист недолго поддерживал честь «непобедимой»: при первых же поражениях он перешел на сторону тайпинов (через некоторое время он вернулся к интервентам, но через год снова перебежал к тайпинам).

«Всегда победоносной армией» после Бурджевейна командовали полковник Форрестер, после него — капитан Голланд и, наконец, — майор Гордон, сыгравший решающую роль в борьбе с тайпинами.

Осенью 1862 г. интервенция вступила в свою новую фазу. Союзники (англичане, французы и манчжуро-китайские реакционные войска) поняли, что победить тайпинов не так легко. Манчжуры подписали соглашение с Англией о закупке у ней военных судов для борьбы с тайпинами в районе Яндзы.

В Англии для манчжуров строился специальный флот, так называемая «эскадра вампиров». Командующим этой «эскадрой вампиров» был назначен английский капитан Осборн.

Англия давала Китаю вооружение, снабжала его боеприпасами. Английские капиталисты видели в борьбе против тайпинов удобный повод для дальнейшего вторжения в Китай, возможность дальнейшей наживы на снабжении китайской армии оружием и тканями для обмундирования. Английское правительство официально разрешило английским офицерам поступать на военную службу к манчжурам, давало Китаю субсидии.

Не отставали от Англии и царская Россия, и Франция. Русский царизм послал в помощь манчжурам 50 орудий и создал значительный денежный фонд для борьбы с тайпинами. Он обещал также помочь манчжурам в формировании новых войск посылкой инструкторов.

Прямая помощь интервентов обеспечила манчжурской армии значительно лучшее вооружение, чем то, какое она имела несколько лет назад. Вся пехота получила нарезное оружие. Артиллерия имела восьмидюймовые гаубицы, 32-фунтовые пушки, 24-фунтовые гаубицы, американские горные единороги, мортиры разных калибров, ракетные станки. Сухопутным войскам помогала флотилия речных судов, среди которых было пять пароходов и множество лодок, вооруженных пушками. Достаточно сравнить это вооружение с китайским вооружением 1853—1854 гг., когда даже мечи были разворованы и заменены игрушками из листового железа, когда пики имели деревянные наконечники, окрашенные в серый цвет, когда у многих солдат вместо ружей были палки, — чтобы представить себе, какую помощь оказали иностранцы манчжурам.

Наряду с иностранными и манчжурскими правительственными войсками продолжали действовать и местные военные формирования, так называемые «добровольческие армии», созданные уже ранее в Хунани, Аньхое и Цзянси китайскими джентри, ростовщиками, крупными землевладельцами. Некоторые из этих джентрийских партизанских отрядов выросли в мощные армии, и манчжуры сочли за лучшее признать их правительственными войсками.

Организаторы этих армий — Цзэн Го-фань, его брат Цзэн Го-цюань и другие — получили официальные должности от императора, выдвигаясь в ряды крупнейших государственных деятелей. Особенно блестящую карьеру в борьбе с тайпинами сделал Цзэн Го-фань. Одержав значительные победы над тайпинами в Хунани, Хубэе и Цзянси, Цзэн Го-фань перебросил свою армию в провинции Цзянсу и Чжэцзян и вскоре (июнь 1860 г.) был назначен наместником этих провинций и главнокомандующим всеми силами по борьбе с тайпинами. Сформированные им добровольческие части стали правительственными войсками. Командный состав этих частей, созданный им из среды джентри и помещиков, стал костяком новой армии. Близкие ему люди были назначены на крупные военные и государственные посты.

Наиболее видными из ставленников Цзэн Го-фаня, в дальнейшем затмившими своего учителя, были Ли Хун-чжан и Цзо Цзун-тан.

Формируя «хунаньских молодцов», Цзэн Го-фань по старым связям взял Цзо Цзун-тана к себе в адъютанты. Вместе с повышением Цзэн Го-фаня шли в гору Ли Хун-чжан и Цзо Цзун-тан. И когда Цзэн стал наместником провинций Цзянсу и Чжэцзян, он назначил Цзо Цзун-тана губернатором Чжэцзяна, а Ли Хун-чжана — губернатором Цзянсу.

В борьбе с тайпинами силы господствующих классов сплачивались. С одной стороны, в борьбе с народным восстанием окреп за счет новых китайских сил аппарат феодального государства, — перед угрозой тайпинов манчжуры были вынуждены забыть свои привилегии. С другой стороны, возросшее значение китайцев во всем аппарате государства и укрепление аппарата манчжурской династии примирило с манчжурами и многие в прошлом оппозиционные элементы из среды джентри и крупных землевладельцев, которые раньше входили в различные тайные общества и примыкали даже к тайпинам в расчете на свержение чужеземной, к тому же вконец прогнившей династии, не способной защищать интересы господствующих классов Китая. Местные военные формирования и их признание манчжурским двором явились формой приобщения многих из этих ранее оппозиционных элементов к власти через новый и вполне приемлемый для них канал. Это давало возможность не только подавить крестьянское восстание, но и вырвать у манчжуров побольше уступок для себя, добиться для себя тех условий, отсутствие которых в прошлом толкало определенные слои китайской верхушки в оппозицию к манчжурской династии.

В марте 1863 г. командующим всегда победоносной армией был назначен англичанин Гордон. Он принял армию в отнюдь не «победоносном» состоянии. Всякий сброд, собранный в армию Уардем, Бурджевейном и другими предшественниками Гордона, представлял собой разнузданную грабительскую банду.

Гордон поставил первой своей задачей дисциплинировать и укрепить армию. На высшие и средние командные посты назначались приезжающие из Англии офицеры. В апреле 1863 г. Гордон одержал первые победы над тайпинами. Уже раньше, в конце 1862 и в начале 1863 г., тайпины потеряли ряд важных пунктов в Цзянсу (Цинпу, Наньяо). Гордон, оперировавший в этой провинции, повел наступление на Фушань и вскоре отвоевал его у тайпинов. Вслед за тем в мае он взял Тайцан и Куньшань, в конце июля — Уцзян, расчищая себе путь к Сучжоу. Этот важнейший центр провинции Цзянсу, ставший после захвата тайпинами Нанкина столицей провинции, был окружен со всех сторон войсками Гордона.

Одновременно с тем, как Гордон развивал свои действия в Цзянсу, усиливалось наступление интервентов в провинции Чжэцзян. Тайпины к этому времени уже лишились здесь огромной территории (Нинбо, Чжапу, Фынхуа, Сяошань и др.). В марте 1863 г. интервенты заняли областной центр Шаосин. Это был последний крупный город на пути к Ханчжоу.

Все более суживался район, занятый Тайпинским государством. Шаг за шагом тайпины вынуждены были очищать территорию провинций Чжэцзян и Цзянсу. Постепенно стягивались вражеские кольца вокруг Нанкина, Сучжоу, Ханчжоу.

В районах, которые занимали реакционные войска и англо-французские отряды, происходили неслыханные грабежи, зверские расправы с населением. Когда манчжуры взяли Ханчжоу и свыше 20 окружающих этот город деревень, они разграбили весь район, убили все мужское население, а женщин и детей продали в рабство. Женщины продавались по 4 доллара. Все это происходило на глазах у англичан. В частном письме одного англичанина мы читаем: «...Этот джентльмен, который присутствовал при взятии Цинпу, уведомил меня, что он держал своими руками головы 14 женщин, в то время как им резали горло английские и французские солдаты. Их было много больше, но он держал головы 14 женщин своими собственными руками». Интервенты

и манчжуро-китайские войска оставляли на своем пути потоки человеческой крови, разрушенные и обугленные жилища, разграбленные города и села. Десятки тысяч трупов зарубленных мужчин и изнасилованных женщин заполняли дороги и селения. Некогда цветущие районы превращались в пустыри, брошенные последними уцелевшими их жителями. Дороги были испорчены, каналы, ирригационные сооружения разрушены, торговля, ремесла и промышленность, судоходство, транспорт пришли в полный упадок. Погибли старинные фарфоровые мануфактуры в Цзиньдэчжэне, шелковые фабрики в Сучжоу, чайные и шелковичные плантации Цзянсу и Чжэцзяна, славившиеся на весь мир.

В начале декабря 1863 года объединенными силами Гордона и Ли Хун-чжана после долгой осады был взят Сучжоу. Этот крупнейший торгово-промышленный центр был одним из последних оплотов тайпинов. Его защищал тайпинский вождь Му-ван. Долго бились осаждавшие войска с героическими защитниками города и все же не могли его взять. Огромная городская стена, имевшая 27 верст в окружности, крепко охраняла город. Тогда Ли Хун-чжан прибег к испытанному средству—подкупу. На то, что удастся подкуп Му-вана, Ли Хун-чжан не рассчитывал, но он сумел подкупить несколько второстепенных тайпинских военачальников. Условия сдачи было намечено предварительное убийство Му-вана. За эту подлую измену и открытие ворот города Ли Хун-чжан и Гордон обещали предателям жизнь и крупные посты в правительственной армии. Сговор состоялся. В назначенную ночь предатели подкрались к дому Му-вана и, убив его, открыли интервентам городские ворота, вручив осаждавшим голову Му-вана.

Зверства победителей в Сучжоу превзошли всё, что было до сих пор. За несколько дней было казнено 30 тыс. человек, причем в это число входили не только тайпинские солдаты, но и мирные жители. Земля на площади, где происходили казни, пропиталась кровью. Очевидцы сообщали, что даже на двенадцатый день после кровавой расправы по городу текли красноватые ручьи и везде были следы запекшейся крови. Предатели предстали перед победителями с головой Му-вана, ожидая награды. В их честь Ли Хун-чжан устроил торжественный пир на своем пароходе. Но выполнять свое обещание он и не думал: в разгар пира предатели были убиты спрятанными на судне солдатами. За «блестящую победу» Ли Хун-чжан был пожалован почетным званием, а Гордон — крупной денежной наградой.

После Сучжоу был взят Уси. Из крупных городов в руках тайпинов оставались лишь Нанкин, Хучжоу, Ханчжоу и Чжэнчжоу, не считая нескольких менее крупных пунктов в окрестных районах. На этой территории, со всех сторон окруженной врагами, свирепствовал голод, уносивший десятки тысяч народа. Нанкин — столица тайпинов — также был схвачен голодом. Люди ели человеческое мясо.

31 марта 1864 г. Цзо Цзун-тан при помощи французских войск взял Ханчжоу. Дни Тайпинского государства были сочтены. В Нанкин — столицу Тайпин Тяньго — в последний раз возвратился Ли Сю-чэн, гонимый из прибрежных районов англо-французскими войсками. Он сделал последнюю попытку спасти Тайпинское государство. Ли Сю-чэн предлагал оставить Нанкин и с боями отступить в глубь страны, в ее дальние западные районы, где действовал Ши Да-кай. Но уже было поздно. Все пути отступления были отрезаны войсками реакции.

11 мая 1864 г. Гордон взял Ханчжоу, 18 мая тайпины сами покинули Тяньян, в их руках остались лишь Нанкин и Хучжоу, осажденные реакционными войсками. В течение нескольких месяцев продолжалась осада Нанкина пятидесяти-тысячной армией. Город был отрезан от всей страны, от всех источников снабжения. Голод, эпидемии, болезни свирепствовали среди жителей столицы Тайпинского государства. Казалось, не было больше надежды на спасение. Хун Сю-цюань, «царь небесный», в отчаянии кончил жизнь самоубийством, проглотив золотую пластинку (30 июня 1864 г.), Гань-ван бежал. Но Ли Сю-чэн не сдавался. Он принял на себя верховную власть. Исключительная энергия этого блестящего полководца, выдающегося вождя и организатора изыскивала все новые пути к спасению гибнущего Тайпин Тяньго. В дни решающей осады, когда, казалось, все было потеряно, Ли Сю-чэн во главе нескольких тысяч тайпинов, перодетых в форму правительственных войск, произвел неожиданную вылазку из города и ворвался в лагерь врагов. «Минута, — пишет китайский историк, — и они распались бы, как разбившаяся черепица, рассеялись бы, как испуганное стадо зверей». Но подоспевшие из другого лагеря войска спасли осаждавших. Вылазка не удалась. На завтра, 19 июля, огромная городская стена Нанкина была взорвана заложенными в подкопах минами и разрушена на протяжении 40 с лишком метров. Войска Цзэн Го-цюаня, брата Цзэн Го-фаня, вступили в город. Тайпины оказывали героическое сопротивление, отстаивая каждый шаг и оставляя сотни

真忠軍師忠王李

為

給憑事茲有洋兄弟哈喇前往上海寧波一帶
採辦兵糧凡是經過地方隨時接濟米糧油鹽柴
伙等件不致缺乏為要一經辦訖即駕至嘉興郡
交與 魏王查照並付給價值可也再仰沿途把守

關
往嘉興郡

天父天兄天王太極天國於開十三年十月

日

日

Мандат, выданный Чжун-ваном.

убитых. Победители входили в Нанкин через горы трупов. Ли Сю-чэн продолжал руководить обороной уже на улицах Нанкина. В течение трех суток продолжалась борьба за каждую улицу, за каждый переулок, за каждый дом. Город был охвачен пожаром, в течение трех суток пожиравшим нанкинские дворцы, дома, лачуги. В течение трех суток продолжалась резня на улицах Нанкина, унесшая около 100 тысяч жизней. Нанкинское побоище не знало себе равного во всей истории Китая.

28 августа французские войска взяли последний оплот тайпинов — город Хучжоу.

Ли Сю-чэн был взят в плен. Он мог бежать в первые же дни осады, но он остался на своем посту до последнего часа. «Действительно, настоящий герой Ли Сю-чэн! — писал о его последних днях китайский историк. — Он решает мужественно пожертвовать своей жизнью, чтобы погибнуть вместе с гибелью своего государства. Даже великие государственные деятели и ученые полководцы древности не могли превзойти его».

Ли Сю-чэн был заключен в тюрьму, где ожидал казни. Здесь в тюрьме он написал свою автобиографию. По традиции, столь важного государственного преступника должны были отвезти для казни в Пекин. Но выполнить эту традицию не решались, опасаясь, что народный вождь может быть освобожден в пути. Ли Сю-чэн был казнен в Нанкине 7 августа 1864 г. самой жестокой из существующих в Китае казней — его тело разрубили на куски.

Даже враги были вынуждены отдать должное славному полководцу тайпинов. По словам Гордона, это был «самый храбрый, самый талантливый и предприимчивый главарь, какого мятежники имели...». Китайские революционеры высоко чтят память Ли Сю-чэна. Они видят в Ли Сю-чэне образец борца за свободу народа.

Еще раньше погиб другой вождь тайпинов, Ши Да-кай. Все эти годы он вел партизанскую борьбу. Армия Ши Да-кай росла, как и армия Ли Сю-чэна. В периоды наибольшего подъема борьбы Ши Да-кай насчитывал под своей командой 300 тыс. бойцов. Ши Да-кай обошел со своими отрядами почти весь Китай. Он прошел провинции Аньхой, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, он снова был в Цзянси, а потом двинулся на запад через Хунань в Гуанси, дальше в Гуйчжоу, опять в Хунань и затем через Юньнань в Сычуань, в Шэньси, опять в Сычуань. Здесь в 1863 г. Ши Да-кай был убит, а вскоре была разбита и его армия. Китайское крестьянство до сих пор чтит память этого вождя тайпинов.

III.

После падения тайпинской столицы остатки некоторых отрядов тайпинов еще в течение двух лет продолжали партизанскую борьбу в Цзянси и Фуцзяни. Во главе одного из отрядов стоял Гань-ван. Другой отряд возглавлял брат Ли Сю-чэна. Отдельные отряды тайпинов присоединились к «факельщикам», другие прорвались в Гуанси и Гуандун.

В 1866 г. погиб последний отряд тайпинов в Фуцзяни. Самое слово «тайпины» исчезло из официальных документов. Движение, в течение 15 лет потрясавшее Китай, считалось окончательно подавленным. Общее количество убитых в период подавления тайпинов исчислялось миллионами.

«Герои» подавления тайпинов были награждены по милостивому указу императора. Цзэн Го-фань получил титул маркиза первой степени. Его брат, Цзэн Го-цюань, и Ли Хун-чжан — титулы барона. Гордон получил орден, денежную награду в 10 тыс. таэлей и ценные почетные подарки. Шанхайское купечество от себя преподнесло Гордону благодарственный адрес.

Вскоре же после того, как было подавлено восстание тайпинов в Центральном Китае, было разбито и партизанское движение «факельщиков» в Северном Китае.

В период 1865—1866 г. движение «факельщиков» еще охватывало почти всю территорию между Хуанхэ и Янцзы, т. е. провинцию Хэнань, северную часть Хубэя, Аньхой, часть Шаньдуна и север Цзянсу. В 1863 г. вождь «факельщиков» Чжан Ло-синь был схвачен и казнен. После его гибели движение возглавил его племянник Чжан Цзун-юй.

«Факельщики», к которым примкнули и остатки тайпинов стали сейчас основной опасностью для манчжуров. В докладах мандаринов с мест слово «факельщик» стало равнозначным быломu слову «тайпин».

За время долголетней борьбы против «факельщиков» манчжурами назначались для подавления повстанцев один за другим 22 полководца. Ни один из них не мог справиться с партизанами. После подавления тайпинов главнокомандующим силами, направленными против «факельщиков», был назначен Цзэн Го-фань. Он вскоре заболел, и его заменил на этом посту Ли Хун-чжан.

По своему содержанию движение «факельщиков» во многом уступало тайпинам. В отличие от тайпинов «факельщики» не ставили себе целью захватить определенную территорию, совсем не имели программы борьбы. Они шли

лавиной, уничтожая мандаринов и помещиков везде, где последние им встречались. Они захватывали поселки и города, где творили революционную расправу над классовыми врагами.

Они не стремились, как это делали тайпины, задержать в своих руках занятые пункты и нередко, истощив правительственные войска осадой какого-либо своего пункта, добровольно его покидали, укрепляясь уже в другом месте.

В борьбе с «факельщиками» были применены своеобразные методы, которые и впоследствии пыталась возродить китайская контрреволюция. Цзэн Го-фань и Ли Хун-чжан пытались оттеснить «факельщиков» на небольшую территорию, окружить их и физически уничтожить. Они гнали их, окружая со всех сторон, к морю, в провинцию Шаньдун, намереваясь здесь окружить их, загнав к побережью. Ли Хун-чжан был почти у цели, настигнув основные отряды у моря, но они сели на суда, захваченные ими на побережье, и вышли в море, снова высадившись через некоторое время в тылу у Ли Хун-чжана.

В начале 1868 г. Чжан Цзун-юй ворвался в столичную провинцию Чжили и даже угрожал Пекину. Ли Хун-чжан, оказавшийся неспособным справиться с «факельщиками», был разжалован и лишен всех титулов и наград.

Но это уже были последние победы «факельщиков». Вскоре тот же Ли Хун-чжан окончательно разбил отряд «факельщиков» и возвратил себе все почести. Чжан Цзун-юй, разбитый в последнем бою у Жэньцина (в Шаньдуне), бросился в реку.

Так закончилось и это партизанское движение, в течение многих лет охватывавшее Северный Китай.

Великая крестьянская война во всех ее формах и разветвлениях потерпела поражение.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Великая крестьянская война, бушевавшая в Китае в середине XIX в., была одной из многочисленных крестьянских войн, периодически вспыхивавших в Китае. Она во многом напоминает европейские крестьянские войны средних веков: движение таборитов в XV веке, французскую жакерию, движения Пугачева и Разина в России. Тот факт, что тайпины установили свою династию, лишней раз подчеркивает родство этого движения со старыми крестьянскими войнами. История Китая знает ряд случаев, когда династии сменялись именно в результате крестьянских войн, — после завоевания столицы вожди восставших крестьян создавали новую династию.

Но это лишь одна сторона вопроса, которая далеко не достаточна для того, чтобы определить сущность тайпинского движения.

Другая сторона заключается в том, что эта Великая крестьянская война, типичная для средневековья, происходила в новых международных условиях, когда Китай уже втягивался в капиталистическое развитие, когда на Западе господствовал капитализм, когда европейские капиталы уже завоевывали Китай.

В 1847 г. Энгельс в своей работе «Принципы коммунизма» писал: «... вследствие того, что машины все более понижали цены на изделия промышленности, повсюду прежняя система мануфактуры или промышленности, основанная на ручном труде, была разрушена. Все полуварварские страны, которые до сих пор оставались более или менее чужды историческому развитию и промышленность которых до сих пор опиралась на мануфактуру, теперь насильственным образом были выведены из своего состояния замкнутости. Они стали покупать более дешевые английские товары и обрекли на гибель своих собственных рабочих в мануфактуре. Таким образом, страны, которые в течение десятилетий не делали никакого успеха,

как, напр., Индия, подверглись полной революции, и даже Китай в настоящее время идет навстречу революции. Дошло до того, что новая машина, которая сегодня изобретается в Англии, через год лишает хлеба миллионы рабочих в Китае. Таким образом, крупная промышленность связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки в мировой рынок, распространила всюду цивилизацию и прогресс и привела к тому, что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны...»¹.

Китай стоял на пороге капиталистического развития. Но окончательно переступить этот порог можно было, только сломав застойное феодально-крепостническое общество, начиная с помещичьей собственности на землю и феодальной кабалы, с манчжурской феодальной династии и всего феодально-сословного и бюрократического строя, налогового гнета и закрепощения крестьянства и т. д. и кончая сословным неравенством, феодальной идеологией и «культурой», феодальным бытом, закрепощением женщины.

Именно эта задача ликвидации феодализма и стояла перед тайпинами.

Они не осознавали своей исторической задачи, но они решали ее на деле, уничтожая манчжурских феодалов, мандаринов, отменяя налоги, ликвидируя феодальное неравенство, крупную феодальную собственность, кабалу, всю гнилую феодальную рухлядь.

Уже при первых признаках начавшегося в Китае движения основоположники научного социализма приветствовали восстание тайпинов: «...Отрадно², что самая древняя и самая прочная империя в мире, под воздействием тюков ситца английских буржуа, за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации. Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до китайской стены, к воротам, которые ведут к архиконсервативной твердыне, то, как знать, не найдут ли они там надпись:

République chinoise
Liberté, Egalité, Fraternité³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 469.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 210—211.

³ „Китайская республика — Свобода, Равенство, Братство“.

Но надежды Маркса и Энгельса тогда не оправдались. Великая крестьянская война в Китае потерпела поражение и не только в силу того, что она была разбита манчжурскими феодалами и англо-французскими интервентами, но и в силу своей внутренней слабости. Китайское крестьянство оказалось тогда не в состоянии уничтожить феодализм. Даже придя к власти, оно создало монархическое государство, в котором быстро возродилась феодальная эксплуатация. Мы видели, что тайпинские вожди сами превратились в феодалов.

В чем же были причины этой внутренней слабости тайпинов?

Крестьянская власть создавалась в Китае не впервые. В результате побед крестьянских войн создались Ханьская и Минская империи, но и они, придя к власти, тоже перерождались, на завтра же реставрируя феодализм. Почему это происходило? «Отдельные крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹.

Но в период тайпинов в Китае еще не было рабочего класса в современном смысле этого слова, который мог бы руководить крестьянским движением.

Тайпин Тяньго, созданное в результате победоносной крестьянской войны, является яркой иллюстрацией к словам товарища Сталина. Крестьяне, не руководимые пролетариатом, даже придя к власти на части территории Китая, оказались не в состоянии построить новое общество. Равенство тайпинов, их крестьянский «коммунизм» были утопией. Когда тайпины толкли в ступе жемчуг и уничтожали его, они недаром боялись, что захваченные богатства «откроют, — как они говорили, — путь к гордости вождям». В условиях эпохи это была законная и оправданная боязнь. Вне пролетарского социализма нет и не может быть подлинного равенства. Равенство тайпинов это было чисто крестьянское, мелкобуржуазное стремление к «уравниловке», как мы говорим сейчас. Это стремление к равенству в ту эпоху имело огромное революционное значение в борьбе с феодальным гнетом, но оно было утопичным, и законы экономического развития взяли верх.

¹ Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом.

В Тайпин Тяньго, вопреки тайпинскому законодательству, оставались деньги, развивалась торговля, сплачивались силы купечества. Процесс капиталистического развития шел и не мог не идти и в деревне — на базе ликвидации феодализма. При этом шло расслоение крестьянства. Крестьянство стало раскалываться и политически.

Если бы все это происходило в высоко развитой капиталистической стране, если бы там был индустриальный пролетариат, то он возглавил бы и повел за собой трудящееся крестьянство. Но в этот период пролетариата в Китае не было.

Тайпинское «царство небесное» — это одна из лучших, прекраснейших страниц истории Китая.

Тайпинское «царство небесное» — это живой кусок «Утопии» Томаса Мора, «Города солнца» Фомы Кампанеллы, идеальных общественных укладов Сен-Симона, Фурье и других утопистов. «Закон о земле» и многие другие тайпинские законы — это прекрасные документы утопического социализма, но не больше.

В стране победившего социализма мы отдаем должное тайпинам, пытавшимся осуществить лучшие идеалы человечества. Мы чтим тайпинов и ставим имена их вождей — Ян Сю-цина, Хун Сю-цюаня, Ли Сю-чэна — в ряду лучших имен человечества, но мы не можем не видеть их слабости. Крестьянство, не руководимое пролетариатом, было бессильно решить задачи, стоявшие перед страной. Об этом говорят не только утопические попытки введения крестьянского коммунизма, но и монархическая форма Тайпинского государства, его религиозная оболочка. Об этом говорит отсутствие какой бы то ни было программы, отсутствие всяких лозунгов у «факельщиков». Об этом говорит, наконец, то, что в новых районах, куда приходили тайпины, они одерживали быстрые победы, а в тех районах, которые были под их властью в течение нескольких лет, они затем быстро терпели поражения.

На первом этапе в движение против феодализма включились известная часть купечества и некоторые оппозиционные слои господствующих сословий.

Мы видели, что купечество и джентри даже выдвинули своих представителей в ряды руководящих кадров тайпинского движения. Почему они шли на борьбу? Купцы были «простолюдинами» в отличие от аристократов, они не стояли у власти, их интересы не стояли под защитой законов, купцов грабили феодалы; купцы тяготились отсутствием широ-

кой возможности капиталистического развития. Известную роль играла также ненависть к манчжурам. Она же определяла участие в Крестьянской войне даже многих джентри. Но уже вскоре началась борьба этого купеческо-джентрийского крыла тайпинов с крестьянско-плебейским крылом, и крестьянство, не руководимое пролетариатом, потерпело в этой борьбе поражение. Ян Сю-цин был убит, и тайпины потеряли своего лучшего вождя.

Но само купечество, оттолкнувшее от себя крестьянство и городскую бедноту, не было в состоянии поставить Китай на самостоятельные рельсы. Находясь между двух огней, между продолжавшейся Крестьянской войной, с одной стороны, и наступающим феодализмом — с другой, купечество было вынуждено искать себе союзника. Купечество капитулировало перед силами феодализма. Мы видели быстрое перерождение тайпинов по пути феодальной реакции, мы видели, что купеческо-джентрийское крыло предало крестьянство, что представители купечества в тайпинском руководстве убили последовательного вождя крестьянства Ян Сю-цина.

Таковы были внутренние слабости тайпинов. Но решающий удар Тайпинскому государству нанесли иностранные капиталисты — Англия и Франция, вошедшие в союз с манчжурской реакцией для ликвидации тайпинов.

Иностранная интервенция в Китае 1862—1864 г. довершила разгром тайпинов. Только в блоке с наиболее реакционными силами отсталой страны европейская буржуазия видела залог успеха в порабощении колоний. Поддержка прогрессивных движений в колониях и зависимых странах не входит и не может входить в расчет капиталистов. Иностранный капитал неизбежно вступает в блок с самыми реакционными силами колониальных, и только это является условием его господства.

Мы видели, что именно блок английской «цивилизации» с китайским феодальным варварством в лице манчжуров явился решающим моментом в поражении тайпинов и шагом по пути к превращению Китая в полуколонию. Манчжуры продали Китай англичанам и французам, чтобы спасти свое господство. И с тех пор Китай быстро пошел по пути колониального закабаления его со стороны империалистов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Феодалный Китай накануне Великой крестьянской войны	3
Начало восстания	20
Походы тайпинской армии	37
Восстания „триады“ и „факельщиков“. Развал Манчжурской империи	55
Тайпинское государство (1853—1854 гг.)	67
Первые неудачи тайпинов. Тайпинское государство в 1854—1860 гг.	85
Англо-французская интервенция 1862—1864 гг.	99
Историческое значение Великой крестьянской войны	119

Редактор *А. Г. Григоренко*

***

Подписано к печати 14 XII 1940 г. Учетно-издательских листов 6,92 ± 0,2 (вклейка).
A27760. Печатных листов 7³/₄ 0,25 (вклейка). В печ. листе 65,000 зн. Тираж 25000 экз.
Цена 1 р. 25 к., переплет 75 коп.

***

Набрано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва,
Валовая, 28. Отпечатано в Полиграфкомбинате им. В. М. Молотова, Москва, Ярославское
шоссе, 99. Заказ № 5014

ТЕРРИТОРИЯ

РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТАЙПИНСКОГО

ДВИЖЕНИЯ

- ➔ Поход тайпинов из Гуанси к Нанкину (1852 - 53 гг.)
- ➔ Поход тайпинов от Нанкина на север (1853 г.)
- ➔ Вспомогательный поход тайпинов на север (1854 г.)
- ➔ Приблизительный маршрут партизанского похода Ши Да-кая (1860 - 63 гг.)
- ▨ Основная территория тайпинского государства после 1853 г.
- ▨ Основная территория действий Ли Сю-чэна (1860-64 гг.)
- △ Главнейшие центры движения „Триады“
- Границы провинций Дайцинской империи (Китай)

100 0 100 200 300 400 км

